А. ДЕГТЯРЕВ, И. ДУБОВ

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

А. ДЕГТЯРЕВ, И. ДУБОВ

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВА

Научно-художественная книга

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

Научный рецензент —
доктор исторических наук, профессор
Р. Ф. Итс

РИСУНКИ В. БЕСКАРАВАЙНОГО

Дегтярев А. Я., Дубов И. В.

Д26 Начало Отечества: Научно-художественная книга/Рис. В. Бескаравайного. — Л.: Дет. лит., 1983. — 184 с., ил.

В пер.: 70 к.

Авторы, молодые ученые, свою новую книгу посвящают образованию Древнерусского государства, первым векам его истории. Читатели познакомятся с историей Киева и Новгорода, с культурой русских людей того времени. Свой рассказ авторы доводят до XIII века.

9(с)13

Д $\frac{4802000000—176}{М101(03)—83}$ 387—83

На грани VIII и IX веков нашей эры у восточно-славянских племен завершился переход от первобытно-общинного строя к феодализму и возникли первые государственные образования. Воспоминания о них сохранились в сказаниях о мудром новгородском старейшине Гостомысле, отчаянном военном вожде Вадиме Храбром, павшем от рук приглашенных им же самим в Новгород варягов-наемников... В многовековую глубину уходят легенды об основании Киева. О правившем здесь в середине IX века князе Дире рассказывают авторы восточных летописей-хроник. «Первый из славянских царей есть царь Дира, — повествует один из них. — Он имеет обширные города и многие обитаемые страны. Мусульманские купцы прибывают в его столицу с разными товарами...»

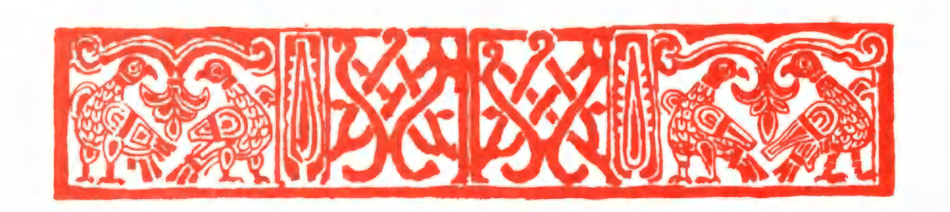
А 1100 лет назад — в 882 году, когда в Новгороде правил князь Олег, были объединены две крупнейшие земли восточных славян — Киевская и Новгородская. Так завершился очередной этап образования Древнерусского государства. На рубеже первого и второго тысячелетий выросла и расцвела могучая Киевская держава, сложилась единая древнерусская народность, от которой впоследствии произошли русские, украинцы и белорусы.

Первые века русской истории были временем настойчивого освоения лесов и степей, строительства сотен городов и тысяч сел, развития разнообразных ремесел. Эта созидательная работа сопровождалась тяжелыми войнами на внешних границах, где орды кочевников, сменяя друг друга в бурном водовороте истории, непрерывно накатывались на рубежи Киевской Руси.

А внутри страны шла острая борьба простых землепашцев и ремесленников против феодального закабаления. Восстания возгорались в разных концах Русской земли, сметали правителей и их приспешников. «Черный люд» упорно боролся за облегчение своей доли. Еще позднее добавились кровопролитные схватки соперничающих за первенство князей — страна вступила в закономерный период феодальной раздробленности. Нелегкие времена переживала Русская земля, и только трудолюбие и мужество народа, его глубинная тяга к единству позволили выстоять в горниле тяжелейших испытаний, сохранить самобытную культуру, а позднее создать могучее централизованное государство.

Наш рассказ — о первых страницах отечественной истории.

Глава I
ЯВЬ И ЛЕГЕНДЫ

«И от тех славян разошлись по земле...»

История происхождения любого народа скрыта в глубине веков, в непроницаемых дописьменных временах. Отрывки сказаний да украшенные домыслами легенды о мифических прародителях, гигантах богатырях или огромных диких животных — вот подчас все, что сохранилось и было известно о происхождении того или иного народа, передавалось из поколения в поколение, обрастало все новыми диковинными подробностями.

Позднее христианская религия приспособила сюжеты этих самобытных мифов к своим нуждам. Люди, утверждает Библия, ведут род от созданных богом Адама и Евы, а отдельные народы произошли позднее от их потомков — сыновей спасшегося во время всемирного потопа Ноя.

Эта наивная легенда, усердно насаждавшаяся церковниками, на долгие века заменила собой научные знания о происхождении различных народов, опутала и сковала человеческую пытливость.

«Откуда берет начало славянский род?» — спрашивал, бывало, деревенский юноша.

«Славяне суть род свой ведут от Иафета, сына Ноева, от коего произошли так называемые норики, которые и есть славяне», — важно отвечал, поглаживая бороду, «ученый» поп любознательному отроку.

Сложный, долговременный процесс формирования славянских племен и народностей подменялся скучной и примитивной схемой, которая в зародыше душила любую попытку узнать, что же было в действительности.

И только в наше время усилиями сотен экспедиций и тысяч ученых — историков, археологов, этнографов, языковедов — была приподнята завеса древних тайн, окутывавших происхождение славянства в целом, пути формирования восточно-славянских племен, которые образовали впоследствии Древнерусское государство.

Конечно, не все черты этого грандиозного, растянувшегося на целое тысячелетие процесса уже известны. Еще не одно поколение ученых будет трудиться над прояснением и расшифровкой многих страниц древней истории, неясных знаков и следов, оставленных нам прошлым. Но многое перестало быть загадкой, и сегодня мы можем на основании научных данных отвечать на трудные вопросы о древнейшей истории славян, формировании древнерусской народности и образовании Древнерусского государства.

Важнейшей проблемой является вопрос о происхождении и первоначальной территории обитания славян. С помощью тщательных научных изысканий удалось установить, что древнейшие славяне жили на обширных пространствах Европы от Эльбы до Днепра. Их тогдашними соседями были с севера финны, а с северо-запада — германцы. И сейчас в финском и немецком языках известно слово «венеды», обозначающее славян. Славяне, как и многие другие древние народы — италики, кельты, германцы, иллирийцы, — выделились из древнеевропейской общности. Тогда население большой территории Европы говорило на близких языках.

Древнейшие славянские поселки, раскопанные археологами, относятся к V—IV векам до нашей эры. Добытые во время раскопок находки позволяют нам восстановить картину жизни людей: их занятия, быт, религиозные верования и обычаи.

Свои поселения славяне никак не укрепляли и жили в постройках, слегка углубленных в почву, или в наземных домах, стены и крыша которых держались на столбах, врытых в землю. На поселениях и в могилах найдены булавки, фибулы-застежки, кольца. Очень разнообразна обнаруженная керамика — горшки, миски, кувшины, кубки, амфоры...

Наиболее характерной особенностью культуры славян той поры был своеобразный погребальный ритуал: умерших сородичей славяне сжигали, а кучки перегоревших костей накрывали большими колоколовидными сосудами.

Позднее славяне, как и прежде, не укрепляли своих поселков, а стремились строить их в труднодоступных местах — на болотах или на высоких берегах рек, озер. Селились они в основном в местах с плодородными почвами. Об их быте и культуре мы знаем уже гораздо больше, чем о предшественниках. Жили они в наземных столбовых домах или полуземлянках, где устраивались каменные или глинобитные очаги и печи. В полуземлянках обитали в холодное время года, а в наземных постройках — летом. Кроме жилищ найдены также хозяйственные сооружения, ямы-погреба.

Эти племена активно занимались земледелием. Археологи во время раскопок не раз находили железные сошники. Часто встречались зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, овса, гречихи, гороха, конопли, — такие сельскохозяйственные культуры возделывали славяне в то время. Разводили они и домашний скот — коров, лошадей, овец, коз. Среди венедов было много ремесленников, трудившихся в железоделательных и гончарных мастерских. Богат найденный на поселениях набор вещей— разнообразная керамика, фибулы-застежки, ножи, копья, стрелы, мечи, ножницы, булавки, бусы...

Простым был и погребальный ритуал: сожженные кости умерших обычно ссыпали в яму, которую затем закапывали, а над могилой ставили для обозначения простой камень.

Таким образом, история славян прослеживается далеко в глубь времен. Формирование славянских племен происходило долго, и процесс этот был очень сложным и запутанным.

Археологические источники начиная с середины первого тысячелетия нашей эры удачно дополняются письменными. Это позволяет полнее представить жизнь наших далеких предков. Письменные источники сообщают о славянах с первых веков нашей эры. Они известны сначала под именем венедов; позднее авторы VI века Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег и Иордан дают подробную характеристику образа жизни, занятий и обычаев славян, называя их венедами, антами и склавинами.

«Эти племена, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них

счастье и несчастье в жизни считается делом общим», — писал византийский писатель и историк Прокопий Кесарийский. Прокопий жил в первой половине VI века. Он был ближайшим советником полководца Велисария, возглавлявшего армию императора Юстиниана I. Вместе с войсками Прокопий побывал во многих странах, переносил тяготы походов, переживал победы и поражения. Однако его главным делом было не участие в боях, не набор наемников и не снабжение армии. Он изучал нравы, обычаи, общественные порядки и военные приемы народов, окружавших Византию. Тщательно собирал Прокопий и рассказы о славянах, причем особенно внимательно он анализировал и описывал военную тактику славян, посвятив ей многие страницы своего знаменитого труда «История войн Юстиниана». Рабовладельческая Византийская империя стремилась покорить соседние земли и народы. Византийские правители хотели поработить и славянские племена. В мечтах им виделись покорные народы, исправно платящие подати, поставляющие в Константинополь рабов, хлеб, меха, лес, драгоценные металлы и камни. При этом византийцы не желали бороться с врагами сами, а стремились ссорить их между собой и с помощью одних подавлять других. В ответ на попытки поработить их славяне неоднократно вторгались в пределы империи и опустошали целые области. Византийские военачальники понимали, что бороться со славянами трудно, и поэтому тщательно изучали их военное дело, стратегию и тактику, искали уязвимые места.

В конце VI — начале VII столетия жил другой древний автор, написавший сочинение «Стратегикон». Долгое время думали, что этот трактат создал император Маврикий. Однако позднее ученые пришли к выводу, что «Стратегикон» написан не императором, а одним из его полководцев или советников. Труд этот является как бы учебником для военных. В этот период славяне все чаще тревожили Византию, поэтому автор уделил им много внимания, поучая своих читателей, как бороться с сильными северными соседями.

«Они многочисленны, выносливы, — писал автор «Стратегикона», — легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. У них большое количество разнообразного скота и плодов земных. Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними опасностей. Сражаться со

своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах, с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, при этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами лежа навзничь на дне реки дышат с помощью их... Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты. Они пользуются деревянными луками и небольшими стрелами с пропитанными ядом наконечниками».

Особенно поразило византийца свободолюбие славян. «Племена антов сходны по своему образу жизни, — отмечал он, — по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». Славяне, по его словам, доброжелательно относятся к прибывающим к ним в страну иноземцам, если те пришли с дружескими намерениями. Не мстят они и врагам, недолго задерживая их у себя в плену, и обычно предлагают им либо за выкуп уйти к себе на родину, либо остаться жить среди славян на положении свободных людей.

Из византийских хроник известны имена некоторых антских и славянских вождей — Добрита, Ардагаста, Мусокия, Прогоста. Под их предводительством многочисленные славянские войска угрожали могуществу Византии. Видимо, именно таким вождям принадлежали знаменитые антские сокровища из кладов, найденных в Среднем Поднепровье. В состав кладов входили дорогие византийские изделия из золота и серебра — кубки, кувшины, блюда, браслеты, мечи, пряжки. Все это было украшено богатейшими орнаментами, изображениями зверей. В некоторых кладах вес золотых вещей превышал 20 килограммов. Такие сокровища становились добычей антских вождей в далеких походах на Византию.

Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о том, что славяне занимались подсечным земледелием, скотоводством, рыболовством, охотились на зверя, собирали ягоды, грибы, коренья. Хлеб всегда трудно доставался трудовому человеку, но подсечное земледелие было, пожалуй, самым тяжелым. Главным орудием земледельца, взявшегося

за подсеку, были не плуг, не соха, не борона, а топор. Выбрав участок высокого леса, основательно подрубали деревья, и год они засыхали на корню. Потом, свалив сухие стволы, делянку выжигали — устраивали бушующий огненный «пал». Выкорчевывали несгоревшие остатки кряжистых пней, разравнивали землю, взрыхляли ее сохой. Сеяли прямо в золу, разбрасывая семена руками. В первые 2—3 года урожай бывал очень высок, удобренная золой земля родила щедро. Но потом она истощалась и приходилось подыскивать новый участок, где вновь повторялся весь тяжелый процесс подсеки. Другого пути вырастить хлеб в лесной зоне тогда не было — вся земля была покрыта большими и малыми лесами, у которых долгое время — целые века! — отвоевывал крестьянин пашню клочок за клочком.

У антов существовало собственное металлообрабатывающее ремесло. Об этом говорят найденные около города Владимира-Волынского литейные формочки, глиняные ложечки-льячки, с помощью которых разливали расплавленный металл. Анты активно занимались торговлей, обменивали меха, мед, воск на различные украшения, дорогую посуду, оружие. Плавали не только по рекам, выходили и в море. В VII—VIII веках славянские дружины на ладьях бороздили воды Черного и других морей.

Древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет» рассказывает нам о постепенном расселении славянских племен по обширным областям Европы.

«Так же и те славяне пришли и поселились по Днепру и назвались поляне, а другие древляне, поскольку обитают в лесах; а другие сели между Припятью и Двиною и прозвались дреговичами...» Далее летопись говорит о полочанах, словенах, северянах, кривичах, радимичах, вятичах. «И так разошелся славянский язык и грамота прозвалась славянской».

Поляне обосновались на Среднем Днепре и позднее стали одним из самых могущественных восточно-славянских племен. В их земле возник город, ставший позднее первой столицей Древнерусского государства, — Киев.

Итак, к IX столетию славяне расселились на огромных пространствах Восточной Европы. Внутри их общества, основанного на патриархально-родовых устоях, постепенно созрели предпосылки к созданию феодального государства.

Земли русов глазами арабов

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры в письменных источниках, посвященных описанию славянских земель, появляется новое наименование восточных славян — «русы» или «росы», а страну начинают все чаще называть «Русь».

Выяснить, откуда пошло такое название, пытались несколько поколений ученых, но лишь в последние годы намечены пути для решения этого вопроса.

Объяснить происхождение имени целого народа подчас легко, иногда трудно, а в некоторых случаях и совсем невозможно. Каждый, например, знает, что римляне получили имя от города Рима, а название американской нации произошло от имени ученого Америго Веспуччи, доказавшего, что Колумб открыл вовсе не Вест-Индию, а огромный новый материк. Аргентинцы получили свое имя от латинского названия серебра — аргентум: считалось, что в этих местах находилась сказочно богатая серебром страна. Исландия — «страна льда» дала название и своим обитателям. Имя Норвегии («северный путь») перешло и на населявший ее народ, появились норвежцы...

Это относительно простые случаи. Сложнее обстоит дело с названиями «Русь», «росы», «русы», «русские». Ученые выяснили, что сначала словами «Русь», «Русская земля» именовалась область Среднего Поднепровья в районе Киева. Возможно, она получила такое имя от реки Роси и ее долины Поросья. Эта область была коренной землей восточных славян, центральным районом складывавшегося Древнерусского государства. И только позднее, в IX—X веках, названия «Русь», «русы» расширили свои географические границы. На севере, недалеко от Новгорода, возник город Старая Русса, а на юге экономическая и военная активность русских привела к тому, что Черное море иноземцы стали все чаще именовать Русским морем.

Иностранные купцы и путешественники теперь воспринимали Русь как единое целое.

«Русы состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару. Царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное из

них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте.

Люди часто отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там. Купцы из Арты отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец».

Эти строки были написаны 1000 лет назад, в середине X века, арабским писателем ал-Истахри. Сам он не был в древнерусских землях, а пользовался сообщениями побывавших в загадочных северных краях соотечественников — купцов и путешественников.

История сохранила для нас имена некоторых из них. Наиболее яркие записки о своей поездке на Волгу в X веке оставил Ахмед Ибн-Фадлан.

Путь Ибн-Фадлана был очень долгим. Позади осталась согретая жарким солнцем Средняя Азия с богатейшими городами, раскинувшимися в зеленых прохладных оазисах, где мутные арыки обильно наполнены водой подземных источников.

Впереди лежали обширные неизвестные земли, таящие в себе неведомые опасности и приключения. Конечная цель путешествия — Булгар — была еще далеко. Этот большой многоязычный город явился последним пунктом мусульманского мира на границах с языческими землями. Дальше на запад простирались необъятные области «неверных».

Караван собрался большой — 3 тысячи лошадей и верблюдов с тяжелой поклажей и 5 тысяч человек. Были здесь богатые торговцы и их приказчики, многочисленные рабы и наложницы, слуги и хорошо вооруженная стража.

Однажды, уже в степях, прилегающих к Итилю — так арабы называли Волгу, — караван остановился на ночлег.

Черная звездная ночь озарилась отблесками сотен костров. Постепенно затихали в степи усталое ржание лошадей, фырканье верблюдов и даже перекличка сторожей. Лагерь уснул.

А ранним утром путешественники проснулись от сильного шума и увидели со страхом и изумлением, что место их стоянки плотно окружено невесть откуда взявшимся конным войском. Ибн-Фадлан много слышал раньше от тех, кто уже побывал

в этих краях, о храбрости вождя здешних кочевников Янала, его беспощадности к врагам, любви к почестям. Понимая, что сопротивляться бесполезно и отвести опасность можно, Ибн-Фадлан вызвался провести переговоры с Яналом и его окружением.

Поначалу вождь упорно отказывался пропустить караван через свои земли и только бесконечно повторял: «Я не допущу, чтобы вы прошли».

Долго велся разговор, много говорилось похвальных слов в адрес Янала и его племени, и наконец были выложены подарки. На земле расстелили ковер. На нем засверкал богато расшитый кафтан ценой в десять серебряных монет — дирхемов, куски персидской материи, а рядом лежали горками плоские хлеба, пригоршни изюма и сотня орехов.

Вождь принял подарки и в знак благодарности даже поклонился пришельцам до самой земли.

Такое у них правило, объяснили удивленному Ибн-Фадлану бывалые купцы: если почтит подарком человек человека, то получивший дар обязательно кланяется дарящему. Янал, растроганный добрым отношением, согласился с тем, что иноземцы не причинят вреда ни ему, ни его народу, и приказал пропустить караван, который медленно двинулся дальше. Кочевники вскоре отстали, исчезли за горизонтом.

Немало еще времени прошло, бесчисленное множество опасностей и трудностей миновало, пока усталые и измученные путники добрались до желанной большой воды — великой и могучей реки Итиля.

Прямо на берегу ее происходил какой-то торг. Местный толмач (переводчик) сообщил Ибн-Фадлану, что здесь русские купцы торгуют с местными жителями. Ибн-Фадлан внимательно рассмотрел русов. «Они были подобны пальмам, — записал он позднее, — румяны и красивы». Все русы хорошо вооружены: у одного — секира, у другого — меч, у третьего — длинный нож. Мечи плоские, с бороздками, франкской работы. Вместо курток и кафтанов носят плащи. Одежду женщин дополняют многочисленные и разнообразные украшения. На шеях надеты металлические гривны, на груди — мониста из золота и серебра. Каждое такое монисто, прикинул Ибн-Фадлан, стоит не меньше 10 тысяч дирхемов. Но больше всего любят женщины русов зеленые бусы из глины. Каждая бусинка стоит 1 дирхем.

По разным рекам русы прибывают из своей страны в устье Итиля, причаливают корабли. Потом мужчины сооружают большие дома из дерева, в каждом из которых может жить 20 человек. Поклоняются они своим богам — языческим идолам.

Однажды Ибн-Фадлан наблюдал такую сцену. К высокому берегу Итиля приблизилась ладья, и на сушу сошли несколько мужчин, каждый из которых нес деревянного идола с человеческим лицом. Один идол был значительно больше других — его поставили в центре, а остальных вокруг.

Прошло немного времени, и вдали на реке показалась целая вереница ладей, подобных двигающимся по воде большим черепахам. На солнце сверкали круглые щиты, закрывавшие борта и гребцов, мерно вздымавших и опускавших весла. Слышались какие-то отрывистые слова — команды рулевых. Гребцы в такт своим движениям пели протяжную песню. Над каждой ладьей трепетал на ветру большой стяг: хотя русы плыли торговать, но всегда были готовы и к боевым схваткам. Ладьи исчезли за поворотом реки и на какое-то время скрылись из виду, затем снова появились и подошли к береговой отмели, туда, где уже их ждали прибывшие раньше соплеменники.

Несколько гребцов быстро сбросили сходни, и русы стали один за другим сбегать на берег. Местные жители, стоявшие рядом с Ибн-Фадланом, не советовали ему подходить в этот момент близко к русам, ибо они не любят, когда кто-либо посторонний наблюдает за ними. Поэтому путешественник остался в стороне — на высоком холме, с которого было хорошо видно, что делают прибывшие.

Они по очереди подходили к большому идолу, кланялись ему и говорили: «О мой господин, я приехал из далекой страны, привез много рабов и рабынь, голов скота, шкур, мехов». Каждый подробно перечислял все привезенные товары. После этого купец еще раз кланялся большому идолу, складывал у его ног дары — хлеб, мясо, лук, молоко — и просил: «Вот я того желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы он откупил у меня, как я пожелаю, и не прекословил мне в том, что я скажу». Если торг затягивался или был неудачен, то рус приходил к своим богам еще не раз, но теперь приносил дары маленьким идолам, которые являлись женами, дочерьми или сыновьями главного

божества и тоже могли помочь ему. Обильные жертвоприношения следовали богам и после успешного окончания торговли.

Спустя некоторое время Ибн-Фадлан познакомился со многими русами и даже вошел в доверие к их старейшинам. В знак расположения ему вместе со спутниками разрешили остаться жить в их стане.

Однажды ночью он был разбужен протяжным плачем и причитаниями женщин. В лагере в один миг все пришло в волнение. Между шатрами сновали какие-то люди с подносами, что-то объясняли проснувшимся и собирали золотые и серебряные монеты — динары и дирхемы. Особая толчея и беспорядок наблюдались рядом с одним из самых больших и богатых шатров. Вскоре выяснилась причина волнений. К Ибн-Фадлану подошел один из рабов и сказал, что чужеземцам сейчас лучше покинуть лагерь, так как никто из посторонних не должен видеть, как русы будут прощаться с любимым вождем, умершим сегодня ночью.

Ибн-Фадлан сказал спутникам, чтобы они вернулись к каравану, а сам пошел к старейшинам русов и попросил разрешения присутствовать при похоронах вождя. Главный старейшина — высокий сухой старец — посоветовался с другими и сказал ему: «Мы не разрешаем иноплеменникам бывать у нас, когда пришло горе и несчастье. Но ты, чужеземец, был добр к нам, не делал зла и помогал во всем. Поэтому мы считаем тебя своим и объявляем наше решение: ты можешь остаться, но никуда не ходить без сопровождающего». После этой речи к Ибн-Фадлану подошел статный воин, вооруженный мечом и скрамасаксом — длинным боевым ножом для левой руки. С этого момента он молча, словно тень, всюду следовал за путешественником, не оставлял его ни на мгновение, деля с ним и сон, и трапезу.

То, что увидел и услышал Ибн-Фадлан в эти несколько дней, было подробно описано им в путевых записках.

На умершего вождя надели шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый кафтан с золотыми пуговицами, шапочку из парчи, подбитую соболем, и посадили его в кабину на корабле. На ладью были принесены хлеб, лук, мясо, другие съестные припасы. Все это положили перед умершим. Потом привели собаку, убили ее и тоже оставили на корабле. Немного позже ударили барабаны и несколько воинов принесли оружие вождя: меч, на клинке которого хорошо виднелось клеймо мастера,

сделавшего это грозное оружие, лук с костяными накладками, украшенными затейливым рисунком, колчан, полный стрел с железными наконечниками, боевой топор-чекан, скрамасакс, копье, круглый щит, шлем, различные кожаные и железные доспехи и конскую плеть. Все это должно было сопровождать вождя в походах и сражениях, которые ждали его в загробном мире.

«Но какой же из руса воин, а тем более вождь без коня?» — подумал Ибн-Фадлан. И, словно в ответ на его мысль, несколько юношей привели двух коней в полном наборе упряжи и с седлами. На глазах у толпы кони были заколоты мечами и также положены на корабль. Столь же печальную участь разделили и два быка. Вслед за этим под звуки барабана на корабль принесли петуха и курицу, отрубили им головы и бросили к ногам мертвого вождя. А то, что произошло дальше, было уже хорошо известно Ибн-Фадлану, побывавшему во многих странах средневекового мира.

В палатку, которую поставили над кораблем, вошли три воина с ножами в руках. Вместе с ними туда ввели жену покойного вождя. Через некоторое время воины вышли и под одобрительные крики и удары барабанов как знак выполненной ими почетной миссии показали всем окровавленные ножи. Жена, согласно древнему священному обычаю, ушла из жизни вместе со своим повелителем и господином.

Деревянный корабль и палатка из грубой ткани и шкур стали последним домом умершего вождя и его жены. Все сооружение быстро обложили дровами и хворостом. Один из жрецов приблизился к нему с горящим факелом в руках, поднес его к сухим веткам, и змейка огня побежала наверх. Налетел внезапный ветер, пламя усилилось и разгорелось.

Воин, сопровождавший Ибн-Фадлана, сказал путешественнику, глядя на буйный огонь: «Вы, арабы, неразумны! Вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами человека и бросаете его прах в землю, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и сейчас». Ибн-Фадлану хотелось возразить ему и поспорить, но он хорошо помнил строгое предупреждение старейшины и нашел самым благоразумным промолчать.

Не прошло и часа, как корабль, палатка, дрова, тело знатного руса, его жены и все, что было с ним, превратилось в золу, а затем в мельчайший пепел. На месте большого костра был

насыпан курган. На вершине его поставили деревянного идола — изображение умершего, на основании которого вырезали имя вождя. Затем началась тризна, продолжавшаяся до глубокой ночи.

Таков рассказ путешественника о русах и их обычаях. Это не фантазия, и подтверждения приведенным фактам можно найти в археологических раскопках. Так, на окраине Ярославля учеными раскопан богатейший курганный могильник, где погребены люди, жившие 1000 лет назад, то есть как раз в то время, когда Ибн-Фадлан был на Волге. В курганах найдены обгоревшие остатки ладей, железные заклепки от них и просто сгоревшие деревянные домики, сооружаемые специально для мертвых, обугленные скелеты собак, куриц, кости лошадей, быков.

На северной окраине могильника, у деревни Большое Тимерево, находился, пожалуй, самый большой курган могильника. Он был вскрыт летом 1974 года. В ходе раскопок выяснилось, что сооружен курган во второй половине X столетия. В кургане найдены остатки ладьи — об этом говорят железные заклепки и деревянные плахи. Здесь же обнаружены останки двух лошадей и двух быков — в точном соответствии с рассказом Ибн-Фадлана о том, как в жертву приносили двух коней и двух быков. Обнаруженные при раскопках вещи подсказывают, что под курганом были похоронены мужчина и женщина. И опять вспоминается свидетельство арабского путешественника о том, что вместе с вождем в загробный мир отправилась его жена. Украшения женщины состояли из серебряных височных колец, перстня, ожерелья из стеклянных бус и бисера. Мы не знаем, кем был погребенный в кургане мужчина. Рядом с ним лежали меч с клеймом на клинке, наконечники, копья, две стрелы, колчан и полный уздечный набор — стремена, удила, железная инкрустированная рукоять плетки.

Погребенный, видимо, был знатным и богатым человеком: он носил массивный золотой перстень, украшенный орнаментом. Этот перстень — единственная золотая находка в ярославских курганах.

Не только вооружение сопровождало воина — в могиле найдены многочисленные вещи, говорящие и о его торговых занятиях. Не случайно, видимо, Ибн-Фадлан особо подчеркивал, что русы были и искусными воинами, и хорошими торговцами! Так, нашли в погребении карманные весы, которые

носили на поясе в кожаном футляре. На чашечках весов арабская надпись, прочитанная востоковедами, — слово «налог» или «подать». Эти весы могли принадлежать сборщику налогов где-нибудь на далеком Востоке. Потом они неведомыми путями переходили из рук в руки и наконец попали к богатому жителю поселения в Верхнем Поволжье. Вместе со своим последним хозяином весы оказались в земле, где и были найдены археологами спустя 1000 лет. Связаны с торговым промыслом не только весы, но и весовая гирька, и кожаный кошелек с серебряными монетами — дирхемами, чеканенными в 60—70-х годах X века.

Недалеко от кургана с захоронением знатного воина была сделана еще одна примечательная находка. Это случилось в жаркий июльский день. Работа шла на огромном раскопе, который какой-то весельчак метко назвал «сковородкой», — на гладкой его поверхности было, казалось, вдвое жарче, чем рядом под деревьями или на покрытых кустами полянках. Даже от легкого ветра поднималась едкая горькая пыль. Такая жара редко бывает в средней полосе на Волге.

В тот год было решено обследовать поселение с помощью металлоискателя. Для этой цели был использован старенький военный миноискатель, давно уже пригодный лишь для учебных целей. Конечно, прибор не мог отличать древний металл от современного. Скоро все поле было усеяно флажками, которые обозначали места залегания металлических предметов, скрытых под слоем земли. Несколько человек следом за металлоискателем осторожно раскапывали отмеченные точки. Разный был результат. Иногда находили современные гвозди, потерянные зубья борон или куски плужных лемехов. Но случались и настоящие удачи: из земли вынимали какую-нибудь древнюю вещь или серебряную монету из клада, рассеянного по всему полю в результате многовековой распашки.

Вдруг в наушниках миноискателя раздался резкий свист — прибор прореагировал на какую-то крупную вещь. Ею оказался меч, рукоять и перекрестие которого были украшены серебром. На клинке после расчистки удалось прочитать имя мастера, изготовившего это грозное оружие, — Ульфберт. Сделан был меч в мастерской на реке Рейне и принадлежал к тем самым франкским мечам, которыми, как сообщает Ибн-Фадлан, были вооружены русы, виденные им на Волге. Мечи этого типа не только ввозились на Русь из дальних стран, но изго-

товлялись и местными мастерами. Один из таких клинков был открыт известным советским археологом и оружиеведом Анатолием Николаевичем Кирпичниковым, который прочитал на мече надпись: «Людота коваль», то есть «Людота кузнец». Искусный русский мастер Людота, судя по находке, много преуспел в этом ремесле.

Так археологические свидетельства подтверждают и реально дополняют рассказы арабских путешественников о трех таинственных областях Древней Руси — Куявии, Славии и Артании. Что имели в виду арабы, какие реальные земли под этими названиями скрываются? Не сразу пришли историки и археологи к единому мнению по этим проблемам, да и сейчас научный поиск продолжается, появляются новые аргументы в пользу той или иной гипотезы, рождаются смелые предположения, рушатся старые, казавшиеся прочнейшими представления. Но такова логика науки, логика новых открытий и исследований, подчас коренным образом меняющая незыблемые, казалось бы, истины.

Итак, Куявия, Славия и Артания.

Эти три загадочные страны вызвали много споров среди ученых-историков. Однако давно уже установлено, что Куявия — это древний Киев, а Славия — Новгородская земля. Арабские источники сообщают, что в Куябе живет царь и туда отправляются люди торговать. Спустя два столетия после поездки Ибн-Фадлана на Волгу в Киеве побывал другой восточный путешественник — Абу Хамид ал-Гарнати. Перед ним предстал шумный многоязычный город, один из самых больших в Европе. Этот древний город Руси арабы хорошо знали, часто бывали там, выгодно торговали.

Куявия арабских источников — это не только сам Киев, но все земли Верхнего и Среднего Поднепровья.

Какой же была столица могучей Киевской Руси в те времена, когда здесь бывали восточные путешественники, писавшие о трех странах русов, то есть в IX—X столетиях?

На высоких горах над Днепром располагались княжеские дворцы и терема бояр, дома и усадьбы ремесленников и купцов, скромные жилища бедного люда. Город имел и укрепления, защищавшие его от врагов, — высокие земляные валы и глубокие рвы, наполненные водой. Детинцем — кремлем Киева было укрепленное городище, расположенное на Старокиевской горе. Богатые постройки возвышались и на Замковой горе.

Языческие святилища, а с конца X века и христианские храмы, такие, как знаменитая Десятинная церковь, дополняли силуэт богатейшего города на Днепре.

Двухэтажные каменные дворцы князей и их приближенных изумляли чужеземцев просторностью и совершенством отделки. Они были украшены фресками, разноцветными поливными керамическими плитками с затейливыми узорами, резным мрамором.

Ибн-Фадлáн восхищается размерами и роскошью дворцов царей русов и пишет в своих записках, что вместе с царем в его дворце находится 400 богатырей из числа его верных слуг. Княжеский престол огромен по размерам и инкрустирован драгоценными самоцветами.

Многочисленные клады, обнаруженные на территории Киева, содержат великолепные украшения из золота и серебра, арабские, византийские и западно-европейские монеты. Обилие кладов говорит о богатстве Киева и его обширных торговых связях.

Но не княжеские дворцы, не святилища и храмы были основой города и главной его приметой. Всех путешественников поражало количество и разнообразие торговых лавок и ремесленных мастерских киевлян. У подножия Киевских гор на берегу реки Почайны располагался другой Киев — город тружеников, где находилась обширная гавань, где останавливались многочисленные купеческие корабли. Разноязычная речь, пестрота одежд, звон металла, шум кузнечных мехов, дым и постоянное движение — вот приметы Подола, являвшегося торговым и ремесленным посадом Киева. Здесь не было каменных дворцов, но зато прочно стояли обширные, надежно срубленные топором русских умельцев дома и усадьбы купцов и ремесленников, повсюду были разбросаны полуземлянки и землянки, где жил люд победнее.

Два несчастья постоянно подстерегали Подол и его обитателей — пожары и наводнения. Иногда Подол выгорал полностью — достаточно было загореться одному дому, как огонь мгновенно распространялся и на соседние. Тогда уже ничто не могло остановить его натиск. Но проходило немного времени — и на пожарище вырастали новые жилые, хозяйственные, производственные постройки, восстанавливались мостовые, заборы, колодцы, пристани. Не меньше бед приносили и частые наводнения, смывавшие жилища, как бумажные домики, и на-

носившие слой ила и песка. Но и после грозных наступлений водной стихии жизнь быстро возобновлялась и входила в привычную колею.

Что же удерживало киевлян на этом неудобном месте? Почему не поднимался торговый люд на горы и не уходил дальше от воды? Нельзя было уйти от реки: по воде привозили хлеб и другие товары, вода многим давала работу — и в порту, и в ремесленных мастерских. И наконец, близкая и легкодоступная вода была одной из немаловажных бытовых основ жизни простых людей.

Выше Подола, на взгорье, располагалось обширное кладбище, где киевляне хоронили умерших сородичей. В основном могилы были бедными — люди похоронены в скромных одеждах, в сопровождении самых необходимых вещей — ножей, кресал для высекания огня, гребней, глиняных горшков. Однако встречались здесь и погребения богатых людей и знатных воинов. Их в мир иной сопровождали рабыни, боевые кони в полной упряжи, доспехи, разнообразное оружие и богатые украшения.

Кроме Киева и обширной Куявии были и другие важные центры. Одним из наиболее крупных было поселение, расположенное тоже на Днепре, но в его верховьях, в районе современного Смоленска, близ поселка Гнездово. В самом Смоленске, несмотря на многолетние археологические раскопки, удалось найти только слои XI века. Таким образом, город стал здесь существовать лишь с этого времени, а в IX—X веках он находился в другом месте, в 12 километрах от современного, рядом со скромным поселком Гнездово. Такое передвижение города с места на место в XI столетии не исключение — мы знаем много примеров «переносов» городов на Руси именно в этот период. В старых центрах большой властью пользовались старейшины родов. Новый феодальный класс в своей борьбе с ними использовал разные способы. Одним из способов было создание новых городов-крепостей на более удобных местах. Постепенно старые города пустели, а новые становились экономическими, административными, культурными и религиозными центрами.

Гнездово имело свой детинец — хорошо укрепленное городище и поселение. Рядом было огромное кладбище — крупнейшее в Европе. На нем насчитывались не сотни, а тысячи курганов. Обитатели Гнездова жили в углубленных в землю

постройках и занимались в основном торговлей и ремеслом. В пользу этого говорят находки иноземных вещей — монет, весов и гирек для взвешивания золота и серебра, — многих ремесленных изделий, орудий и отходов производства.

Именно о Гнездове сообщает нам древняя летопись, когда указывает, что Смоленск «велик и мног людьми и управляется старейшинами». Многие князья пытались взять его, но всех страшили и останавливали укрепления и большое число защитников. Только многочисленная разноязычная дружина князя Олега, состоявшая из варягов, словен, мери, веси, кривичей, осадила Смоленск и захватила город. После этого здесь стал править наместник Олега. С родовым правлением в Смоленске было покончено. «Большая крепость», как писал о Смоленске император Византии Константин Багрянородный, попала в зависимость от киевских князей.

Гнездово было многоэтничным торгово-ремесленным городом — здесь жили и бывали скандинавы, греки, арабы и другие иноземцы. Но основателями Гнездова — Смоленска были славяне-кривичи. Гнездово было их племенным центром.

Таковы два крупнейших города легендарной Куявии, о которой сообщают восточные авторы.

Второй страной русов была Славия, расположенная, по сообщениям арабских географов, дальше от Булгара, чем Куявия и Артания.

Славия — это Новгородская земля, населенная ильменскими словенами.

Мы хорошо представляем Новгород XIII века. Он связывается в нашем сознании с именами Александра Невского и других героев, отстоявших Русскую землю от врагов в тяжелые времена. О более раннем Новгороде рассказывают археологические раскопки. В пределах самого города известны находки, относящиеся к X столетию. Как полагается, город имел и укрепленную часть, и открытый посад. Расположенный на великом пути «из варяг в греки», он привлекал торговцев из разных земель и стран, обменивавших здесь серебро, парчу, изделия из металла и другие товары на меха, мед, воск и различные предметы, выполненные руками искусных новгородских умельцев.

Близ Новгорода расположено укрепленное городище, которое называют Рюриковым. Оно существовало уже в IX веке, когда на Руси, как сообщает летописец, жил варяжский

предводитель Рюрик, с именем которого связывается основание Новгорода. «И пришел к Ильмерю и срубил город над Волховом, и прозвали его Новгород» — так сообщает Ипатьевская летопись об основании Новгорода Рюриком. Но это ошибка. Новгородская первая летопись говорит о том, что Рюрик появился в этих местах, когда Новгород уже существовал, и возник он не в середине IX века, когда, по летописи, пришел Рюрик на Русь, а гораздо раньше.

Древние новгородцы жили в деревянных домах, углубленных в землю и обогреваемых печами, сложенными из камней. Они пользовались глиняной посудой, слепленной вручную, и еще не знали гончарного круга. Обитатели Рюрикова городища занимались торговлей и ремеслом, а продукты сельского хозяйства привозились сюда из ближних деревень. Наиболее развиты были деревообделочное и косторезное ремесла — из дерева делали лодки, посуду, орудия труда, игрушки; из кости — гребни, рукоятки ножей, иглы и многие другие вещи домашнего обихода. Большое значение в жизни древних новгородцев имели железоделательное и бронзолитейное ремесла.

Есть несколько теорий происхождения Новгорода, много существует объяснений, по отношению к какому городу он явился новым и получил название. На эту роль претендуют, например, Старая Русса, Ладога, Рюриково городище.

Древняя Ладога, которая ныне называется Старой, располагалась на Волхове. Когда-то Ладога была крупнейшим городом Северной Европы, здесь заканчивались пути из Скандинавии и Средней Европы и начинались дороги через Киев по пути «из варяг в греки» в Византию, а по Волге — на загадочный и богатый Восток, в земли арабских государств — через Волжскую Булгарию. Ладога являлась центром большого района, заселенного в IX—X столетиях славянами и финно-угорскими племенами. Кроме того, здесь жили и небольшие группы скандинавов.

Древние ладожане жили в больших деревянных домах на высоком берегу Волхова. Они были опытными мореплавателями — ходили по Волхову, Ладоге и Балтике, — торговали с заморскими странами, принимали у себя торговых гостей — иноземцев, ловили рыбу, били зверя, делали искусные вещи из металла, стекла, дерева, кости, кожи.

Жизнь была полна тревог. Не раз загорались дозорные костры на ближайших сопках, били тревогу часовые и ладожане

брали в руки оружие — мечи, копья, луки, топоры и смело вступали в схватки с заморскими пиратами-викингами, которые частенько пытались поживиться за счет чужого добра. Но всегда была открыта Ладога мирным торговцам. Археологи нашли здесь изделия из рейнских мастерских, фризские гребни, скандинавские и византийские украшения, восточные товары — парчу, стекло, драгоценные камни, серебряные монеты, — янтарь с балтийских берегов.

Спустя века Славия превратилась в обширную Новгородскую землю во главе с Господином Великим Новгородом, простиравшуюся от Балтики до северных морей и Урала.

Если определение местонахождения Куявии и Славии в общем ясно ученым и споры идут только о частных проблемах, то вопрос о том, где находилась третья славянская страна — Артания, решается только сейчас.

Поиски ее местоположения ведутся учеными уже более 100 лет. Эту страну русов размещали в самых разных и подчас неожиданных местах — на обширной территории от Дании на западе до Пермского края на востоке, от Финно-Угорского Севера до южной Тмутаракани. На карте Восточной Европы можно насчитать почти двадцать мест, где, по мнению разных ученых, находилась Артания. Киевская и новгородская старина давно и успешно изучается историками и археологами. Мы много знаем о древних периодах жизни киевлян и новгородцев. Кроме того, в самих названиях заложен ключ к разгадке: Куяба — Куявия — Киев; Славия — Словения Новгородская. А древности Артании только начинают изучаться, поэтому поиски Арты — Артании пока не приводили к научно обоснованным и достаточно убедительным выводам.

Лишь в последние годы археологам стал приоткрываться загадочный третий район Древней Руси IX—X веков, который можно отождествить с Артанией. Это — Северо-Восточная Русь, занимавшая территорию между Волгой и Окой, Волго-Окское междуречье.

Какие же новые открытия совершены здесь, какие древности по-новому стали рассматриваться в науке?

Это, прежде всего, поселение Тимерево, сохранившее в своем названии воспоминание о том, что здесь когда-то жило племя меря.

Тимерево располагалось на крутом берегу реки, с самой высокой его точки хорошо просматривались дальние окрест-

ности. Оно находилось на Великом Волжском пути и играло важную роль в торговле Руси с дальними странами. Здесь останавливались и подолгу жили иноземные купцы, а иные и навсегда оседали в поселке.

...В один из хмурых осенних дней вдали на реке показался целый караван больших ладей, способных выдержать морскую волну. С кораблей увидели селение — множество землянок с крышами из коры и щепы. Вокруг них клубились дымы — дымоходов и труб не было, жилища отапливались по-черному. Гребцы ускорили темп в надежде на скорый отдых. В поселении можно было отдохнуть в полной безопасности, не боясь нападений ни лесных разбойников, ни диких зверей.

Ладьи подошли к пристани, и путники стали подниматься вверх, к воротам поселка. Неприступно возвышалась высокая ограда из толстых столбов, наглухо были закрыты въездные ворота.

Лишь убедившись, что намерения у приезжих мирные, обитатели открыли тяжелые дубовые створки ворот. Путешественники вошли внутрь и скоро оказались на центральной площади городка, где происходили собрания жителей и различные языческие праздники. Окруженные несколькими воинами с копьями, в глубине площади стояли местные старейшины. С ними-то и повели переговоры приехавшие. Спросили у стариков, кому они и их люди платят дань и повинуются. Старейшины ответили, что дани никому не платят, занимаются ремеслом и торговлей.

Купцы попросили у старейшин разрешения переночевать в поселке. Тут же договорились и о том, чтобы наутро устроить торг. Один из прибывших торговцев разместился в землянке самого главного старца. При входе в нее пришлось согнуться и пробраться по длинному коридору, вырытому в земле и обложенному корой и деревом. «Такой вход, — подумал он, — долго сохраняет тепло и оберегает от сырости». В жилом помещении царил полумрак, освещали его только отблески огня — языки пламени виднелись над очагом, сложенным из камней. Пол жилища глинобитный, а стены и крыша сделаны из дерева.

Сам старец был одет бедно — в плащ из грубой ткани, рубаху, холщовые штаны, лапти. И только кожаный, обшитый бронзовыми ажурными бляшками пояс, на котором висели нож, точило и кресало для высекания огня, на фоне скромного одеяния выделялся своим богатством.

С боковой лежанки сползла древняя старуха — жена старейшины. Она была одета так же, как и муж, имелись только некоторые отличия в украшениях. Седые волосы были повязаны лентой, с которой свисали серебряные кольца из проволоки. На груди сверкали в отблесках огня богатые украшения: бусы из разноцветного стекла, сердолика, горного хрусталя, аметиста, серебряные монеты, превращенные в привески, и бронзовые колокольчики.

Гостю бросили под ноги шкуру медведя, и он со старейшиной уселся за нехитрую трапезу — ячменную кашу с кусками лосятины. Старик повел неторопливый рассказ о жизни и заботах обитателей городка. Купцы из многих стран проплывают мимо, останавливаются здесь для торга и отдыха. В Тимереве живут искусные ремесленники, которые могут сделать все — от боевого оружия и орудий труда до великолепных украшений из серебра, золота, бронзы и драгоценных камней.

Кто только не бывает здесь — и воинственные варяги, и расчетливые арабы, и шумные булгары. Привозят разные диковинки. Варяги везут украшения, оружие, купленное ими у рейнских мастеров, костяные изделия из Фризии. Арабы скупают в больших количествах меха, отдавая за это дирхемы — монеты из серебра — или бусы. Булгары за все платят великолепными кувшинами, гулко звенящими, когда их проверяют на звук. Во всей округе нет городка равного по богатству и значению Тимереву.

Под мерный рассказ хозяина купец незаметно задремал, а потом и совсем погрузился в глубокий сон — позади был трудный день.

С первыми утренними лучами городок загудел, словно пчелиный рой. На тесной площади уже толпилось много людей, не только жителей Тимерева, но и прослышавших о караване обитателей округи. Торг шел полным ходом. Все были возбуждены, говорили громко, торговались, спорили. Особенно шумно было у лотка, где бойкий купец торговал восточными товарами. Откуда он был родом, никто не знал, но его ладьи регулярно ходили в Булгар и обратно. Туда купец вез меха, назад — разнообразные украшения, глиняные кувшины, серебряные монеты. Вот и сейчас один из старейшин торговался с ним о цене на великолепный серебряный перстень с аметистом, на котором было вырезано какое-то заклинание на непонятном языке. Ни торговец, ни покупатель прочесть его не

могли, но именно поэтому купец старался набавить цену, заверяя, что перстень имеет магическую силу. Старейшине понравился камень, да и оправа была хороша. Наконец они сторговались и долгожданный перстень украсил руку старейшины.

Прошло много столетий, и археологи нашли этот драгоценный перстень. Прочли надпись: «Клянусь аллахом». Зря старался купец повысить цену — для мусульманина надпись, конечно, имела значение заклинания, но для славянина-язычника являлась пустым непонятным словосочетанием.

После окончания торга хозяин-старейшина рассказал купцу предание о сокровищах — тысячах серебряных монет, спрятанных где-то рядом под землей. Из рассказа его путешественник понял, что зарыл этот клад в землю один богатый купец — житель городка, приехавший сюда с далекого Севера. Спрятал он богатства, опасаясь нападения разбойников, что часто бывало в те времена. Позднее купец погиб во время жестокой схватки с врагами, и никто не знает, где лежат эти монеты.

Не знал этого и рассказчик. А между тем, положенные в мешок из грубой ткани и зарытые неглубоко в землю, они находились совсем рядом. Так торопился их владелец, что даже не унес сокровища за пределы городка. Чтобы обезопасить клад от грабителей, на некоторых монетах начертал ножом заклинания, уже полузабытые им руны — письмена далеких предков...

Через 1100 лет в Тимереве появились археологи. И первой их находкой стал клад серебряных монет!

Вот как это было.

В поле, где когда-то стоял городок, работали археологи. Сначала, прежде чем выбрать участок для раскопок, решили осмотреть место.

Накануне прошел сильный ливень, было грязно и сыро. Ходить по пашне в таких условиях трудно. Все промокли и устали. Кто-то предложил закончить поиск и подождать, пока земля и трава просохнут. В это время один из археологов заметил, как под ногами что-то блеснуло, нагнулся и увидел серебряную монету. Тогда и остальные стали раздвигать редкую молодую траву и внимательно смотреть на землю. Скоро радости не было предела — несколько десятков монет лежали на спешно расстеленном куске брезента. Найдены они были прямо на поверхности, а что же будет, когда снимется слой почвы! В этом месте и были обнаружены сокровища, зарытые в землю

много столетий назад. 3 тысячи монет были привезены в Ленинград и сданы в Эрмитаж.

После тщательного изучения выяснилось, что клад зарыт в землю в IX веке. Среди монет много редких, но одна — уникальная. Таких дирхемов известно в музеях мира всего два: один хранится в Париже, а второй теперь занял достойное место в хранилище Эрмитажа. На одной из монет при внимательном рассмотрении увидели прикипевший кусочек грубой ткани от мешка, в котором лежал клад. Под микроскопом нумизматы и археологи разглядели на нескольких монетах какие-то процарапанные значки. Языковеды определили, что это северные руны — заклинания от грабителей, призывавшие на их головы град, снег, наводнение и, наконец, гибель. «Пусть лучше это достанется богам», — видимо, думал владелец клада и поэтому начертил на одной из монет слово «боги».

Несколько лет продолжались раскопки Тимеревского поселения. Постепенно археологам открылась картина жизни большого раннесредневекового торгово-ремесленного города. В жилых, производственных, хозяйственных постройках найдены оружие, орудия труда, предметы быта, амулеты, кости домашних и диких животных, птиц, рыб. Наши далекие предки вели сложное хозяйство, умело используя земли, воды, леса и другие природные богатства.

Другим крупнейшим центром Северо-Восточной Руси было Сарское городище, располагавшееся на высоком мысу в излучине реки и имевшее свою богатую историю, уходящую корнями в глубокую древность. Именно о нем сообщали арабские путешественники, когда говорили, что царь Артании живет в городе Арте, который находится на высокой горе и хорошо укреплен. Так было в самом деле — естественные укрепления мыса удачно дополнялись несколькими высокими валами. Внутри этого кольца располагались жилища и мастерские купцов и ремесленников.

Сарское городище играло важную роль на Великом Волжском пути. Сначала это был небольшой поселок, затем он стал племенным центром. Позже здесь появились славяне-переселенцы и в городке началась новая жизнь, возникли обширные ремесленные мастерские, открылась активная торговля разнообразными товарами. Жители большой округи везли сюда продукты сельского хозяйства и получали взамен ремесленные изделия. На местном торгу можно было приобрести оружие,

орудия труда, глиняную посуду, изделия из кости, кожи, дерева, украшения, добротные бобровые меха. Бойко шла торговля и заморскими товарами.

Рядом с торговой площадью находились дом князя и дома его дружинников. Много столетий спустя на этом месте археологи найдут утерянные предметы вооружения — меч, шлем, кольчугу, наконечники копий и стрел, а также детали упряжи боевого коня — удила, стремена, части сбруи. Раскопаны на поселении металлургические, керамические, ювелирные мастерские, жилища, хозяйственные постройки и даже баня. Найдены два клада восточных серебряных монет, зарытых в землю в начале IX столетия.

Арабские географы пишут, что торговцы из Артании, спускаясь вниз по воде, приходят в Булгар, где тогда часто бывали и жили арабы. В этом водном пути нетрудно угадать Великий Волжский путь. Указывают эти источники, что никто из иноземцев никогда не был в Артании, ибо там убивают всех чужих. Легенда о коварстве и беспощадности жителей Артании родилась в мусульманской стране Булгар. С точки зрения мусульман-булгар, за пределами их страны начинались земли, где жили «неверные» и любое путешествие туда было чревато многочисленными опасностями. Кроме того, булгары не хотели, чтобы арабские купцы сами торговали со славянами, варягами, финно-települ-уграми и другими народами, обитавшими на Западе, так как тогда они лишились бы прибылей. Вот и придумали легенду о кровожадности артанских жителей.

Торговцы из Артании привозили в Булгар ценные меха соболей, бобров, лисиц. В лесах и на реках Верхнего Поволжья издавна промышляли пушного зверя — белку, лису, соболя, бобра, выдру. Везли из Артании также белый металл, — видимо, олово или свинец. Разработки олова и свинца хорошо известны в средневековой Британии и Германии. Эти металлы могли привозить в Булгар через Ярославское Поволжье — Артанию. Кроме того, из Артании пригоняли рабов.

Наиболее интересно сообщение восточных писателей о том, что из Артании привозили удивительные мечи, которые можно сгибать пополам, после чего клинок возвращался в прежнее положение. Придание клинкам таких необыкновенных качеств, конечно, преувеличение. Ни на Западе, ни на Востоке в то время такого оружия не было. В сообщениях арабов, видимо, идет речь о франкских мечах русов, действительно очень гибких, а не

о восточных клинках — хрупких и ломких. В Древней Руси франкские мечи встречались часто, хорошо известны они и в Верхнем Поволжье, а попасть в Булгар они могли только по Волге.

В пользу предположения о том, что Артания находилась в районах Северо-Восточной Руси и была ближе всех к Булгару, говорят и известия арабов, сообщающих об Артании, ее столице, людях, их быте, нравах гораздо больше, нежели о Славии и Куявии. Арабские географы достаточно хорошо знали Артанию и пользовались фактами из первых рук — от ее жителей, приезжавших в Булгар, и это говорит о правдивости их сообщений.

Итак, Куявия, Славия и Артания — три древнерусские области, которые стали основой Древней Руси. После объединения Куявии и Славии возникает Древнерусское государство с центром в Киеве.

Верхняя, Нижняя и Северо-Восточная Русь, хорошо известные по нашим летописям и названные арабами Славия, Куявия, Артания — это области будущего Древнерусского государства. Именно такой вывод позволяет сделать тщательное изучение письменных и археологических данных.

Последние родовые гнезда

Накануне образования Древнерусского государства славяне жили в небольших родовых поселках, обитатели которых сообща занимались добычей хлеба насущного — подсечным земледелием, вместе охотились, ловили рыбу, совместно оборонялись от врагов и противостояли стихийным бедствиям. Образцом такого поселка является древнее городище Новотроицкое, расположенное на реке Псел, одном из притоков Днепра. Люди облюбовали для жилья высокое место с крутыми склонами, поэтому не было никакой необходимости сооружать дополнительные укрепления. С высоты в 70 метров хорошо просматривались дальние окрестности, и враги не могли подойти к поселению незамеченными.

Археологической экспедицией, долго работавшей на этом древнем поселении, руководил выдающийся советский архео-

лог, доктор исторических наук Иван Иванович Ляпушкин. При раскопках были найдены многочисленные сельскохозяйственные орудия. Среди них — сошники, серпы, косы, мотыжки. Обитатели городища хорошо знали деревообделочное ремесло. Об этом красноречиво говорят находки топоров, тесел, специальных инструментов — ложкорезов. Широко использовались в быту железные ножи. Оружие представлено стрелами и боевыми ножами.

Археологов, раскапывавших Новотроицкое городище, ожидали и очень редкие находки. Совсем близко от поверхности земли, на глубине всего в 20 сантиметров, был найден клад украшений из серебра и бронзы. По тому, как был укрыт клад, видно, что его владелец прятал сокровища не в спешке, когда надвигалась какая-то опасность, а спокойно собрал дорогие ему вещи, нанизал их на бронзовую шейную гривну и зарыл в земле. Так оказались там серебряный браслет, височное кольцо из серебра, бронзовый перстень и маленькие височные кольца из проволоки.

Другой клад был спрятан столь же аккуратно. Владелец тоже не вернулся за ним. Сначала археологи обнаружили вылепленный вручную небольшой украшенный зубчиками глиняный горшок. Внутри скромного сосуда лежали настоящие сокровища: десять восточных монет, перстень, серьги, подвески к серьгам, наконечник пояса, поясные бляшки, браслет и другие дорогие вещи — все из чистого серебра! Монеты были отчеканены в разных восточных городах в VIII—IX веках.

Дополняют длинный список вещей, найденных при раскопках этого поселения, многочисленные изделия из керамики, кости, камня.

Люди здесь жили в полуземлянках, в каждой из них помещалась печь, сделанная из глины. Стены и крыша жилищ держались на специальных столбах.

В жилищах славян того времени известны печи и очаги, сложенные из камней. Средневековый восточный писатель Ибн-Росте в своем труде «Книга драгоценных драгоценностей» так описывал славянское жилище: «В земле славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют послед-

ние на огне докрасна, когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уж одежду. В таком жилье остаются до самой весны».

Поначалу ученые полагали, что автор перепутал жилище с баней, но, когда появились материалы археологических раскопок, стало ясно, что Ибн-Росте был прав и точен в своих сообщениях.

Страшное нашествие уничтожило Новотроицкое. Однажды в сухое жаркое лето сторожа заметили вдали двигающееся к городку вражье войско. Вскоре оно уже стояло под склонами горы, где располагался городок. Целый день печенеги (а это были именно они) пытались захватить поселок лобовыми атаками. Много врагов нашло смерть под крутыми обрывами. К вечеру штурмовавшие устали и отошли от городка. Всю ночь вокруг горели костры. Утром жители увидели, что уходить печенеги не собираются и готовятся к длительной осаде: равнина вокруг городка была уставлена шатрами и палатками. Печенеги решили взять защитников измором, и главным их союзником была жажда. Вода находилась далеко внизу, а вверху, рядом с жилищами, был всего лишь один небольшой водоем. Ясно было, что надолго воды в Новотроицком не хватит.

После долгой осады завоеватели захватили городок. Началось избиение жителей и грабеж домов. Убивали только стариков и детей, а всех, кто мог трудиться и не погиб во время штурма, угнали в рабство. После этого степняки подожгли город и ушли восвояси.

Долго огонь пожирал деревянные дома. В останках огромного пожарища сохранились вещи, изучая которые ученые восстановили быт и занятия жителей. Большинство обитателей городища занимались земледелием. Их небольшие семьи имели отдельные жилища.

Земледелие в основном продолжало оставаться подсечным. Оно не могло прокормить много людей, хотя и было очень трудоемким, и не позволяло создавать большие селения. За несколько лет небольшие поля, с трудом отвоеванные у лесов, истощались и переставали давать хороший урожай. Поэтому во многих местах начинается постепенный переход к пашенному земледелию, которое позволяло увеличить производство хлеба. Значительно меньше мы встречаем на поселениях землепашцев костей лошади. Прежде мясо лошадей часто шло в пищу, а в

пашенном земледелии лошадь становится основным тягловым животным, с этого времени ее начинают ласково называть кормилицей — без нее не вспашешь твердую неподатливую землю. На смену старым орудиям труда приходят новые — рало, плуг, соха, проушной топор и другие.

Если раньше при крайне низкой производительности труда прокормить себя, стариков и детей можно было только коллективным трудом всего рода, общины, то теперь даже небольшие семьи, пользуясь новыми орудиями труда, вполне могли существовать без родовой взаимовыручки. Поэтому на смену родовой общине приходит община соседская, когда пашни и луга становятся собственностью отдельной семьи, а леса, воды, выгоны для скота по-прежнему остаются общими.

Существенные перемены происходят в связи с разделением хозяйства на две основные отрасли — земледелие и ремесло. Многие умельцы начинают производить различные изделия не только для себя, но и для продажи, сначала по заказам, а потом и для свободной торговли. Следом за этим появляются специализированные мастерские.

На Новотроицком городище обнаружены два таких сооружения. В них кроме обычных печей для отопления и приготовления пищи найдены горны для плавки металла. Рядом с горнами археологи обнаружили тигельки — маленькие глиняные сосуды, в которых выплавляли металл. После проведения специального химического анализа удалось установить, что в одном из тигельков плавили медь, ее остатки сохранились на стенках.

А в Старой Ладоге в слое VIII века при раскопках обнаружен целый производственный комплекс! Древние ладожане соорудили вымостку из камней — на ней и были найдены железные шлаки, заготовки, отходы производства, обломки литейных форм. Ученые полагают, что здесь когда-то стояла металлоплавильная печь. Найденный тут же богатейший клад ремесленных инструментов, видимо, связан с этой мастерской. В составе клада двадцать шесть предметов. Это семь маленьких и больших клещей — они использовались в ювелирном деле и обработке железа. Для изготовления ювелирных изделий применялась миниатюрная наковаленка. Древний слесарь активно пользовался зубилами — их здесь найдено три. С помощью ювелирных ножниц резали листы металла. Сверлами проделывали отверстия в дереве. Железные предметы с отверстиями

служили для вытягивания проволоки при производстве гвоздей и ладейных заклепок. Найдены также ювелирные молоточки, наковаленки для чеканки и тиснения орнаментов на украшениях из серебра, бронзы. Здесь же обнаружены и готовые изделия древнего ремесленника — бронзовое кольцо с изображениями человеческой головы и птиц, ладейные заклепки, гвозди, стрела, клинки ножей.

Находки на городище Новотроицком, в Старой Ладоге и других поселениях, раскопанных археологами, говорят о том, что уже в VIII веке ремесло начало становиться самостоятельной отраслью производства и постепенно отделяться от сельского хозяйства. Это обстоятельство имело важное значение в процессе образования классов и создания государства.

Если для VIII столетия мы знаем пока лишь единичные мастерские, а в целом ремесло носило домашний характер, то в следующем, IX веке их число значительно увеличивается. Мастера производят теперь продукцию не только для себя, своей семьи, но и для всей общины. Постепенно укрепляются дальние торговые связи, различные изделия продаются на рынке в обмен на серебро, меха, продукты сельского хозяйства и другие товары.

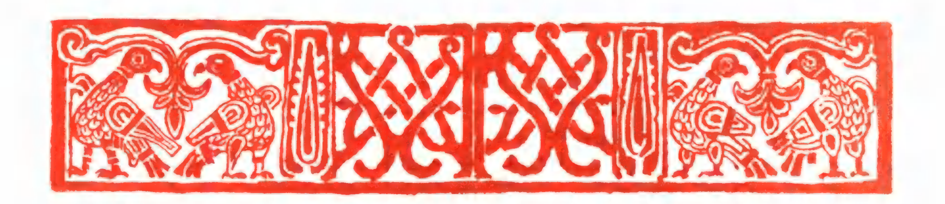
На древнерусских поселениях IX—X веков археологи раскопали мастерские по производству глиняной посуды, литейные, ювелирные, косторезные и другие. Совершенствование орудий труда, изобретение новой технологии делало возможным для отдельных членов общины в одиночку изготавливать различные вещи, необходимые в хозяйстве, в таком количестве, что их можно было продавать.

Развитие земледелия и отделение от него ремесла, ослабление родовых связей внутри общин, рост имущественного неравенства, а затем и появление частной собственности — обогащения одних за счет других — все это формировало новый способ производства — феодальный. Вместе с ним постепенно возникало и раннефеодальное государство на Руси.

Глава II
ВОСХОЖДЕНИЕ И РАСЦВЕТ

Северная гроза

В рассветные часы 18 июня 860 года у стен Константинополя, столицы могущественной Византии, развернулись события, о которых византийцы вспоминали потом в течение веков. Со стороны закипевшего под ударами тысяч весел моря подошло огромное количество боевых ладей. С них быстро высадилось хорошо вооруженное войско русов и атаковало защитников города, едва успевших закрыть ворота.

Нападение оказалось очень опасным, потому что в столице не было гарнизона, император Михаил III увел 40-тысячную византийскую армию в Малую Азию — воевать с арабами. Силы охваченного паникой Константинополя были крайне невелики.

«Где теперь царь христолюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? — трагически вопрошал в обращенной к горожанам проповеди константинопольский патриарх Фотий. — Что за удар и гнев столь тяжелый и поразительный? Откуда нашла на нас эта северная страшная гроза? Какие сгущенные облака страстей и каких судеб мощные столкновения воспламенили против нас эту невыносимую молнию?»

Бросив войска, император Михаил поспешил назад. С большим трудом и риском удалось ему проникнуть в осажденную столицу и спешно наладить хоть какую-нибудь оборону.

Обложив город, русы разорили его дальние и ближние окрестности. Опасность захвата столицы росла. «Город, — отмечал Фотий, — едва не был поднят на копье!» Церковные власти начали укрывать сокровища и христианские святыни, находившиеся в храмах.

Надежды на организацию военного отпора не было никакой — армия находилась за многие сотни верст, и император приказал вступить с русскими в переговоры о перемирии. Денег и сокровищ для их умиротворения решено было не жалеть.

Византии удалось откупиться — 25 июня русы сняли осаду и ушли от города. Вскоре после этого был заключен первый русско-византийский договор о «мире и любви», дававший северным соседям Византии большие выгоды в политике и торговле.

Победоносным походом против одной из сильнейших держав тогдашнего мира Древнерусское государство утвердило свой международный престиж. «Народ неименитый... но получивший имя со времен похода против нас, незначительный, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства...» — так описывал патриарх Фотий итог стремительного выхода Руси на европейскую международную арену. Известие о русском походе заставило европейских феодальных владетелей пристально вглядеться в восточную даль, где сложилась новая сильная держава — Русь, столь неожиданно и мощно заявившая о себе.

Было ли «призвание из-за моря»?

В эпоху раннего средневековья русские князья, бояре, церковники, как и феодалы любой другой страны, хотели представить свою власть как данную от бога, внушить угнетенным извечность и незыблемость их зависимого, подчас рабского положения. С этой же целью возвеличивались княжеские династии. Феодалы хотели отделиться от народа, доказать свою исключительность. Позже они станут называть себя «голубой кровью» и «белой костью».

Княжеская феодальная власть вела упорную борьбу и с представителями старой родовой знати, все еще пользовавшей-

ся поддержкой свободных общинников. Феодалы не хотели признавать, что сами вышли из родовой верхушки, так как тогда, по старым обычаям, их власть ограничивалась бы собранием всей общины. Это одна из основных причин, по которым и появилась на свет легенда о происхождении русских князей от знатного рода скандинавских конунгов. Следуя княжеским желаниям, ее изложил на страницах начальной русской летописи в конце XI века монах-летописец.

Об отношениях русских и скандинавов он упоминает не один раз. Под 859 годом в летописи записано: «Варяги из-за моря взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей». Таким образом, было время, когда варяги собирали дань с северных племен Руси: словен новгородских, финно-угорского племени меря, обитающего на Верхней Волге, чуди — так собирательно называли финно-угров Северо-Запада, — кривичей, живших в верховьях Днепра и Волги.

Через 3 года, в 862 году, Русь дает отпор варягам и лишает их даней: «Изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть». В это же время среди славянской знати, видимо, начались какие-то обычные для раннефеодального мира распри. «И не было среди них правды, — сокрушается летописец, — и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой». После этого сообщения автор летописи поместил знаменитый рассказ о призвании варягов в Новгород: «И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам... Сказали... чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Такова короткая легенда о призвании иноземцев. Где в ней правда, а где вымысел?

Для ответа на такой вопрос необходимо знать: что же собой представляли Русь и Скандинавия, когда происходили события, изложенные в летописи? Каковы были взаимоотношения Древней Руси и Скандинавии?

В середине IX века, когда варяги, они же викинги или норманны, появились на Руси, по всей Европе о них уже ходили страшные рассказы. Не было церкви, где бы напуганные яростью и боевым бешенством новых завоевателей христиане не возносили молитвы к небу, прося об избавлении от этой напасти. А неукротимая энергия викингов, казалось, не знала

границ. В 793 году они разграбили побережье Англии. В 795 году напали на Ирландию. В 843 году дотла разорили французский город Нант, а в следующем — португальский Лиссабон и испанскую Севилью. Еще через год викинг Рагнар опустошил Париж, а один из его соперников — Гамбург...

Период IX—XI веков подчас именуют «эпохой викингов» — они появились в это время во Франции и Англии, Германии и Испании, Италии и Сицилии, Северной Африке и Византии. Викинги предприняли колонизацию Исландии, вытеснив с ее каменистых побережий мирных кельтов, освоили далекую Гренландию и за много веков до Колумба проникли в Америку.

В середине IX века по знаменитому торговому пути, ведущему от берегов Балтики в Черное море, они проникли в земли восточных славян и открыли для себя Русь, поразившую их числом и богатством городов. Они называли ее Гардарик — «страна городов».

Первым русским городом, который узнали варяги, была Ладога. Она представала варяжским отрядам, отправившимся на разбой из Скандинавии, несокрушимой твердыней. Отсюда начинались два пути: один — «парчовый» — по Днепру «в греки», другой — «серебряный» — по Волге «в арабы». При виде хорошо укрепленной Ладоги не раз вспоминались варягам победы в других европейских городах.

Богатая Русь влекла варягов неодолимо. В середине IX века в Ладоге появился сильный варяжский конунг Рюрик. Правдами и неправдами он сумел остаться в городе и даже построил себе замок. «Пришел к словенам и срубил город Ладогу», то есть соорудил в городе новые укрепления, — только так можно толковать эту фразу летописи. Ни в коем случае нельзя говорить об основании варягами города Ладоги, так как еще задолго до варягов, в конце VIII — начале IX века, здесь появился небольшой поселок, быстро превратившийся в укрепленный город. В ранних слоях археологи нашли вещи славянского и финно-угорского происхождения, и только выше, ближе к современной поверхности земли, были обнаружены и скандинавские предметы.

Другой русский город — Изборск, где по преданию обосновался брат Рюрика Трувор, тоже возник в седой древности. Изначально на этом месте было поселение местных финно-угорских племен, а затем, когда сюда пришли кривичи, возник

укрепленный город. Летописец сообщает: «Еще не было Пскова, а был в той земле первый город по названию Изборск».

Археологическими раскопками, проведенными под руководством советского археолога Валентина Васильевича Седова, в Изборске раскрыты древние жилища, мастерские, хозяйственные постройки, остатки мощных укреплений. Жители Изборска из болотной руды выплавляли металлы, изготавливали оружие, орудия труда, украшения, занимались ткачеством, косторезным и деревообрабатывающими ремеслами. Важными отраслями были сельское хозяйство, охота и рыболовство. Дома здесь рубили из толстых бревен, ставя строения прямо на поверхность земли. В них устраивались деревянные полы.

Обломки сделанных вручную глиняных сосудов, железные ножи, костяные гребни, острия, глиняные и каменные пряслица для ткачества, кузнечные наковальни, литейные формы, бронзовые привески-украшения, рыболовные грузила, серпы, стрелы, кресала для высекания огня — вот далеко не полный перечень находок, относящихся к IX столетию.

Уже тогда в Изборске были сооружены и первые укрепления — поселение кольцом окружал высокий вал. За ним в два, а то и в три ряда располагались жилища. Центральная площадь поселения использовалась для собраний, языческих церемоний, торговли. Здесь оплакивали умерших, вершили суд, принимали важные решения, совершали жертвоприношения. Отсюда уходили в походы, сюда возвращались — с радостью побед или горечью поражений.

Активной жизнью жил этот крупный племенной центр кривичей, возникший задолго до появления варягов.

По преданию, есть в Изборске и могила варяга Трувора. Стоит на этой мнимой могиле большой каменный крест, но водружен он не ранее чем в XIV—XV веках, то есть на пять-шесть столетий позже того времени, когда, по летописи, в Изборск явился Трувор. Никто не знает, как и где родилось предание о могиле и кресте Трувора. Проведенные в прошлом веке археологические раскопки не подтвердили легенды о погребении здесь варяжского конунга. Так в результате научных поисков была рассеяна одна из легенд прошлого.

Согласно летописи, третий из варяжских братьев, Синеус, обосновался и правил в Белоозере. И здесь местные жители показывают могилу варяжского конунга, такую же легендарную, как и Трувора в Изборске.

По преданию, после смерти Трувора и Синеуса Рюрик принял всю власть, раздал города своим мужам-воеводам. В числе этих центров назван и такой древний город Руси, как Полоцк, где коренными обитателями были славяне-кривичи, а варяги хотя и часто бывали, но только как торговые «гости». Скандинавские саги представляют Полоцк как крупный торгово-промышленный город Руси, где правил князь по имени Паллтеса.

Град Полоцк располагался на высоком мысу при впадении в Западную Двину небольшой реки Полоты — от нее и пошло название самого города. Город находился на неприступном острове, и уже сама природная среда делала его труднодоступным для врагов. Протоки рек и высокие обрывистые берега поначалу давали возможность полочанам обойтись без искусственных укреплений, но вскоре прогресс военного дела заставил их соорудить мощный крепостной вал. Эта преграда была насыпана еще в VIII столетии. Кроме укрепленного городища в IX веке полочане жили также и за его пределами на небольшом селище. Археологи мало знают об этом периоде истории древнего города. Находок сделано немного — лепные глиняные горшки, пряслица из розового шифера и глины, наконечники стрел, застежка, по форме напоминающая подкову, — вот почти и все, что удалось найти на месте древнейшего города. К сожалению, во многих древнерусских городах более поздняя интенсивная застройка уничтожала ранние слои и ныне приходится по крупицам собирать факты для воссоздания древнейшей истории.

Но на основании имеющихся письменных и археологических данных мы знаем, что в Полоцке уже на рубеже VIII и IX веков существовал укрепленный город кривичей. Жило здесь, видимо, около 1000 человек — по масштабам того времени немало, а в XI—XII столетиях полочан стало гораздо больше. Неудивительно, что Полоцк попал на первые страницы русской истории: он привлекал и местных феодалов-князей, и проникавших на Русь варягов.

Во всех областях Руси, куда, по летописи, в IX веке приходят варяги, они сталкиваются с отлично укрепленными городами, где процветают ремесла и торговля и уже сложились раннефеодальные отношения.

Таковы исторические факты. Но их ясная суть устраивала не всех. В XVIII веке историки-немцы, жившие в России, на основании легенды о призвании варягов создали пресловутую

норманнскую теорию, согласно которой государство на Руси создали... три варяга и их дружина. Славянские племена были изображены в трудах этих «ученых» мужей как совершенно дикие и совсем неспособные к созданию собственного государства. Само «призвание» было изображено как завоевание славянских земель, в которых были установлены угодные варягам порядки.

Такая теория понравилась многим врагам России, потому что она создавала «ученые» основы для посягательств на русские земли.

Норманистским устремлениям историков-немцев XVIII века — Байера, Миллера, Шлецера — уже в то время дал отпор великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. А в наше время советские историки, опираясь на положение, разработанное Фридрихом Энгельсом: «...государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу...», доказали лживость всех норманистских доводов.

Государство складывалось на Руси, как и в других странах, постепенно. Лишь к IX—X векам на огромных пространствах от Ладоги до Верхней Волги завершается распад первобытнообщинных отношений и формируется новое классовое общество. А в Скандинавии в это время еще господствуют военная демократия и общинные родовые порядки, которые мешали созданию государства.

Нехватка земли, пригодной для обработки, а также система наследования имущества, когда только старший из сыновей имел на него право, заставляла скандинавов искать счастья в заморских странах. Многие европейские государства пережили вторжения воинственных викингов. В некоторых из них норманнам даже удалось захватить государственную власть и создать свои правящие династии. Так случилось в Нормандии, Англии, Ирландии. Но и там викинги не создали государств, ибо ко времени их появления они уже существовали. И на Руси князья часто нанимали варягов для походов в дальние земли, для борьбы друг с другом, а главное — для держания в узде «черни», сбора богатых даней и податей. Некоторые варяги-воины даже стали воеводами и наместниками князей. Они служили русским князьям и боярам, а иногда, получая за службу земельное пожалование, и сами становились владельцами земель, охотничьих и рыболовных угодий. Законы Руси были для них обязательными. Они женились на славянках,

принимали славянские обычаи и так прочно входили в новую жизнь, что подчас забывали родной язык.

Археологические находки, связанные с варягами, известны только в крупных городах, расположенных на важнейших торговых путях. Это говорит о том, что не было никакого массового расселения скандинавов на Руси.

Однако до сих пор на Западе встречаются историки, которые всерьез отстаивают норманистскую теорию происхождения Древнерусского государства.

Что же они предлагают читателям в качестве аргументов?

Во-первых, говорят, что термин «Русь» имеет древнешведское происхождение. Таким образом, все те, кого русские летописи, сообщения восточных писателей и другие источники называют русами, превращаются в варягов. Тогда получается, будто вся начальная история Древнерусского государства делалась викингами. Но Русью, как мы уже говорили, сначала средневековые источники называли строго ограниченную область в Среднем Поднепровье, где располагался Киев, «мать городов русских». Когда новгородцы или суздальцы собирались в Киев, они говорили, что едут «на Русь». Задолго до появления варягов был известен народ росов, или русов. В сообщениях авторов VI столетия — Иордана и сирийских писателей — дается описание росов и географическое положение их страны в среднем течении реки Днепр.

Во-вторых, норманисты считают, что вся правящая знать в Древней Руси была норманнской. Для доказательства этого используют тексты договоров князей Олега и Игоря с Византией, где в самом деле названы послы со скандинавскими именами.

В 907 году в Константинополь прибыло 5 послов князя Олега, носивших неславянские имена: Карл, Фарлаф, Вельмуд, Рулев и Стемид. Видимо, это были иноземцы, находящиеся на дипломатической службе киевского князя. Через 4 года в Византию отправляется новое посольство, и в его составе уже 15 человек, среди которых есть люди со славянскими, прибалтийско-финскими, литовскими, тюркскими именами. Посольство князя Игоря тоже было пестрым по своему составу. Следуя логике норманистов, можно объявлять Русь и тюркской, и финской, и литовской. Исторически эти факты можно объяснить тем, что князь Олег активно пользовался не только военными, но и дипломатическими услугами варягов, возможно уже знав-

ших Византию, поэтому и направил их к императору. В 911 году послы представили себя императору греков не только как представителей великого князя: «Мы от рода русского. Посланы от Олега, великого князя русского и от всех, кто подвластен ему — светлых и великих князей и великих бояр». В этом договоре кроме имен послов-варягов есть имена представителей крупной русской знати, среди которой были люди разного этнического происхождения. При заключении договора 944 года в состав русского посольства входят и торговые люди, отражающие интересы богатых купцов.

Факты участия варягов во внешнеполитической деятельности Древнерусского государства вовсе не говорят об их ведущем положении среди русской феодальной знати. Если мы обратимся к археологическим данным, то увидим, что подавляющее большинство богатых погребений эпохи средневековья принадлежат местным восточно-славянским властителям.

Так, под Черниговом, в урочище Гульбище, стоит курган под названием Черная Могила. Грандиозны его размеры: высота — 11 метров, окружность — 125 метров. Очень богаты находки вещей: два меча, две кольчуги, два шлема, византийские золотые монеты, два кубка из турьих рогов, окованных серебром...

В кургане погребены два воина — взрослый и юноша. Вместе с ними на погребальном костре были сожжены несколько рабынь. После того как костер догорел, над ними был насыпан курган и на его вершину положили боевые доспехи и оружие, а затем устроили тризну, причем не только пиршество, но и военные состязания.

По народному преданию, в Черной Могиле похоронен основатель города князь Черный.

На рогах гигантского дикого тура, превращенных в кубки для вина, изображены необычайно интересные сцены: фигуры мужчины и женщины, вооруженных луками; птицы; несущий зайца орел; мужчина, стреляющий в орла из лука.

В Черной Могиле да и в других богатых погребениях Чернигова совсем нет скандинавских вещей. А в тех местах, где они встречены, крайне редко обнаруживается норманнский обряд погребения. Значит, оружие, украшения и другие северные вещи попали к их владельцам на Руси в результате торговых связей или достались им в бою.

Археологические данные не позволяют считать обоснованным вывод о варяжском составе русской знати. Несмотря на это, буржуазные историки много пишут о «норманнском» периоде в истории Руси. Некоторые из них считают, что он длился целых четыре века, хотя установлено, что скандинавы принимали активное участие в социально-экономической и политической жизни Древней Руси очень короткое время. Все варяги, служившие русским князьям, очень быстро утратили свой норманнский облик и восприняли древнерусский язык, образ жизни, обычаи и интересы славян.

В легендарном облачении рассказа о призвании варягов остались, видимо, и некоторые черты реальных исторических событий. Ипатьевская летопись, например, сообщает нам, что Рюрик сидел вовсе «не за морем», а всего в 200 верстах от Новгорода — в Ладоге, старинной славянской твердыне, где он сумел как-то обосноваться. Это подрывает главную суть легенды — «призвание из-за моря». И в Новгороде он появился не как призванный «править и володеть» покорным славянским племенем повелитель, а просто как предводитель наемной варяжской дружины, которую во время внутренних усобиц пригласили враждовавшие меж собой новгородские феодалы.

Правда, Рюрик оказался много хитрее, чем другие вожаки разбойных варяжских отрядов, выполнявших подобные миссии до него. Он не удовлетворился той щедрой платой, которую ему предложили за помощь, а затеял более крупную игру. Оглядевшись, Рюрик решил воспользоваться новгородскими распрями. Согласно сообщению одной из летописей, он вероломно убил новгородского предводителя Вадима Храброго и серией внезапных нападений разгромил дружины враждовавших партий. Многие бежали от него в Киев — второй крупнейший центр восточно-славянской государственности.

Захват Новгорода обеспечил Рюрику господство над обширной новгородской феодальной округой. Она вовсе не распалась вновь на многие племенные образования, как должно было бы случиться, если бы феодальные отношения еще не пустили здесь глубокие корни. В Новгородской земле произошел лишь верхушечный переворот — вместо одного феодального правителя воцарился другой. Подобное далеко не редкость в средневековом мире, а скорее одно из печальных правил феодальной действительности. Правители подчас мелькали во дворцах, как карты в руках фокусника-виртуоза,

и подданные не успевали разглядеть лицо и запомнить имя очередного короля, маркграфа, хана, герцога, князя, боярина, паши, кагана или магната, как он под напором войск нового претендента покидал дворец, не успев согреть позолоченного трона своим царственным телом.

Славянское общество уже было достаточно крепко спаяно новыми феодальными отношениями и сравнительно легко перенесло смену правителей. Другое дело, что сами правители и их потомки придавали этому факту исключительное значение, — здесь давала себя знать феодальная спесь новой княжеской династии.

Быть славянским землям единой Русью!

К середине IX столетия Древняя Русь представляла собой пеструю мозаику раннегосударственных образований. На севере сложилось объединение славянских и финно-угорских племен с центром в Новгороде, на юге образовалось обширное Киевское княжение, включившее также Чернигов, Переяславль и другие города и волости. В Смоленске, Полоцке, Ростове, Муроме существовали самостоятельные правления.

Политические события, связанные с объединением двух крупнейших центров Руси — Новгорода и Киева, в легендарных облачениях изложены в летописях. Сравнение различных версий и фрагментов позволяет довольно точно представить себе эти далекие события. Начинаются они с момента прихода к власти в Новгороде Олега: «В лето 6387 [879 год. —*Авт.*]. Умер Рюрик, передав княжение свое Олегу, родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

В древней Руси пользовались юлианским календарем, который вел счет от так называемого сотворения мира. Этот календарь пришел на Русь из Византии вместе с введением христианства. Новый, григорианский календарь был введен при Петре I.

Алчные взоры новгородской знати давно устремлялись на юг. Феодалы желали подчинить себе хлебные районы и заполучить в свои руки всю торговлю по пути «из варяг в греки», иметь прямой выход в Византию. Путь к этим целям мог быть

только один — объединение Киева и Новгорода под единой властью, создание мощного государства — «от моря до моря».

В 882 году войско под предводительством князя Олега двинулось по пути «из варяг в греки» в южные земли. В составе этой разношерстной армии были варяги, чудь, словене, меря, весь, полоцкие кривичи. Первой преградой на их пути стал населенный кривичами Смоленск. Олегу без особого труда удалось взять город и посадить там своих воевод. Из Смоленска флотилия ладей двинулась к Любечу, который, так же как и Смоленск, без сопротивления принял власть северного князя.

Не так было в Киевской земле. Приближающиеся к городу ладьи были встречены сигнальными кострами на курганах и обстрелами из береговых засад. Олег понял, что пойти на прямой штурм города — значит потерять много воинов и тогда неизвестно, чьей победой закончится борьба. Поэтому, по рассказу летописи, князь решил перехитрить киевлян и взять город обманом. На подходе к киевским холмам Олег велел воинам спрятаться, чтобы киевские дозорные видели только гребцов и не сообщили своим о войске на кораблях. Часть воинов князь вообще оставил за городом. Когда флотилия подошла к низкому берегу в Угорском урочище, Олег отправил в город послов с наказом попытаться выманить его защитников из-за укреплений. Посланцы Олега пришли в город безоружными и сказали: «Мы купцы и идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Киевляне, поверив послам, открыли ворота и вышли к ладьям в надежде купить у новгородских гостей нужные товары да продать свои. Вышли к гостям и киевские князья. Только у воды они поняли, что попались в ловушку: из ладей выскочили вооруженные воины, а Олег (по преданию, похожему на эффектный киноэпизод), став на носу корабля, обратился к киевским правителям: «Не князья вы и не княжеского рода, а я княжеского рода! — А когда рослый дружинник поднял на руки маленького Игоря, добавил: — Вот он, сын Рюрика!» Завязалась схватка, но длилась она недолго, — киевские дружинники отступили.

После этого дружина Олега беспрепятственно вошла в Киев.

С момента вокняжения Олега в Киеве славянские племена еще активнее стали объединяться в одно государство. Скоро дань Киеву начали платить словене, кривичи, меря, древляне, северяне, радимичи. Варягам, служившим Олегу, было уста-

новлено жалованье — 300 гривен в год. Щедрая плата и в дальнейшем давала русским князьям возможность использовать варяжские дружины для решения как внутренних проблем, так и внешнеполитических задач. Регулярные выплаты варягам были прекращены лишь после смерти Ярослава Мудрого, в середине XI века.

Летописец, рассказывая об объединении Киева и Новгорода и других земель, конечно не мог проникнуть в суть социально-экономических процессов, протекавших на Руси. И только тщательный анализ летописей и грамот, археологических находок и записок иностранных путешественников помог советским ученым объяснить события тех далеких времен.

Процесс возникновения государства детально раскрыт в трудах классиков марксизма-ленинизма. Владимир Ильич Ленин в своей работе «Государство и революция» отмечал, что «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены». На основе таких классовых противоречий возникло и Древнерусское государство. Оно служило классу феодалов для угнетения трудящихся — землепашцев, скотоводов, ремесленников, охотников, рыболовов.

С объединением Киева и Новгорода Древнерусское государство протянулось узкой полосой вдоль пути «из варяг в греки». Территориальный и экономический рост государства позволил киевскому князю активно выступать и на международной арене. В начале X века Русь вновь выступила соперницей Византии. В 907 году пошел Олег на греков, оставив уже взрослого Игоря в Киеве. Лазутчик греков рассказал императорам (их было тогда два — Лев и Александр) о небывалом войске, идущем на главный град государства. Сам он когда-то жил в Киеве, побывал во многих русских землях, умел по говору, повадкам, одежде отличать киевлян от новгородцев, чуди, кривичей. Так вот в войске есть и те, и другие, и третьи. Под стягами Олега идут также древляне, радимичи, северяне, вятичи, меря... Кого только там нет! Нанял Олег и множество воинов из варягов. 2 тысячи кораблей движутся в Константинополь! Нет на них купеческих грузов, а только жаждущие добычи дружинники, готовые по первому кличу броситься в бой или на приступ города!..

Императоры совещались с многочисленными советниками. Многие из них не хотели верить лазутчику, надеялись на то, что молва преувеличила опасность. Однако некоторые вспоминали слова гордого славянского посла Лаврита, сказанные предкам нынешних византийских правителей много лет назад: «Родился ли на свет и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу?» А ведь ныне русы стали еще искуснее в военном деле, лучше вооружены и хорошо знают слабые стороны тактики византийцев! На всякий случай было решено запереть вход в гавань и закрыть городские ворота. Уже утром следующего дня, после того как это было сделано, жители Константинополя увидели, что меры предосторожности были предприняты не напрасно: у берега стояло невиданное число ладей, с которых, бряцая оружием, спускались на сушу вооруженные люди.

Началась осада города по всем правилам. Он оказался в огненном кольце: горели в предместьях богатые палаты, жилища рядовых горожан, церкви. Те, кто не успел укрыться за мощными стенами укреплений, попали в плен, а оказавшие сопротивление заплатили за это жизнью. Скоро положение стало тяжелым и византийцы начали переговоры. Князь Олег потребовал заплатить на каждого из своих воинов по 12 гривен откупа, обещая после этого отойти от города. А ведь на каждом из 2 тысяч кораблей было по 40 человек! Итоги переговоров даже превзошли ожидания русских: греки так испугались, что были готовы на все, лишь бы с миром отправить завоевателей восвояси. Русским городам Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу было обещано выплачивать ежегодную дань. Если придут послы от русов, то греки обязались их содержать сколько понадобится, а если пожалуют купцы, то 6 месяцев им будут выделяться хлеб, мясо, вино, рыба, овощи. А когда наступит время им возвратиться назад, то обеспечат их пищей, якорями, канатами, парусами и всем, что надобно. Только те, кто придет в Византию без поручений от князя и не для торговли, обеспечением пользоваться не будут. Греки просили Олега запретить русским, приходящим в Константинополь, чинить на пути самоуправство и грабеж. Князь согласился, чтобы пришедшие из русских земель располагались в предместье города, у монастыря. В город входить русские купцы должны были без оружия, по 5—10 человек и в сопровождении «царева мужа» — специального княжеского слуги, наблюдавшего за порядком.

После долгих споров и обсуждения каждого слова в договоре императоры и князь заверили друг друга, что будут неукоснительно выполнять все статьи соглашения. Дружинники Олега поклялись своим оружием и богами — Перуном и Велесом.

Последним требованием Олега было сшить паруса для ладей из шелка и полотна.

Вернулись дружины Олега в родной Киев с богатой добычей — с золотом, шелками, овощами, винами и всякими восточными диковинками. Такие походы значительно укрепляли внешнеполитическую мощь молодого Древнерусского государства, давали возможность обогащаться его правящим слоям. Мирные договоры, заключенные князем Олегом с таким могущественным государством средневековья, как Византия, позволили Древней Руси расширить свое влияние и укрепить власть киевского князя.

Через несколько лет после похода князь Олег умер. Летопись в легендарной форме повествует о его смерти. В этом рассказе отразилась та борьба, которая велась между новым классом феодалов и старой родовой верхушкой, стойкими приверженцами которой были языческие волхвы и кудесники. Знаменитое стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Песнь о вещем Олеге» — романтический рассказ о гибели князя из-за его близкого друга, боевого коня, — построено на материале летописного сообщения, в котором отразились языческие представления о коне как символе плодородия, благополучия, силы и счастья.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

. . . .

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его и похоронили на горе, что зовется Щековицей. Есть же могила его и до сего дня слывет могилой Олеговой». Другая летопись сообщает нам, что погребен Олег был не в Киеве, а в Ладоге: «И есть могила его в Ладозе».

«Олегова могила» в Ладоге исследовалась археологами. В этом большом кургане-сопке были обнаружены сожженные человеческие кости, железный наконечник копья. Подножие сопки было окружено гигантскими валунами. Конечно, заманчиво было бы считать это погребальное сооружение могилой вещего Олега, но для этого нет никаких оснований.

Но погребения знатных дружинников, а возможно, и предводителей дружин в Ладоге найдены. Так была раскопана сопка, в которой обнаружили погребение с богатым набором вещей. Это были весовые гирьки, бусы, бронзовая бляшка. А самой интересной стала находка бронзовой подвески с изображенными на ней трезубцами — княжескими «знаками Рюриковичей». В сопке были найдены также кости крупного животного. Сначала думали, что это останки коня. Уж больно манила легенда о могиле Олега — здесь и конь, и отличительный княжеский знак. Однако зоологи, осмотревшие кости, рассеяли захватывающие предположения — кости оказались коровьими.

Впрочем, в Ладоге известны сопки и с погребениями коня. На берегу реки Волхов в урочище Плакун раскопана разрушившаяся сопка, в которой был погребен конь, а рядом с его останками лежали принадлежности богатого конского убора. Среди них бронзовые фигурные удила, части ременной упряжи с серебряными бляшками. Согласно поверьям, погребенный конь должен был служить умершему после его воскрешения. Подобные представления и легли в основу летописного рассказа о смерти князя Олега.

Так, по преданию, закончилась жизнь правителя, которому удалось с помощью военной силы, помноженной на хитрость, объединить два древних государственных центра Руси — Новгород и Киев. Это объединение было закономерно, оно явилось завершением долгого процесса формирования феодальных отношений. И если не стал бы, например, успешным поход Олега, то наверняка вскоре нашелся б другой правитель — киевский, новгородский, черниговский, переяславский, — которому удалось бы объединить восточно-славянские племена в единое государство, поскольку все условия к такому слиянию

уже созрели. Родовые старейшины, захватывавшие земли первобытных общин, превращались в феодалов. Племенные князьки также становились мелкими феодальными государями, чья власть держалась на владении землей, взимании даней и оброков. Они жаловали своим боярам, воеводам, дружинникам населенные крестьянами земли, а княжеские дружины за щедрые пожалования кабалили смердов-общинников, собирали дань с подвластных племен, силой укрощали противников своего правителя.

Феодальный порядок быстро набирал силу на восточно-славянских землях, все новые и новые племена втягивались в орбиту общерусского феодального центра — стольного Киева.

Дани и полюдье

В IX—X веках Древняя Русь уже стала типичным раннефеодальным государством. Политическое господство феодалов — бояр и князей — обеспечивалось дружинной военной организацией. Дружина не только, как мы подчас думаем, сопровождала князя в походах. Она все время находилась рядом с ним. Дружинники часто и живут на княжеском дворе, и едят с князем за одним столом — хмельные дружинные пиры были неотъемлемой частью феодального быта. С дружинниками князь «держал совет» обо всех делах — о войне и мире, походах и посольствах, размерах дани и раздачах земель, казнях и помилованиях. Вместе с дружинниками он составлял грамоты-указы, вершил суд по «закону русскому».

Дружина делилась на несколько частей. Вершила государственные дела и вместе с князем управляла землей «старшая» дружина, в которую входили «великие бояре», владевшие богатыми землями, многочисленной челядью, роскошными хоромами, а часто имевшие и свои военные отряды.

А «руками» князя была энергичная «молодшая» дружина. Младшие дружинники на деле реализовали то, что «уставлялось» князем и боярами, замышлялось на пирах и долгих «свещаниях», — собирали дань, управляли княжеским хозяйством, охраняли покой правителя, живя на княжеском

подворье, а во время войн составляли ударную силу княжеского войска.

И наконец, еще одну, непостоянную группу дружины составляли набиравшиеся во время войн и походов воины «от сохи» — крестьяне, ремесленники.

По мере того как все новые и новые земли «становились под руку» киевского князя, дружина пополнялась за счет местной племенной знати, быстро воспринимавшей киевские феодальные порядки.

Дружина верно служила князю и для угнетения трудовых масс. Основной формой эксплуатации зависимого люда в те времена был сбор дани. Большую часть зимы князь и дружина проводили в «полюдье» — ездили по городам, крупным селам, собирая с городских и крестьянских общин-вервей серебро, меха, продовольствие и различные товары. Съестные припасы шли на содержание дружины, а другие товары отправляли в Киев, а оттуда весной везли на продажу в Царьград и другие города Европы и Азии. На вырученные деньги покупали оружие, дорогие ткани, драгоценные украшения, восточные пряности, редкие диковины и спешили в Киев — порадовать князя, бояр, княгиню да боярынь...

Размеры дани с земель бывали разными. Иногда они устанавливались точно, иногда нет. Как правило, дань зависела от числа крестьянских дворов в той или иной местности. Каждый «дым» (двор) обязан был вносить определенную долю в общинную подать. Но подчас, «уставив дань», то есть определив ее размеры, движимые алчностью князья требовали все больше и больше подношений. А если требования не выполнялись, в ход шла военная сила, начинался по селам и городам кровавый «правеж» дружинных отрядов. В дело вступала княжеская дружина, силой отбирая у крестьян-смердов последние запасы.

Год от года возраставший феодальный гнет все чаще вызывал протесты, а то и открытые восстания против произвола. Сведения об одном из первых таких восстаний сохранились в легендарном сказании о гибели киевского князя Игоря Старого в древлянской земле.

Игорь сел на киевское княжение после смерти Олега. Летописная легенда называет его сыном Рюрика, который, умирая, якобы передал «Игоря детска», то есть ребенка, своему ближайшему сподвижнику Олегу. Прошли годы, Игорь вы-

рос и стал сначала соправителем Олега, а после его смерти — полновластным хозяином Киева.

Правил он больше 30 лет. Началом его продолжительного княжения стала война с древлянами, которые, воспользовавшись смертью всесильного Олега, хотели было отложиться от Киева и «затворились» от Игоря в укрепленных городах. В 914 году Игорь разгромил древлян и «возложил на них дань больше прежней».

Сбор дани с древлян был пожалован Игорем одному из ближних бояр-воевод Свенельду. С той поры ежегодно дружина Свенельда добывала «дани многие» с древлянской земли.

Прошло 30 лет. Зимой 945 года, уже после того, как Свенельд в очередной раз обобрал древлян, Игорь Старый тоже надумал поживиться чем-нибудь в древлянских городах. К этому подтолкнули князя настойчивые обиженные разговоры в собственной дружине. Богатый «улов» Свенельда вызвал недовольство среди приближенных киевского князя, оставшихся в тот год без большой добычи. «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, — жаловались они, — а мы наги! Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». Поддавшись настойчивым уговорам, старый князь — ему было уже больше 60 лет — отправился в древлянские земли за новой данью.

У древлянского князя Мала не было сил для борьбы с Игорем, поэтому еще одна дань была выплачена сполна и разорители ушли восвояси. Длинный караван двинулся в Киев. Но алчность и жадность не оставили Игоря и его дружинников, а, наоборот, разгорелись. И скоро созрело у Игоря такое решение: караван отправить дальше, а самому с небольшим отрядом вернуться в древлянский город Искоростень и еще потребовать дани.

Древлянские дозорные с изумлением увидели, что Игорь опять идет в их землю. Древляне закрыли крепостные ворота Искоростеня и решили на этот раз не покоряться и больше не терпеть княжеских притязаний и поборов. «Как повадится волк за овцой, — говорили они, — то утащит все стадо, если не убьют его; так и у нас, если не убьем его, то всех нас погубит». Было решено выслать к Игорю послов и попытаться уговорить его довольствоваться собранным и уйти в Киев.

«Зачем идешь опять? — спросили послы. — Собрал ведь уже всю дань».

Но Игорь потребовал открыть ворота города. Тогда древляне решили вступить в военную борьбу с князем. Из нескольких ворот Искоростеня выскочили жители, вооруженные дубинами и ножами. Горстка дружинников вместе с Игорем вскоре была окружена и большей частью перебита. Схватив князя Игоря, разгневанные древляне подвергли его мучительной казни — привязали к двум согнутым деревьям, а затем отпустили их.

«Уроки» и «уставы» княгини Ольги

Смерть Игоря была отомщена.

Древляне, предвидя кару за убийство князя и разгром его отряда, решили, чтобы избежать беды и нашествия, отправить в Киев сватов — предложить овдовевшей княгине Ольге стать женой древлянского князя Мала.

...Ладьи с 20 послами пристали под Боричевым спуском, и древляне направились на гору, к каменному княжескому терему. По преданию, скрыв свои чувства, хитрая Ольга встретила их как самых дорогих гостей. Послы, выполняя наказ старейшин, предложили ей выйти замуж за князя Мала. Княгиня отвечала сватам: «Любезна мне речь ваша, — мужа мне моего уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед народом своим. Ныне же идите к своей ладье и отдыхайте. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Верхом не поедем, пешком не пойдем. Несите нас в ладье». И вознесут вас в ладье».

Однако княгиня Ольга обманула древлянских послов и приказала своим дружинникам их казнить. Такой была, по преданию, первая месть Ольги за смерть мужа.

В тот же день, опережая расхожую молву, поскакали в древлянский Искоростень Ольгины гонцы.

«Если вправду меня просите, — передавала старейшинам киевская княгиня, — то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди».

Направились в Киев лучшие древлянские мужи, не зная, что едут на верную смерть.

И снова Ольга послала гонцов в Искоростень. «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну».

Все приготовили древляне, по-прежнему рассчитывая на мирный исход событий. Однако тризна по Игорю по воле княгини превратилась в кровавую драму.

Только теперь открылись глаза у доверчивых древлянских мужей. Затворились они в городах, началась открытая война Киева со всей древлянской землей.

На следующий год затеяла Ольга большой поход, войско набрала сильное, хорошо обученное. Лучшие воеводы — Свенельд и Асмуд возглавили полки. Свенельд со своей дружиной активно включился в борьбу, поскольку размирье лишило его богатых древлянских даней. Вместе с войском ехал и малолетний сын погибшего Игоря Святослав — будущий грозный киевский князь.

Навстречу киевской рати вышло древлянское ополчение. Стали друг против друга. Сигнал к началу битвы подал Святослав.

Он бросил в сторону врагов копье, но силенок у него было еще маловато: копье, пролетев между ушей коня, упало к его копытам.

«Князь уже начал, — увидев это, сказал Свенельд. — Последуем, дружина, за князем!» Натиск хорошо обученной дружины был настолько силен, что древлянское ополчение скоро побежало и остатки его затворились в Искоростене. По преданию, никак киевляне не могли взять Искоростень и тогда вновь помогла им хитрость Ольги. Она предложила древлянам выплатить небольшую дань. «Дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Вы же изнемогли в осаде, потому и прошу у вас этой малости».

Вновь обманулись доверчивые древляне. С поклонами отправили Ольге символическую дань, и княгиня обещала на другой день уйти от города. Но когда стало смеркаться, она приказала воинам привязать к лапкам голубей и воробьев тряпочки, пропитанные в горящей смоле, и отпустить их в свои гнезда. Ночью по всему городу начались пожары. В панике бросились бежать из города древляне, и дружина Ольги без труда захватила его. Старейшин прогнали, сопротивлявшихся перебили, а остальных заставили платить непомерно тяжелую дань.

Так летописец в легендарной форме, сплетая быль и небыль, рассказал о восстании в древлянской земле и жестоком его подавлении, о борьбе княжеской власти против последних родовых устоев и племенной знати.

Но древлянское восстание послужило киевским князьям уроком, который они хорошо усвоили и сделали из него должные выводы. Размер дани теперь устанавливался строже, определялось время ее сбора и места, куда она свозилась. «И пошла Ольга с сыном своим и дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов».

В следующем, 947 году то же самое было сделано и по другим землям Древнерусского государства. «Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани». Псков, Десна, Днепр — всюду прошла в тот год неутомимая княгиня.

Погосты — бывшие села и торговые места — становились теперь и административными центрами княжеского управления. Один из таких погостов на Луге — Городец раскопан в последние годы ленинградскими археологами. На месте небольшого родового градка, не имевшего искусственных укреплений, в X веке сооружается настоящая крепость. Укрепляются склоны холма, насыпаются валы, поверх которых ставят частоколы. Путь княгини Ольги из Новгорода во Псков проходил по реке Луге. Ольга была здесь в 947 году, и именно в середине X века сооружаются, как показали раскопки, укрепления Городца! Обитатели его пользовались для жилья полуземлянками, стены которых были срублены из бревен и немного возвышались над землей. Полы жилищ устилались деревянными плахами. Отапливались дома печками-каменками, дым выходил в дверь или узкие оконца, прорубленные на стыках бревен. Весь городок делился на две части: в одной находились жилые дома, а в другой — производственные мастерские. Самыми массовыми находками в постройках Городца были черепки разбитой глиняной посуды. Древнему гончару проще было вылепить новый горшок, чем латать и склеивать старый. Железные ножи и наконечники стрел, костяные иглы, шилья, гребни, серебряные монеты, бусы из стекловидной массы, украшенные затейливым рисунком, — вот мир вещей, окружавших древних жителей Городца. С X столетия Городец стал административным центром большой округи, сюда свозили собранные дани и оброки, здесь находилась военная резиденция: часто приходилось

применять силу, чтобы собрать установленную дань. Здесь же находились ремесленные мастерские, обеспечивающие жителей городка и окрестностей необходимыми изделиями.

Дани, полюдье и прочие поборы подрывали устои общины, и многие ее члены, чтобы уплатить дань сполна и самим как-нибудь просуществовать, были вынуждены идти в долговую кабалу к своим богатым соседям. Долговая кабала стала важнейшим источником формирования экономически зависимых людей. Они превращались в челядь и холопов, гнувших спины на своих хозяев и не имевших практически никаких прав.

В феодальном хозяйстве широко применялся труд рабов-холопов, ряды которых пополнялись пленными, а также разорившимися соплеменниками. Положение холопов было крайне тяжким — они «ниже хлеба ржаного ели и без соли от последней нищеты». Феодальные путы цепко держали человека в рабском положении. Иногда, вконец отчаявшись и изверившись во всех земных и небесных надеждах, холопы пытались разорвать их, поднимали руку на обидчиков-хозяев. Так, в 1066 году, сообщает Новгородская летопись, был удавлен собственными холопами один из церковных изуверов епископ Стефан.

Кара холопу не только за такое, но и за гораздо более мелкое прегрешение была одна — смерть. По «Русской правде», например, если холоп ударит свободного «мужа» — феодала, то феодал мог убить обидчика, когда и где бы его ни встретил, даже если за эту обиду хозяин холопа уже внес положенные по закону 12 гривен серебра.

Одна была у холопа надежда. Если был он пленным — «от рати взят», то соплеменники могли выкупить его. Цена за пленного была высока — 10 златников, полновесных золотых монет русской или византийской чеканки. Не каждый надеялся, что заплатят за него такой выкуп. А если раб происходил из своего, русского рода-племени, тогда ждал он и желал смерти господина. Хозяин мог завещанием своим духовным, надеясь искупить земные грехи, отпустить холопов на волю. После этого превращался холоп в пущенника, то есть отпущенного на волю человека.

Холопы стояли на низшей ступени сложной уже и в те древние времена лестницы социальных отношений. Чуть выше

их были другие зависимые люди феодального мира. К ним относились рядовичи — бедняки, заключавшие с феодалом ряд-договор на многолетнюю тяжелую работу, будь то освоение под пашню дикой лесной лядины, сбор меда на далеких и диких бортных угодьях или звериный промысел. В схожем положении оказывались и закупы, попадавшие в зависимость не по договору, а за то, что брали у феодала долг-купу, обычно зерном.

Число холопов, рядовичей, закупов пополнялось в основном из обширной группы сельского населения, которую древние памятники именуют кратко: смерды. Смерды были самой многочисленной категорией сельского населения Древней Руси. Многие из них жили на общинных землях, которые еще не были захвачены вотчинниками-боярами. Лишь верховная власть князя распространялась на них. Князю и платили общины смердов дань, только княжескую власть над собой признавали.

Но по мере того как расходилась вширь и врастала в глубь тогдашней жизни феодальная собственность, волость за волостью переходили в руки частных феодалов в виде княжеских пожалований. Положение смердов ухудшалось: теперь не только князю дань следовало платить, но и боярина содержать с семейством и слугами.

Жизнь становилась сложнее, дани и оброки увеличивались. Разорение непосильными поборами смердов-общинников породило еще одну категорию зависимых людей — изгоев. Изгой — это человек, изгнанный силой тяжелых жизненных обстоятельств из своего круга, разорившийся, потерявший дом, хозяйство, семью. Название изгоя происходит, по-видимому, от древнего глагола «гоить», равнозначного в старину слову «жить». Человек, лишенный своей прежней «жизни», то есть хозяйства, становился изгоем.

Уже само возникновение особого слова для обозначения таких людей говорит о большом числе обездоленных. Изгойство как социальное явление широко распространилось в Древней Руси, и феодальным законодателям пришлось включить в своды древних законов статьи об изгоях, а отцам церкви то и дело поминать их в своих проповедях и посланиях. Таковы были основные категории зависимого населения Древней Руси. Были, кроме этого, и более мелкие группы — прошенники, милостники, задушные люди...

Феодальное хозяйство постепенно усложнялось. В IX—X веках феодальное землевладение еще не сформировалось окончательно. Для X века по сообщениям письменных источников мы знаем княжьи города и волости. Ольге принадлежало село Ольжичи, Владимиру — Берестово. Известны и имения бояр.

Затем в XI столетии происходит резкий скачок в развитии феодального землевладения. Меняется система поборов — вместо время от времени собираемых даней появляются постоянные оброки и подати. Для того чтобы регулярно собирать их, держать в повиновении угнетенных, необходима была уже не только воинская сила, но и разветвленный государственный аппарат.

Посадники, данщики, вирники, мечники, ябетники, огнищане, тиуны, старосты — вот далеко не полное перечисление должностных лиц, верно служивших феодалам, угнетавших зависимый люд — смердов, холопов, изгоев, закупов, рядовичей...

От земли вятичей до Белой Вежи

Князь Святослав впервые принял участие в сражении еще ребенком, когда в битве с древлянами в 947 году, сидя на коне, метнул свое копье в их сторону. Вся жизнь этого князя стала пройденным на одном дыхании боевым походом. На карте, составленной историками, пути его войска стрелами рассекают всю Восточную Европу, струятся вдоль Волги, петляют в причерноморских и придунайских степях. Касоги и булгары, вятичи, хазары, придунайские народы — со многими воевал Святослав, оставляя по себе тяжелую память в «примученных» им племенах. «И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он ни шатра, но спал, подостлав войлок, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины».

Если в период правления Ольги много делалось для упорядочения экономических и социальных отношений внутри стра-

ны, то Святослав больше действовал за пределами Руси. Взмахом своего меча, как писал один из историков, он окончательно очертил границы Древнерусского государства, включив в него восточно-славянские земли, до этого зависевшие от печенегов, булгар, хазар...

Каганы Хазарии издавна претендовали на дани с отдельных славянских племен и не хотели уступить контроля над Волжским торговым путем. Зависимым от хазарского каганата в середине X века еще оставалось славянское племя вятичей. А русские купцы из других земель все время жаловались на то, что хазары берут непомерные пошлины за проход караванов по Волге в Хазарское (Каспийское) море. Часто они просто не пропускали русские караваны.

Эти причины и вызвали военные походы русских дружин под предводительством Святослава. В 954 году началось освобождение вятичей от хазарских притязаний. В это время их земля простиралась по берегам реки Оки. Жили они в небольших поселках без укреплений. В моменты опасностей население пряталось за высокими валами городищ. Жилищами вятичей были утепленные землянки, а также срубленные из толстых бревен наземные постройки с глиняными полами. Часто находят при раскопках жилищ сошники, косы, серпы. Это говорит о том, что вятичи занимались пашенным земледелием. У них было хорошо развито гончарство, металлургия, кузнечное производство, косторезное дело. Находки кладов арабских серебряных монет-дирхемов свидетельствуют об активных торговых связях населения Верхней Оки с Востоком.

Вятичи сжигали умерших, собирали их прах в глиняные горшки, которые ставили в погребальные камеры, обложенные деревом. Нестор-летописец так описывал погребальный обряд вятичей: «Если кто умирал, устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили его на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи...». Эти строки написаны в XII веке, но сам ритуал гораздо древнее и был известен начиная с IX века.

В 954 году Святослав двинул войско в землю вятичей, а оттуда направился на Волгу, в области, где жили прикамские болгары, волжские булгары. Военная удача везде сопутствовала русским воинам.

Скоро дружины вступили в степи Хазарии. Войска Святослава быстро захватили ее столицу Итиль, стоявшую при впадении Волги в Каспийское море. Затем был покорен славившийся своими виноградниками город Семендер, расположенный в Северном Дагестане. Победа стоила многих сил, и, завоевав Керченский пролив, Святослав вернулся в Киев.

Спустя 10 лет князь вновь двинулся походом на Восток, решив окончательно разгромить хазар. В один из ясных солнечных дней 965 года большой караван боевых кораблей отошел от Киева и двинулся вниз по Днепру. По правому и левому берегам, опережая ладьи, скакали отряды всадников — боевое охранение основных сил. Сам Святослав с воеводами шел на передовой ладье. Вскоре корабли вышли на просторы Русского (Черного) моря и двинулись на восток. Пройдя Керченский пролив, караван путем, издавна знакомым русским купцам, стал подниматься по Дону. Целью похода был хазарский город Саркел, мешавший русским полностью взять в свои руки Восточный торговый путь.

Город предстал перед дружинами, удивляя взоры белокаменными стенами и башнями.

Саркел строили как важный опорный пункт на караванных путях для борьбы Хазарии против кочевавших в здешних степях мадьяр и руси, не раз совершавшей походы в хазарские области. В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» рассказывается, что во времена правления Феофила в IX веке хазары попросили византийцев помочь им в постройке крепости на Дону. Так и возник Саркел, что означает «белый дом». Это была кирпичная крепость с толстыми стенами и многочисленными башнями. Цитадель со всех сторон была окружена водой — излучиной реки и глубоким рвом. С башен открывался хороший обзор и стрелки могли простреливать все подступы к стенам. Сверху по стене был устроен боевой ход, и воины могли спрятаться за кирпичными зубцами. В мирное время жители Саркела брали воду из реки, а во время осады пользовались специальным колодцем, на дне которого бил родник. Внутри крепость делилась на две части стеной с башней. Она была сооружена на тот случай, если врагу удавалось занять одну половину города, — тогда защитники укрывались во второй. Кроме того, домá крепости делили ее на отдельные участки, каждый из которых был самостоятельным центром обороны.

Разноцветные шатры и палатки полукольцом окружили крепость — началась осада. На Дону стояли сторожевые ладьи с воинами. Ночами небо над Саркелом озарялось отблесками тысяч костров. Святослав решил взять город измором, понимая, что лобовой штурм не принесет победы.

В крепости было достаточно продовольствия, обильно поил защитников родниковый колодец, о котором не подозревали русы.

Дружины русских и раньше бывали под стенами Саркела, но всегда получали отпор. Хазары не знали, что на этот раз дело не ограничится молниеносным набегом или кратковременной безуспешной осадой. Святослав решил не уходить, пока не возьмет крепость и не оставит там русский военный отряд.

Нередко возникали перестрелки. В ответ на выстрелы русов со стен и башен Саркела слетали тучи шелестящих стрел.

Шло время, и положение осажденных становилось все хуже. В крепости вспыхнули болезни. Когда согнанный из окрестностей скот был съеден, начался голод. От страшной жары стал пересыхать колодец. Следом за болезнями и голодом шла неумолимая смерть. Умерших хоронили прямо в городе — под полом жилищ, ибо кладбище находилось за стенами, там, где сейчас стояли лагерем русы.

В этих условиях хазарские военачальники решили начать активную борьбу с осаждающими. Стали искать слабые места в кольце русов. Под северной стеной темными ночами прорыли подкоп, через который лазутчики тайно спускались к Дону, а потом возвращались в крепость. Через него же доставляли в цитадель и воду. Долго это оставалось незамеченным. Но однажды с дозорной ладьи русов увидели тени на берегу, услыхали шорохи у стены. Корабль быстро пристал к берегу, и отряд дружинников кинулся к подкопу. Хазары обнаружили погоню и бросились назад. Лишь один из лазутчиков замешкался и был сражен стрелой. Когда наступило утро, к этому месту подошли большие силы русских, подкоп был в спешном порядке засыпан. Снабжение города водой прервалось.

В конце концов настойчивость Святослава была вознаграждена. Русским удалось взять Саркел, когда он обессилел от голода, жажды и болезней.

Во время раскопок Саркела, выполненных советскими археологами, нашли одно из спрятанных в ту пору сокровищ. В большом глиняном горшке, до краев наполненном просом,

были укрыты дорогие вещи и серебряные монеты. Горшок обнаружили в сгоревшем жилище. Хозяин сокровищ аккуратно сложил в горшок два туго свернутых пояса, украшенных серебряными и бронзовыми бляшками с позолотой и чернью, ожерелье из сердоликовых бусин, между которыми висели серебряные дирхемы. Сверху лежал внушительный спекшийся комок рубленых серебряных монет. Богатство побывало в огне, а принадлежало, по-видимому, богатому ремесленнику. В пользу такого предположения говорит находка серебряного лома из кусочков монет, который использовался для изготовления различных украшений.

В руки археологов клад попал неполным. Во-первых, во время пожара горшок, видимо, упал, частично разбился и некоторые вещи вывалились из него. Часть клада обнаружили еще в средневековье во время сооружения хозяйственного погреба и тогда же унесли ее. Но кое-что осталось и на долю археологов. Определить, когда клад попал в землю, помогли монеты. Самая поздняя монета клада датируется 943—954 годами, а Святослав брал Саркел в 965 году. Нет сомнения в том, что клад был спрятан во время осады, а владелец его погиб.

Во время штурма крепость пострадала — кое-где были повреждены стены, но особые разрушения произошли внутри города. Остатки построек позднее стали разбирать на кирпичи и строить новые небольшие жилища на свободных местах. Даже проем крепостных ворот приспособили под жилье.

После взятия Саркела дружинами Святослава в нем был оставлен русский гарнизон, а затем стали появляться и новые, мирные поселенцы — славяне.

Так закончилась в донских степях история хазарского города Саркела и началась история города славянского — Белой Вежи, как он стал называться. Эти места были быстро заселены землепашцами, ремесленниками и воинами.

Найдены при раскопках символы власти эпохи Святослава: костяной кружок с княжеским знаком — двузубцем — и кистень с тем же рисунком. Первый служил своеобразным удостоверением княжеского наместника, а второй был атрибутом воинской силы правителя Киевской Руси. Княжеский знак Святослава — двузубец — часто наносился также и на восточные серебряные монеты-дирхемы, имевшие тогда хождение на Руси.

Знаки на монетах

С конца VIII века количество восточных монет-дирхемов, поступавших в славянские земли, начинает резко нарастать. Арабское серебро буквально наводнило восточноевропейские земли и получило здесь широкое хождение наряду с серебряной русской гривной.

«Они купцы те дирхемы отдают русам и славенам, — сообщал арабский историк ал-Гардизи, — так как те люди не продают товары иначе, как за чеканенные дирхемы».

Гривна весила 68 граммов, а такие крупные слитки не всегда были удобны для торговых расчетов. Вот и стал арабский дирхем выполнять роль более мелкой денежной единицы. 25 дирхемов IX века по весу равнялись как раз 1 гривне. А назвали покрытые затейливой арабской вязью монеты на Руси кунами, — видимо, такое имя перешло на них с древних денег-мехов, куньих шкурок.

Но арабские монеты были разными по весу, а растущая торговля требовала массы одинаковых денег. Выход на Руси нашли простой: стали восточные монеты обрезать по окружности острыми ножницами, изготавливая одинаковые по весу кружочки.

Вероятно, от такой операции и пошло название мелкой древнерусской деньги — резана. Была она в 2 раза меньше куны, а в 1 гривне было ровно 50 резан.

В X веке арабские дирхемы стали тяжелее, чем прежние куны, — теперь каждая весила почти 3,5 грамма. Эти более тяжелые деньги русские стали именовать ногатами, на свой лад переиначив арабское слово «нагд» — «хорошая монета», «отборная монета».

В XI веке, когда истощились на далеком Востоке богатые серебряные рудники, поток монет резко оскудел. Стали подумывать на Руси о чеканке своих денег. Во время княжения Владимира Святославича появились первые собственно русские монеты — знаменитые владимирские златники, чеканившиеся из отборного червонного золота. А при Ярославе Мудром стали чеканить и серебряную монету. Изображен на этих монетах родовой знак Рюриковичей — трезубец.

Изучением монетного дела занимается особая ветвь исторической науки — нумизматика. Труд у нумизматов непро-

стой, требует точности, терпения и обширных знаний. Подчас, чтобы выяснить пути развития той или иной денежной системы (а их у народов земли были многие тысячи!), приходится взвесить на точных весах сотни тысяч монет, определить доброкачественность серебра, прочесть выполненные на древних языках надписи-легенды, выявить время обращения монет, изучить обширную географию их распространения, сопоставить ее с торговыми путями, маршрутами завоеваний и путями переселений. Только тогда кажущийся хаос рассеянных в земле кладов превращается в стройную понятную картину...

Но вернемся к дирхемам. Несколько лет назад ученые обратили внимание на глубокие царапины, встречавшиеся на некоторых монетах. Их замечали и раньше, но считали случайными повреждениями, которые монета получает за время своего обращения, пока не будет на века потеряна очередным хозяином или не уйдет в землю в составе клада. Присмотревшись к таким росчеркам, исследователи поняли, что перед ними не случайные «раны», а знаки, несущие какой-то смысл.

...Передовая варяжская ладья вырвалась на морской простор. Теперь гребцы могли отдохнуть — сильный ветер наполнил паруса и погнал караван судов в морские дали, к каменистым берегам и фиордам родной Скандинавии. Позади осталась огромная и богатая «страна городов», как именовали скандинавы Русь. На ладьях возвращались домой купцы и воины. Купцы везли товары, вырученные в далеких восточных странах за рейнские мечи, боевые топоры и копья, бронзовые украшения, — мед, воск, пушнину, глиняные кувшины, роскошные украшения из серебра. И конечно, серебряные монеты. У воинов тоже было с собой добро — они возвращались после службы в боевых дружинах русских князей и везли домой и полученную от князей мзду за верную службу, и награбленное в походах.

Один из воинов сидел на корме и напряженно пересчитывал арабские дирхемы, особо ценившиеся на Руси, в Европе и Скандинавии. Железной иглой он наносил на монеты какие-то значки, чтобы каждый знал, что это богатство принадлежит именно ему.

Монета — знак, монета — знак...

Над одной из монет рука его остановилась — монета уже была мечена: по всему полю серебряного дирхема был процара-

пан родовой княжеский знак Святослава Игоревича. Воину попалась монета, прошедшая государственное клеймение и пущенная в оборот русским княжеским двором. Варяг повертел монету, мгновение подумал и нанес свой знак на противоположную сторону...

В 1909 году в Киеве проводились археологические изыскания неподалеку от развалин знаменитой Десятинной церкви. Здесь было обнаружено богатое погребение. Дальнейшая судьба находок из этой могилы была таинственной — они куда-то исчезли. Долгое время единственным источником сведений об этой находке для ученых были газетные заметки, опубликованные в столичной и местной прессе в 1909 году. Лишь через 30 лет, в 1939 году, вещи были найдены среди коллекций киевских находок, хранящихся в Ленинграде. В запыленном, несколько десятилетий недвижно пролежавшем свертке кроме оружия и украшений лежали несколько монет. На одной из них были нанесены вертикальные и горизонтальные линии, образующие крест. Авторы раскопок 1909 года считали, что так на монете, которую носили на манер маленькой иконки, изображен христианский крест. Сейчас возникло новое определение находки: линии вовсе не изображение креста, а разметка для разрезания монеты на части. Но зачем было монету размечать, а потом и разрезать? Дело в том, что в Древней Руси наряду с целыми монетами имели хождение и более мелкие единицы— половинки, четвертинки и маленькие обрезки, которые могли приниматься торговцами на вес.

Киевская находка была только началом. Все новые и новые процарапанные знаки и рисунки-граффити выявлялись на монетах из кладов, погребений, построек на поселениях. Мы уже рассказывали о Тимеревском кладе, где встречены рунические граффити, оставленные скандинавами. Однако не только скандинавы писали на монетах, можно встретить граффити — подражания восточным надписям, к сожалению чаще всего выполненные настолько неграмотно, что их невозможно прочитать. Ясно только, что эти надписи делали люди, близкие к арабскому миру и жившие где-нибудь в Волжской Булгарии или Хазарии. В Тимереве в жилой постройке ремесленника была найдена медная посеребренная монета — подделка, чеканенная скорее всего в Волжской Булгарии. На ней обнаружено граффити в виде подражания восточной надписи.

В языческих и тем более христианских землях мусульманские дирхемы были символами иной веры, символами, враждебными той среде, где они имели хождение. Поэтому и на Руси, и в Скандинавии был распространен прием «очищения» арабского серебра от непонятных знаков и надписей — варяги наносили знак в виде молота скандинавского бога Тора (такие находки есть в Швеции и на восточном побережье Балтики — в современной Эстонии), жители Древней Руси — великокняжеский символ — знак Рюриковичей. Известна надпись, сделанная на древнегрузинском языке, которая читается как «христианство». Она расположена по краю монетного кружка и перечеркивает арабскую чеканку, в которой воздается хвала Аллаху. Человек, начертавший новую надпись, пытался «обезопасить» монету и «очистить» ее от иноверческого заклинания. Знаки Рюриковичей, прочерченные на арабских монетах, известны с X века — это тамга Святослава Игоревича, представлявшая собой двузубец. Любопытно такое совпадение: арабские монеты чеканены в начале X века, зарыты в землю в составе кладов в конце того же столетия, а погиб князь Святослав в 972 году. Таким образом, монеты находились в обращении в то самое время, когда княжил Святослав, и неудивительно, что его знак был нанесен в качестве граффити на дирхем.

Знак-трезубец прочерчен на монете, происходящей из клада, зарытого в землю в начале XI века на реке Свири. Этот знак — родовой символ Владимира Святославича. Владимир умер в 1015 году, то есть и здесь есть полное совпадение времени правления князя и обращения монеты.

Знаки Рюриковичей известны не только на монетах. Эти символы наносились на глиняные сосуды, кирпичи, украшения, печати, костяные изделия, торговые пломбы. Они говорили о принадлежности имущества, а иногда указывали на мастера или мастерскую, где изготовлены.

А что же означают знаки Рюриковичей на арабских монетах?

Княжеская власть для укрепления своего политического авторитета задолго до начала чеканки собственной русской монеты начала клеймить имевшие хождение на Руси арабские дирхемы знаком правящего князя. Вовсе не обязательно было метить таким образом каждую монету. Это могли делать с партиями монет или некоторых товаров. Абу Хамид ал-Гарнати сообщает, что каждые 18 беличьих шкурок в связке стоят 1 се-

ребряный дирхем. На них покупают любые товары: невольниц и невольников, золото, серебро, бобров и другие. К каждой связке шкурок привязывался на конец нити кусок свинца (пломба). Печаткой с изображением символа Рюриковичей клеймили эту пломбу.

Люди средневековья не только оставляли на монетах надписи, не только помечали дирхемы государственно-княжескими символами, но и изображали на них реальные вещи и предметы из окружающей действительности. На монетах можно обнаружить практически весь военный арсенал Древней Руси: боевые корабли, стрелы, мечи, копья, боевые ножи, воинские стяги. Самым грозным и дорогим оружием эпохи средневековья был меч с богато украшенной рукоятью и острым и прочным клинком. «И во многих местах вспоминаются мечи обоюдные и изощренные, а не тупые, тупого оружия ни в каковых писаниях не обретается» — так говорилось о могущественном оружии средневековой эпохи в одной из старинных книг о ратном деле. Находки мечей на древних поселениях и в могилах редки — чаще усопшего воина сопровождают колчаны со стрелами, луки, копья, топоры. Когда же меч все-таки клали в могилу, то для того, чтобы им не мог воспользоваться грабитель, существовал обряд порчи мечей—клинки ломали или сгибали, прежде чем положить с покойным или бросить в погребальный костер.

Изображения мечей известны нам на трех монетах — двух арабских и одной византийской. На византийской монете из клада, найденного в Псковской области, опытной рукой нарисован «крылатый» меч. Такие мечи, как изображенный на монете, использовались в X веке, когда и был закопан клад.

На другой монете поражает тщательностью рисунок боевого ножа в ножнах. Здесь показаны даже кольцо для петли и часть ременной привязи.

Основными дорогами средневековья являлись водные пути. Главным средством передвижения были ладьи, и поэтому совсем не случайно, что на монетах часто изображались корабли — под парусами и с веслами.

Войска шли в поход под боевыми стягами. Один из них — в виде прямоугольного флага с древком и отходящими от полотнища кистями — нарисован на дирхеме.

Кто же наносил на монеты граффити и где они впервые появились? Эти вопросы наиболее важны для историков. Детальное изучение состава и видов рисунков на арабских моне-

тах показывает, что сначала они появились в Древней Руси и уже отсюда с потоком арабского серебра достигли Скандинавии и Средней Европы. Иногда такие знаки делались скандинавскими воинами, находившимися на службе у русских князей.

Недавно было найдено новое граффити, дополняющее знания об этом оригинальном виде исторических источников. Путь находки был долог и сложен. В 1940 году неподалеку от Ленинграда, в Старом Петергофе, где сейчас высятся новые корпуса университета, был найден небольшой клад арабских монет. Сокровище попало в руки частного коллекционера и целых 25 лет переходило из собрания в собрание, пока наконец не поступило на хранение в отдел нумизматики Государственного исторического музея в Москве. Этот музей обладает самыми крупными в мире собраниями русской старины. Сотрудники музея стали разбирать клад и изучать монеты. На одной из них и была обнаружена надпись. На монете было написано имя — Захарий. Скорее всего так звали владельца дирхема — купца, воина или путешественника. Он, несомненно, был славянином, знавшим греческое письмо. До сих пор русские надписи были известны начиная с XI столетия, а клад, в состав которого входила эта монета, попал в землю в IX веке. Эта находка является очень ранним образцом славянской грамотности!

Иногда кажется, что время новых открытий уже позади, что в археологии и истории скоро будет нечего делать — всё раскопают и изучат. Недавнее открытие граффити на восточных монетах опровергает такое представление и показывает, что новое ожидает ученых постоянно. Необходимы только упорство и настойчивость в достижении поставленных целей, в стремлении дополнить, уточнить, а подчас и пересмотреть давно известное, казалось бы, незыблемое знание.

Новый бог

Окончательное формирование государственной территории и объединение славянских племен под властью киевского князя приходится на время, когда в Киеве правил князь Владимир, прозванный в былинах Красным Солнышком.

«Владимир стоит на грани двух эпох, — пишет известный советский историк, профессор Владимир Васильевич Мавродин, — он — последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий ее вершину, и в то же самое время он — первый князь феодальной Руси, всей своей деятельностью подготовивший тот расцвет раннего феодализма, таящий в себе элементы грядущего распада «империи Рюриковичей», который падает на княжение его сына и внуков».

В правление Владимира на первое место выдвигаются вопросы внутреннего устройства Русского государства. По меткому выражению Карла Маркса, «империя Рюриковичей» была «скроена из лоскутов». Во времена Владимира из этих лоскутов сшивалось единое покрывало. По всем основным городам киевский князь рассадил своих сыновей. Их было двенадцать. Самостоятельность наместников была ограничена, они выполняли волю отца. А для того чтобы не возникло у кого-то из сыновей стремления отделиться и перестать повиноваться, Владимир время от времени перемещал их. Так, один из его старших сыновей Ярослав, прежде чем сменить отца на киевском столе, успел при его жизни побывать князем Ростовским и Новгородским.

В это же время завершается и многолетнее соперничество между старой племенной знатью и новым раннефеодальным классом. Теряют былую силу и власть племенные центры. Возникают княжеские крепости, которые постепенно превращаются в главные города больших округ.

Погребальный обряд на Руси становится скромнее, все меньше и меньше богатых могил. А это означает, что богатства скапливаются в руках более узкого, чем раньше, круга людей. Богатые курганы вроде Черной Могилы или Гнездова под Смоленском встречаются для этого времени только в Киеве и еще в некоторых городах. Все реже и реже собираются вечевые сходы, да и не на них уже решаются дела. Княжьи мужи диктуют свою волю, правят именем князя и его «старшей» дружины — бояр. Продолжается дальнейшее закабаление смердов-землепашцев. Правящий класс уже не довольствуется данями — возникает феодальное вотчинное хозяйство.

В конце X века происходят коренные изменения в идеологической жизни Руси, на многие века определившие ее политическое и культурное развитие.

Наследием родоплеменного строя было многобожие — сла-

вяне поклонялись различным идолам. Когда Владимир только начал править в Киеве, он «поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. И приносили им жертвы, называя богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей...». Перун был богом грозы и покровителем князя и дружины. Его святилища исследованы археологами в Новгороде, Вщиже и других местах Древней Руси.

Экспедицией академика Бориса Александровича Рыбакова во время раскопок небольшого древнерусского города Вщижа на Десне было найдено языческое святилище. В середине обнесенного частоколом городища полукругом стояли деревянные идолы, а в центре этого полукруга находился огромный очаг. К валу городища примыкал огромный дом — полуземлянка длиной в 50 метров. Внутри вдоль стен дома располагались скамьи, вырезанные прямо в земле. Очагов или печей в доме не было, обнаружены только небольшие скопления углей и золы, находящиеся друг от друга на равных расстояниях, — это остатки светильников. Найдено большое количество глиняных сосудиков, железных ножей и обломков «рогатых» кирпичей, служивших подставками под вертела для жарения мяса. Дом являлся местом для племенных собраний и жертвенных пиров. Здесь приносили в жертву богам животных и птиц. Святилище принадлежало не только жителям этого небольшого поселка — сюда сходились люди из всей округи.

Идолы, поставленные Владимиром рядом с княжеским теремом, входили в пантеон языческих богов: Хорс — бог солнца, Даждьбог—небесного огня, Стрибог—ветра и бурь, Мокошь — богиня плодородия, Симаргл — священная собака. Кроме того, большой популярностью у славян пользовались Велес — бог скотоводчества и Сварог — бог неба, отец Даждьбога. Скотоводческому богу Велесу поклонялись многие жители Древней Руси, он был признан не только славянами, но и балтами, финно-уграми. Велес был богом простых людей — землепашцев и скотоводов, ремесленников и торговцев. Поэтому ему и не нашлось места в княжеско-дружинном пантеоне Владимира.

Старая языческая религия, с ее пестрым многобожием, уходила корнями в родовой строй и когда-то вполне соответствовала экономическим основам и идеологическим представлениям

славянского общества. Но она не отвечала новым требованиям и мешала формированию феодальных порядков. Правящему классу нужна была единая религиозная организация и послушная армия служителей культа. Это не было прихотью Владимира или его бояр и дружинников — то было веление времени, порожденное объективным развитием классового общества.

Такой религией стало для Руси христианство. Оно проникло на Русь еще до правления Владимира. Судя по письменным источникам, бабка Владимира — княгиня Ольга была христианкой. Известны упоминания о христианских храмах на Руси в летописях. Однако долгое время христианство на Руси не имело глубоких корней и заметной роли в развитии общества не играло.

Но скоро настали иные времена.

«В год 6495 [987. — *Авт.*] созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне булгары [мусульмане. — *Авт.*], говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки [византийцы. — *Авт.*], браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне! Что же вы посоветуете, что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к булгарам [мусульманам. — *Авт.*] и испытайте веру их». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую [византийскую. — *Авт.*] землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их — зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь

великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовьте церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли и составили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, удивлялись и хвалили их службу. И призвали цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все бывшее с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною!» Они же сказали: «Ходили де к булгарам, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда-сюда, как бешеный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую [византийскую. — *Авт.*] землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом! Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах! Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве!» Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей!» И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо!»

В следующем, 988 году князь приказал кумиров, стоявших за теремным двором, ниспровергнуть — одних посечь, а других сжечь. Перуна же повелел привязать к конскому хвосту и тащить с горы по Боричеву спуску на Ручей. На глазах потрясенной киевской толпы вчерашнего бога сбросили в Днепр. По всему городу были посланы глашатаи зачитывать княжеский указ, где предписывалось каждому жителю от мала до велика назавтра принять крещение. С рассвета множество лю-

дей загнали в воды Днепра под молитвы, творимые священником. Считалось, что тем самым они очищаются от языческой скверны, как бы смывают ее днепровской водой.

После крещения началось широкое строительство церквей, причем сооружались они, как правило, на тех местах, где раньше были языческие святилища и стояли идолы. Так христианская церковь пыталась полностью подчинить сознание людей и изгнать из их памяти даже воспоминания о старых родовых поверьях.

Христианство стало распространяться по всей Руси, и плеть феодала с тех пор стала неразлучна с крестом церковника, освящавшим княжеский и боярский произвол.

«Се правда уставлена Русской земле...»

Принятие христианства имело и некоторые положительные черты. Так, вместе с церковными книгами на Русь была перенесена новая письменность, заменившая собой древние «черты и резы» славян. В письменности остро нуждалось и государство, особенно для заключения договоров, закрепления земельных пожалований, записи законов.

Менее чем через три десятилетия после принятия христианства формируется первый свод законов раннефеодальной Руси — «Русская правда» Ярослава Мудрого.

До того как занять стол в Киеве, сын Владимира — Ярослав побывал князем Ростовским и Новгородским. И уже в ранней молодости, правя в Ростовской земле, он проявил необычайную энергию, стремление безраздельно властвовать в своей вотчине.

...Раннее утро. Захолустный поселок новгородских славян-переселенцев Медвежий Угол еще спал тяжелым сном, чтобы пробудиться к новому трудовому дню. Поселение хорошо было защищено естественными преградами — реками Волгой, Которослью и Медвежьим оврагом. Жители нежданно были разбужены лаем собак и ревом жертвенного зверя — медведя, сидевшего в клетке на центральной площади поселка. Весной его поймали медвежонком в дремучем заволжском лесу и вот теперь откармливали, чтобы принести в жертву богам в медве-

жий праздник. Медведь привык к обитателям селища, но учуял приближение чужих, о чем и возвестил громким ревом.

Жители стали сбегаться к берегу Которосли, чтобы из-за нехитрых укреплений встретить стрелами и копьями очередных разбойников или затеять торг с купцами из заморских стран. Но на этот раз было иное: к городу приближались и не разбойные люди, и не торговцы — не видно было грузов на ладьях. По реке шли корабли под одинаковыми стягами. Из-за бортов, надставленных боевыми щитами, виднелись шлемы воинов.

Корабли подошли к берегу. Возглавлял отряд князь Ростовский Ярослав Владимирович — будущий Ярослав Мудрый, властитель Киевской Руси. Вместе с ним прибыли и священники, чтобы насильно крестить язычников, не признававших Христову веру, а поклоняющихся богу Велесу.

Жители Медвежьего Угла поняли, что добром дело не кончится, и попытались оказать сопротивление. По преданию, они спустили на пришельцев всех собак и священного медведя, который бросился прямо на князя. Изловчившись, Ярослав зарубил зверя секирой.

Скоро дружина замирила поселок. На месте его был основан город, названный именем князя, — Ярославль.

Легенда о приходе Ярослава и основании города записана шесть столетий спустя после событий, в XVII веке. Она была обработана с позиций правящих классов и господствовавшей православной религии. В сказании Ярослава представляли как избавителя Волги и плавающих по ней купцов от разбойников, живших в поселке Медвежий Угол, а церковников прославляли за то, что они обратили в православную веру заблудших язычников. На деле же произошло типичное феодальное завоевание новых земель и закрепощение свободных общинников.

В период правления Ярослава был сделан важный шаг вперед на пути создания русского законодательства. «Русская правда» Ярослава — выдающийся законодательный документ того времени. Она, говоря современным языком, явилась кодексом законов XI века, узаконила раннефеодальную экономическую и политическую систему, регулировала отношения между различными слоями и категориями населения Древней Руси.

Сыновья Ярослава — Изяслав, Святослав, Всеволод и их

феодальное окружение в ответ на народные восстания в 1072 году на княжеском съезде приняли новый, расширенный свод законов, получивший название «Правды Ярославичей». В его основе лежат законы, действовавшие при их отце — Ярославе.

Князья и бояре боялись за свое добро, за свои вотчины и поэтому огородились многочисленными законами. А охранять было что: господские хоромы, сундуки, набитые парчовыми одеждами, драгоценной мягкой рухлядью, как именовали тогда меха, погреба, полные яств, конюшни, овины, скотные дворы, земельные и охотничьи угодья, пастбища, леса, озера и прочее богатство.

В «Русской правде» определены размеры возмещения ущерба за хищение или порчу скота, птицы, пчелиных бортей, домашнего добра...

«Если кто сядет на чужого коня, не спросив, то платить ему 3 гривны».

«Если кто украдет скот из хлева или клети и будет один, то платить ему 3 гривны и 30 кун, а если будет их много, то всем платить по 3 гривны и 30 кун».

В случае неуплаты штрафа совершивший преступление мог попасть в рабство или подвергнуться серьезному телесному наказанию. На страже хозяйского добра бдительно стояли боярские и княжеские огнищане, тиуны, старосты, ключники. Статьи об убийстве, воровстве, разбое и другие устанавливают конкретные наказания за каждое преступление. Так, за убийство княжьих мужей определена самая большая плата: до 80 гривен — 5,5 килограмма серебра! На такие деньги можно было купить стадо в сотню голов скота. Княжьи мужи были самыми привилегированными приближенными древнерусских правителей, они чинили суд и расправу, собирали дани, закабаляли простых тружеников. Княжьи мужи, как правило, сами были феодалами-землевладельцами.

За убийство ремесленника полагался штраф средних размеров — 12 гривен. И конечно, менее всех оценивалась жизнь смерда, холопа-раба: 5—6 гривен — в 16 раз меньше, чем княжьего мужа!

«Русская правда» устанавливала и определяла отношения не только между богатыми и бедными, но и внутри классов. Этому посвящены статьи о княжьих мужах, о челяди, о закупах, о холопах, о смердах.

Определены в ней и штрафы за хищения птицы или домаш-

них животных: дорогой охотничий ястреб или сокол — 3 гривны; голубь, куры — по 9 кун; гусь, лебедь, журавль — по 30 кун; кобыла — 7 кун, вол — гривна, корова — 40 кун, свинья, овца — 5 кун. Надо думать, что реальная их стоимость была ниже. Высокие штрафы должны были оградить имущество феодалов от всевозможных хищений и порч.

Даже за угон и потопление различных видов лодок был определен конкретный штраф: морская ладья — 3 гривны, ладья с нашивными бортами — 4 гривны, челн — 20 кун, струг — гривна.

В «Древнейшей правде» Ярослава существует еще родоплеменное понятие кровной мести: «Если убьет муж мужа, то мстить брату брата, или сыну отца, или отцу сына, а если кто не будет мстить, то платить сорок гривен...». Правда, уже здесь допускается замена мести на выплату — виру. Позднее, при сыновьях Ярослава, кровная месть была вовсе отменена. Это свидетельствовало о дальнейшем укреплении феодальных отношений и вытеснении порядков родового строя.

Надо отметить, что образование Древнерусского государства совпало по времени с возникновением многих других государств Европы. Примерно в это же время происходит объединение англосаксонских королевств в одно государство — Англию. В 843 году из состава развалившейся империи Каролингов выделилось Восточно-Франкское государство — будущая Германия и Западно-Франкское государство, наследницей которого стала со временем Франция. В конце IX — начале X столетия возникают государственные образования в Скандинавии, Северной Европе, Чехии...

Русский летописец под 898 годом запечатлел уникальный факт европейской истории — передвижение угорских племен, будущих венгров. «Шли угры [венгры. — *Авт.*] мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими [Карпаты. — *Авт.*], и стали воевать против живших там волохов и славян. ...Угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами... И с тех пор прозвалась земля Угорской». Эти события называются в истории Венгрии «обретением родины».

Важной чертой нового периода стало усиление влияния и роли Руси на международной арене. Не только победы и успеш-

ные походы, строительство порубежных городов-крепостей, подчинение новых земель укрепляли авторитет Руси, но и родственные отношения, установленные русским княжеским родом со многими правящими династиями других стран. Сыновья Ярослава были женаты на дочерях германских государей. Дочь Ярослава Анна была супругой короля Франции. Брат норвежского короля Олафа Геральд Смелый долго добивался руки другой дочери киевского князя — Елизаветы. Тесные связи имелись с правящими дворами Англии, Венгрии...

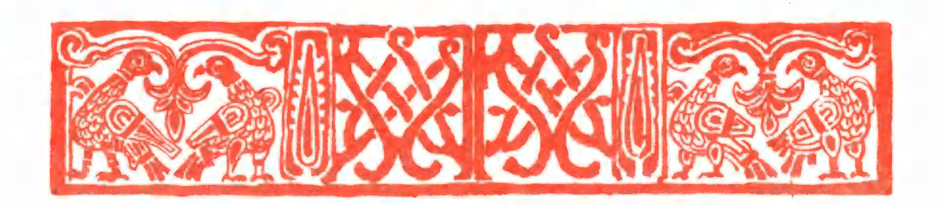
Перед смертью, в 1054 году, Ярослав Мудрый обратился к своим сыновьям с призывом: «Имейте в себе любовь, ибо вы братья от единого отца и единой матери, да будьте в любви между собой, а если будете жить в распрях, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, созданную трудом великим».

Уже проглядывали грозные признаки феодальной раздробленности; развитие феодализма и усиление отдельных областей постепенно вело к распаду единой Руси.

Глава III
БОРЬБА

Подчас мы представляем себе средневековый мир несложным, как арифметический пример. Соха и борона, гончарный круг и нехитрая кузница — натуральное хозяйство. Оброк да барщина. Труженикам-крестьянам плохо от феодалов-рыцарей. Страдают от них в городах ремесленники и торговые люди. Застойная рутина от века уставленных бесчеловечных правил и законов...

Но если вглядеться получше, вчитаться в скупые свидетельства древних документов, то можно увидеть, как в простых и малоподвижных рамках общественных отношений средневековья кипела-выплескивалась страстная человеческая жизнь, полная борьбы, гневных волн народного возмущения, потерь и подвигов, гениальных откровений искусства, любви к своей земле, боли за ее страдания.

Князь-феодал не сразу, как говорили тогда, «освоил» земли, поднятые вековым трудом поколений земледельцев. Общинное землевладение крестьян-смердов долго сопротивлялось феодальной власти, отступало медленно, а в далеких северных местах сохранялось многие века.

Но и попав под власть феодалов, горожане и смерды не мирились с феодальным произволом. Через все русское средневековье слышно клокотание мощных народных восстаний. Переворачивая княжества, опрокидывая князей и бояр-сребролюбцев, они вспыхивали в центре и на окраинах, в сельских местах и в городах стольных и малых...

Мужественно боролся русский народ и с иноземцами захватчиками, грозившими раздробленной на множество княжеств Руси со всех сторон света.

Южные смерчи

К югу от русских княжеств лежала Великая Степь, которую русские называли коротко: Поле. В этом имени отразились ее главные черты — и щедрая тучная плодоносность, и неоглядная таинственная безбрежность, и то, что в XI и XII веках степь стала для Руси полем постоянных битв. На сотни верст тянулось покрывало трав метровой высоты, простроченное древними оврагами-балками. В них, добывая воду, прятались от жестокого летнего солнца небольшие подлески. Лишь кусты неприхотливого дикого вишенника, дерезы и бобовника, не боясь зноя, раскидывались на степных пространствах, сплетаясь в непроходимые для человека и зверя заросли.

Неподвижная зимой, когда гибкие стебли трав были задавлены снегом, весной и летом степь-красавица часто меняла наряды. То становилась лиловой, когда зацветали моря анемонов, то лазурной — это начиналось праздничное буйство незабудок, то желтой от сурепки... Но к середине лета красота сгорала — цветы уступали место щетинистым метровым ковылям, стойкому бурьяну да белесой полыни. С приближением осени жизнь степи все больше замирала, травы склонялись к земле, готовясь вновь принять холод и тяжесть снега.

Множество грозных военных слов стояли для русского человека рядом с этим коротким именем — Поле. И в словаре нашего древнего языка они расположены вместе: полк, полон, полымя, половцы...

На рубеже VIII и IX веков по степям между Уралом и Волгой разлилась волна завоевателей — «находников» — могущественного тюркского племени печенегов. Затем она перевыплеснула Волгу и стала продвигаться в сторону Северного Причерноморья. К началу X века вся южная причерноморская степь — от Волги до Прута — уже принадлежала новым пришельцам, чей независимый и воинственный нрав поражал средневековых авторов. «Это люди длиннобородые, усатые,

производящие набеги друг на друга... — сообщал мусульманин Абу-Дулаф. — Они никому не платят дани».

Печенежские орды достигли в своем развитии высшей ступени родоплеменного строя — военной демократии. Император Константин Багрянородный писал, что печенежский союз распадался на 8 племен-колен, в которых насчитывалось 40 родов. Каждое племя возглавлялось князем-вождем. Он правил вместе с советом старейшин, а в особо важных случаях созывались общеплеменные собрания.

Закрепившись в Причерноморье, воинственные племена скоро дали знать о себе всем соседним народам. Сначала венгры, вытесненные с плодородных равнин, а затем Русь, Византия, Болгария почувствовали силу и опустошительность внезапных печенежских набегов.

«Их набег — удар молнии! — писал Феофилакт Болгарский. — Их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают последующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмехаются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно!»

Первое знакомство печенегов с русскими случилось в 915 году и произошло мирно. «Пришли печенеги впервые на Русскую землю, — отметил летописец, — и створили мир с Игорем, пошли к Дунаю». Однако уже через несколько лет, в 920 году, произошло военное столкновение Игоря с печенегами. Правда, обошлось, видимо, без больших потерь для обеих сторон, а затем печенегов отвлекли другие внешние интересы и они надолго — почти на полвека — оставили Русь в покое. Известия о них исчезли со страниц русских летописей.

Вновь печенежская опасность дала о себе знать лишь при Святославе.

Русские уже успели прочно забыть давние стычки кочевников с Игорем Старым, когда летом 968 года степняки неожиданно (трижды прав был Феофилакт Болгарский, сравнивая их набеги с ударами молний!) хлынули в киевские земли.

Время нападения было выбрано далеко не случайно: князь Святослав увел дружины в Дунайскую Болгарию.

Орда осадила Киев, в котором укрылась с внуками мать Святослава, старая княгиня Ольга. Печенеги взяли город в плотную осаду — ни выйти из него, ни даже вести послать нельзя. Скоро начался голод, но еще раньше стала мучить киевлян жажда.

Хотели помочь столице жители Киевской земли. Воевода Претич собрал в окрестных селах ополчение и привел его в ладьях к Киеву. Но о том, чтобы подойти к столице, нечего было и думать: бесчисленное множество печенегов стояло вокруг города, тут и там сновали сторожевые разъезды. Что сделает малая дружина, вооруженная топорами, ножами да косами?! Стали они на другом берегу Днепра, почти напротив столицы, а сделать ничего не могли.

Сердца ныли от мысли о близком падении Киева!

А положение в столице было критическим. На боярском совете говорили о сдаче города печенегам. Не все соглашались с этим, и после долгих разговоров решили сначала дать знать о предстоящей сдаче Киева ополченцам — на другую сторону Днепра.

Но как это сделать? Из города и птице-то не вылететь — неминуемо сшибет ее печенежская стрела!

Разошлись по городу княжеские люди с вопросом: «Нет ли кого, кто смог бы перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу — сдадимся печенегам!»

Наконец нашли отрока, который согласился это сделать. Не взял с собой ни меча, ни лука, даже ножа не повесил на пояс. Попросил только простую конскую уздечку.

Выскользнул юноша незаметно из города и спокойно побежал через печенежский стан к Днепру. Помахивая уздечкой, спрашивал у печенегов, которые сидели около многих костров: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Спрашивал по-печенежски, и те, принимая отрока за своего, кто плечами пожимал, а кто и вовсе не обращал внимания на юношу.

А он, приблизившись к Днепру, вдруг скинул одежду и бросился в реку.

Тут сообразили степняки, кинулись за ним, из луков стрелять стали, да, к счастью, миновали стрелы смельчака. В ополчении тоже заметили его — быстрая ладья отошла от берега и скоро подобрала киевского разведчика.

Привели его к воеводе, и отрок сообщил о намерении боярского совета. После недолгих размышлений воевода Претич решил: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав!»

Опасное было решение. Успеха ждать почти не приходилось: в открытом бою печенеги наверняка легко одолеют небольшую дружину. Но выхода не было. Задумали только не сразу безоглядно бросаться на печенегов, высказывая свое намерение, а применить небольшую хитрость, — вдруг она и поможет.

На следующее утро дружина в полном вооружении села в ладьи и под громкое пение боевых труб, с военными песнями и криками двинулась по Днепру к Киеву.

Плывут ладьи так, словно сидящие в них воины возвращаются из далекого похода и не ведают, что судьба родного города на волоске висит, что врагов вокруг города — тьма-тьмущая.

«Кто же это к городу подходит? — забеспокоились печенеги. — Уж не Святослав ли?!» А тут еще осажденные киевляне все, как один, высыпали на городскую стену и подняли истошный ликующий крик — вызволение идет! А времени у врага на раздумья и проверки нет. Хорошо наслышанные о воинской доблести Святослава, печенеги решили, что русский князь сумел — непостижимым образом! — в несколько дней вернуться из далекой Болгарии на помощь родному городу. Орда панически отхлынула от города, сняв едва налаженную осаду. Это спасло стольный Киев.

А Святослав, бросив задуманное военное предприятие, действительно уже спешил на помощь. Вернувшись, он быстро увеличил дружину, набрав новых «воев» в Киевской земле, и прогнал печенегов глубоко в степь — подальше от русских пределов, замирил кочевников.

Вторжение, врасплох заставшее Русь, побудило Святослава о многом задуматься. «Печенеги с нами ратны!» — этот военно-политический вывод изменил многие планы князя. Пришлось учитывать новую обстановку, отложить на несколько лет осуществление грандиозных военных предприятий. Только в 971 году Святослав вновь направился воевать с дунайскими болгарами и Византией. Богатые земли Юга притягивали князя и дружину, как кусок диковинной магнитной

руды притягивает мелкие гвозди. Заветная мечта — обосноваться в этих благодатных краях и даже перенести сюда столицу — не давала покоя решительному правителю.

Но воинственная алчность в конце концов сослужила плохую службу. Возвратиться из похода Святославу было не суждено. Поздней холодной осенью 971 года, когда поредевшая в боях, измотанная за полгода непрерывных сражений и переходов дружина, возвращаясь, подошла к днепровским порогам, обнаружилось, что они заняты печенегами. Войско оказалось отрезанным от столицы, от Киевской земли, от родины...

Святослав быстро понял, что сквозь плотные заслоны не прорваться. Пришлось зимовать вдали от родных мест, в Белобережье. Только весной решился князь пробиваться к Киеву через пороги. В этих местах и напал на русских печенежский вождь Куря. В битве Святослав был убит. Из его черепа Куря на радостях приказал изготовить чашу, окованную серебром. Никому не разрешал прикоснуться к ней, сам пил из нее. Стала чаша зловещим символом печенежского могущества...

Как ни странно, смерть Святослава не привела к немедленному нарастанию печенежских вторжений — несколько лет прошли спокойно. Правда, уже само присутствие многочисленных кочевий вблизи степной границы Древнерусского государства (один день пути отделял степняков от русских земель, а до Киева было всего три перехода) накладывало заметный отпечаток на жизнь славян. А вскоре после смерти Святослава появилось и еще одно обстоятельство, усложнившее отношения Руси со Степью. На 980 год приходится первое известие об участии кочевников во внутрирусских феодальных усобицах. Сыновья Святослава — Владимир и Ярополк, заспорив об отцовском наследстве, открыли настоящую войну. Владимир Святославич собрал в Новгороде войско, усилил его наемной варяжской дружиной и вышиб брата из Киева!

Сил для схватки с братом у Ярополка явно недоставало, и один из его ближайших советников, Варяжко, подталкивал князя: «Не ходи, княже, к Владимиру! Побеги к печенегам и приведи воев!» Однако Ярополк доверился брату и скоро был вероломно убит. Тогда Варяжко сам отъехал к кочевникам и подбил их сражаться с Владимиром.

«И много воевал с печенегами на Владимира!» — осуждая перебежчика, сообщает летописец.

Богатырские заставы

С самого начала своего правления, всерьез столкнувшись с печенегами, Владимир Святославич понял, какую опасность представляет для Руси резко усилившийся союз кочевых племен. Русский князь сразу решил, что одними упреждающими походами в глубь степи врага не замирить. Многочисленные села и деревни на тучных черноземах степного Юга не только приносили князю большие доходы — их земледелие было жизненно необходимо для дальнейшего развития государства. И Владимиру пришлось решать трудный вопрос о том, как защитить земледельческое население Юга от постоянного грабежа и уничтожения.

Князь решил строить на зыбкой степной границе крепости и четко обозначить ими пределы Русской земли. На многих степных реках — Трубеже, Ирпени, Суле, Десне, Стугне — возникла длинная цепочка маленьких крепостей, былинных богатырских застав. Так начиналась многовековая работа Руси по обороне южных рубежей.

Строила новые города вся Русь. Со всех мест — от словен, кривичей, вятичей, чуди и других племен — набирал Владимир «лучших людей», самых богатых, имевших большое число вольных слуг и челяди, и посылал их ставить пограничные города, оборонять Русскую землю от печенегов.

Работа с самого начала приобрела грандиозный характер. Она дала русскому народу неоценимый опыт, который позднее был использован при строительстве кольца крепостей на севере, а еще позднее — при создании знаменитых засечных черт на юге. Ее масштабы поражали приезжавших на Русь иностранцев. Архиепископ Брунон, оказавшийся в это время в Киеве, поспешно, как весть государственной важности, сообщил германскому императору Генриху II, что степные границы Руси «для безопа́сности от неприятеля на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми прочными завалами».

Приготовления Владимира оказались на редкость своевременными. Организовав огромные оборонительные работы на южных рубежах, он, как показало ближайшее будущее, проявил выдающуюся военно-политическую прозорливость, верно оценил резко возросшую опасность.

Уже в конце 80-х годов натиск печенегов на русские границы удесятерился. Это нарастание было вызвано многими причинами. Не последнюю роль сыграло и принятие в 988 году Русью христианства.

В это же время, благодаря настойчивым усилиям Хорезмского царства, печенеги приняли ислам. Их вторжения, продиктованные в первую очередь алчными устремлениями правящей верхушки, получили как войны с «неверными» идеологическую окраску и религиозное освящение.

Крупные вторжения чередовались с мелкими набегами, набеги перерастали в нашествия, грабительские рейды следовали один за другим. Особенно тяжелым выдался 993 год. Печенежское войско подошло со стороны Сулы и достигло Трубежа, от которого до Киева рукой подать!

Владимир был предупрежден о вторжении — вот когда сказалась своевременная постройка застав-крепостей, не только давших знать о неприятеле, но и задержавших его продвижение! Быстро собранное войско выступило навстречу печенегам, и этот упреждающий бросок сыграл ключевую роль во всей войне: Владимиру удалось блокировать броды на Трубеже, а именно через них печенеги намеревались прорваться на Русь. «Стал Владимир на одной стороне, а печенеги на другой... И не смели они на сю сторону!..» Внезапность печенежского вторжения не дала возможности собрать достаточно крупное войско, поэтому перейти в наступление Владимир не мог. Но, отбив кочевников от переправ, он предотвратил вторжение. Поэтому летописец с полным основанием отметил, что в конце концов, сорвав планы врага, русский князь «возвратился в Киев с победою».

Неудача 993 года несколько остудила завоевательный пыл печенегов. Следующее вторжение, на подготовку которого ушло несколько лет, было предпринято лишь в 996 году. Удачно использовав фактор внезапности, степняки вторглись на Русь и быстро достигли города Василева. Видимо, предупреждение на этот раз достигло Киева с опозданием, и Владимиру не удалось собрать достаточных сил. «Владимир с малою дружиною вышел против них и сразился с ними, — отметил летописец. — И не мог Владимир выстоять против них, дружина побежала и едва укрылась от противника». Самого Владимира едва не постигла та же печальная участь, что и отца его Святослава. Когда сломленное войско побежало, он был

почти настигнут печенегами. Спас князя подвернувшийся на пути мост, под которым он спрятался и отсиделся, оглушаемый топотом вражеских коней.

Следующий год не принес облегчения. Цепь пограничных городков не смогла сдержать нового натиска печенегов и во многих местах оказалась прорванной. Достигнув Белгорода, степняки обложили его плотным кольцом. В городе, совершенно не готовом к осаде, почти сразу начался голод. Но самым печальным было то, что силы Киева после поражения под Василевом еще не были восстановлены. Сформировать здесь войско было невозможно. Владимир поспешил в Великий Новгород за помощью. Только собрав в северных землях «верхних воев», он сумел противостоять вторжению.

Борьба на южной границе продолжалась для Владимира до конца́ дней. Уже накануне смерти князя, в 1015 году, орда большими силами вновь вторглась в Киевскую Русь. Тяжелобольной Владимир не смог сам возглавить войско — послал сына Бориса. Печенеги уклонились от сражения и ушли из русских земель, основательно пограбив окраины.

Постоянное военное давление на южные рубежи Древнерусского государства в конце концов привело к отступлению русских земледельцев на север. Покидая тучные степные черноземы, они оседали на менее плодородных, но укрытых лесами землях.

Однако в целом Владимиру удалось сдержать печенежский натиск. Для этого были построены десятки крепостей, создана оперативная дозорная служба, постоянно и последовательно отражались вторжения, увеличена широкая полоса нейтральной земли.

После смерти знаменитого князя печенежская верхушка попробовала подчинить Русь путем вмешательства в дела споривших за первенство сыновей Владимира. Печенеги стали оказывать активную помощь Святополку Киевскому в борьбе против новгородского князя Ярослава. Они прекрасно понимали, что внутренняя усобица и возможный раскол Руси на две обособленные части создадут совсем иную обстановку и подорвут ее могущество.

В 1016 году, когда соперничавшие братья встретились в решающей битве, печенежская орда стала в ряды Святополковых дружин. Однако, потерпев сокрушительное поражение, Святополк потерял киевский трон и укрылся сначала в Польше,

а потом у печенегов. Еще 3 года, всячески подталкиваемый ими, он враждовал с братом и водил дружину на Русь, пока в 1019 году в последней битве с братом не был разбит окончательно и не умер от тяжких ран, когда его везли с поля боя.

Не сумев покорить Русь даже в период внутреннего раскола, печенеги отступили — сил для борьбы с киевской державой не было.

Полтора десятилетия прошли спокойно, но в недрах степи копились силы для нового удара.

И он последовал! Вновь, как в прежние времена, был тщательно выбран момент для вторжения — Ярослав Мудрый находился в далеком Новгороде. Вторжение было стремительно, как удар копья, и Киев в один день взят в кольцо осады. Но сокрушить киевскую твердыню было непросто, и, пока орда безуспешно топталась под городом, Ярослав, быстро собрав ополчение из славян и варягов, поспешил к Киеву. В ожесточенной, каких еще не бывало с печенегами, битве, длившейся целый день, кочевникам был нанесен решающий удар. «Была сеча зла и едва одолел Ярослав к вечеру, побежали печенеги розно, не ведая, куда бегут. И одни потонули в Ситолме, а другие в иных реках и так погибли, а остаток их убежал».

Разгромленная орда откочевала от русских границ в сторону Византии и уже в следующем году занялась грабежом ее окраин. Мелкие очаги печенежских кочевий еще оставались в южных степях, но опасности для Руси, конечно, не представляли.

16 крупных войн и несчитанное число мелких столкновений пришлось выдержать Руси, пока наконец удалось устранить печенежскую опасность на юге!

Торки

И снова недолгим был покой. Не прошло и 20 лет со времени знаменитой битвы под Киевом и только-только начиналось возрождение земледельческих сел на юге, как объявилась новая опасность. Из азиатских степей, теснимые неведомыми племенами, пришли торки. В 1055 году они впервые вторглись на Русь, попытавшись разграбить Переяславское княжество.

Исторический опыт подсказывал русским князьям, что для обеспечения безопасности необходимы решительные действия, тем более что в степях уже обозначилась и новая опасность — половцы. Поэтому в 1060 году русские князья, соединив дружины, «пошли на конях и в лодьях бесчисленным множеством на торков. И уведав об этом, торки испугались и побежали. И умирали, отступая, кто от холода, другие от голода, иные от болезней...».

Активные действия русских князей поставили торков в тяжелое положение, а с востока на них накатывалась волна половецких орд. Поэтому, помирившись с Русью, торки поселились в бассейнах Днепра и Роси, основали здесь город Торческ, а также разместили свои военные отряды в некоторых русских пограничных крепостях.

Прошло совсем немного времени, и торки вместе с русскими вступили в борьбу с общим врагом — могущественными половцами.

Мятежные сполохи

Борьба с внешними врагами перемежалась на Руси вспышками внутренних восстаний. Растущий феодальный гнет рождал активное возмущение сельских смердов и городских ремесленников.

В неурожайные и голодные годы (а таких было немало) княжеские да боярские поборы становились совсем непосильными. Заплатить тяжелую дань часто означало отдать жизнь, так как тысячи крестьянских семей, целые погосты, села и деревни оставались на зиму без малых запасов. А грозный голод пощады не знал, казнил старого и малого. Не желая умирать бессловесно и без сопротивления, средневековый труженик превращал орудия труда — топоры, косы, серпы, вилы — в военное оружие.

То там, то здесь вспыхивали на Руси народные восстания.

Ни одной дождинки не выпало на нивы и луга Суздальской земли летом 1071 года. Пересохли болота и ручьи, обнажились берега рек и озер, высохли колодцы. Горячий воздух перехва-

тывал дыхание, гнал к редкой воде скот. Уже много дней горели леса и торфяники. Необычайная жара пришла рука об руку с голодом и эпидемиями. Было неспокойно в городах. Богатеи боялись за свои дома и хлебные склады, мечтая нажиться на торговле хлебом, когда цена его станет высокой. Православные священники призывали к терпению и покорности, говоря, что спасение в молитвах. А среди простого люда росло возмущение.

Христианские боги не помогали, и многие вновь стали обращаться к запрещенным, но, как казалось, более надежным языческим идолам. Появились и скрывавшиеся в глухих местах от преследований православной церкви волхвы. Стали ходить среди людей и призывать к возмущению, говорить, что все жито, мясо, рыбу и другие продукты прячут богатые «лучшие жены».

В один из дней мятежная толпа забурлила на торговой площади Ярославля. Волхвы призывали возмущенных людей уходить из города, ибо здесь, кроме углей и золы, скоро ничего не останется, звали всех в Белоозеро, где, по слухам, не было ни тяжкой жары, ни голода.

Богатеи и церковники спрятались за укреплениями детинца в надежде переждать смуту. А восставшие ушли из города. 300 человек во главе с двумя волхвами двинулись по Волге из Ярославля в Белоозеро. По дороге захватывали деревни, отбирали у богатых хлеб, раздавали его бедствующим.

Восстание быстро поднимало все новые и новые деревни и городки. Скоро им была охвачена большая область от Ярославля до Белоозера. На подавление восстания спешно двинулся отряд дружинников князя Святослава во главе с воеводой Янем Вышатичем. Они собирали дань в этих местах и не подозревали о бурных ярославских событиях. Но однажды поздно вечером прискакал гонец и сообщил, что смутьяны уже пришли в Белоозеро. Янь принял решение спешить туда, чтобы поймать волхвов и расправиться с другими бунтарями. Путь был недолог, и скоро впереди показалась серебристая гладь озера Белого, а затем укрепления и дома самого города.

По приказу Яня его дружинники согнали белозерцев на центральную площадь города, и он потребовал от жителей выдать волхвов и других восставших, так как они подвластны князю Святославу и являются его смердами. Однако угрозы

не помогли, и тогда воевода схитрил, решив пойти на переговоры с волхвами. Янь вместе с 12 дружинниками и священником двинулся к лесу, где укрылись восставшие. Их дозоры издалека заметили воеводу и его охрану, предупредили своих и сказали Яню, чтобы он не шел дальше. Однако воевода продолжал двигаться. Тогда один из дозорных бросился с топором на Яня, но княжеский дружинник был профессиональным воином, — он вырвал оружие из рук нападавшего и ударил его. Тот упал, сраженный насмерть. В завязавшейся короткой схватке был убит священник Яня. Встретив такое сопротивление, княжеские дружинники вынуждены были отступить и вернуться в Белоозеро.

Вновь Янь собирает белозерцев, уговаривает, угрожает, сулит всякие послабления от даней, если они помогут захватить мятежников.

Но в ответ — только молчание. Лишь богатые жители города поддержали Яня. Напоследок Янь приберег самую сильную угрозу: «Если не приведете ко мне волхвов, то не уйду от вас из Белоозера целый год и буду здесь кормиться!» Представился белозерцам год, который станет черным: ведь Янь и его дружинники ограбят край подчистую и будут творить все, что ни пожелают. Долго думали они, судили, рядили, и одержало верх предательское желание спасти себя, победила «старая чадь» — богатеи из родовой верхушки. Обманом схватили волхвов и других восставших и выдали их Яню. Дружинники связали пленных, посадили в ладьи и повезли по Шексне.

Янь боялся устроить казнь прямо в Белоозере и поэтому приказал увезти обреченных из города. За Белоозером многих утопили, а волхвов ожидала особенная казнь. Янь решил казнить их руками белозерских богачей, сопровождавших его. Те с готовностью убили волхвов и повесили их на крепких ветвистых дубах.

А воевода с дружиной, собрав богатую дань, отправился восвояси.

Так было подавлено одно из народных возмущений русского средневековья, но не стерлось в памяти народной, несмотря на попытки церкви назвать его «бесовским научением», предать проклятью и забвению.

Киевские вихри

В 1054 году умер Ярослав Мудрый. Но не только печалью о князе, правившем на Руси едва ли не 40 лет, стал памятен этот год. Два события, быть может внешне и не связанных меж собой, сделали его переломным, положили начало большим переменам в жизни Древнерусского государства. Во-первых, пробились на поверхность и стали фактом политической жизни уже давно подспудно копившиеся тенденции феодальной раздробленности: умирая, Ярослав был вынужден разделить Русскую землю между сыновьями. Старший, Изяслав, получил стольный Киев, средний, Святослав, — Чернигов, младший, Всеволод, — Переяславль.

Стали править на Руси Ярославичи.

Раздробленность — закономерное явление в жизни феодального общества. Подобно тому как ком рыхлой руды, разрушаясь в плавильной печи, превращается в слиток железа, слабые феодальные государственные объединения, пройдя через период феодальной раздробленности, становились затем мощными централизованными государствами. Так было не только на Руси, но и во многих других странах средневековья.

Во-вторых, вступление Руси в этот тяжелый период по воле исторической судьбы совпало с началом половецких набегов. В 1054 году на Русь вторгся передовой отряд половцев во главе с Болушем.

Половецкие племена появились в причерноморских степях в середине XI века. Они, как и другие кочевые объединения, состояли из большого числа отдельных родов, именовавшихся вежами, а во главе племен стояли влиятельные князья-ханы. Особенности кочевой жизни, крепкие родоплеменные связи сделали такие объединения сильными в военном отношении. «У кочевых пастушеских племен, — писал Карл Маркс, — община всегда собрана вместе; это общество спутников, караван, орда, и формы субординации развиваются у них на основе этого образа жизни».

В середине XI века сильные своей родовой сплоченностью половецкие орды приблизились к русским границам на всем их протяжении и целиком заняли южные степи.

Зимой они отходили к югу — на побережье Черного моря. А с началом теплого времени кочевья начинали медленно дви-

гаться на север, в бескрайние ковыльные степи — прекрасные пастбища для скота... Обычно к началу осени орды вплотную подходили к русским границам. К этому времени уже готовы были к грабительским рейдам откормленные и выезженные кони, и половцы собирались на русские хлеба, дозревавшие на политых крестьянским потом полях.

Осенью и начинались внезапные набеги. «В один миг половец близко — и вот уж нет его! — писал византиец Евстафий Солунский. — Сделал наезд и стремглав, с полными руками хватается за поводья, понукает коня ногами и бичом и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз!»

Никто, конечно, не подозревал тогда, что эти события — раздел Руси и первое вторжение половцев — знаменуют начало нового трудного времени, что внутренние распри, в которых с готовностью будут участвовать степняки, ослабят страну и поэтому борьба с постоянными набегами будет крайне тяжелой. То переплетаясь, то расходясь, эти две военно-политические линии на полтора века определили судьбу многих русских земель.

Споры из-за земель начались уже вскоре после смерти Ярослава. А в 1067 году вспыхнула открытая война: взбунтовался племянник Ярослава Всеслав Полоцкий и самовольно занял Новгород. На его усмирение, несмотря на жестокие морозы и обильные снега — дело было в феврале, — выступили все три Ярославича. 3 марта сошлись противники на реке Немиге в Западной Руси. Ярославичи одолели, и Всеслав бежал с поля боя.

Летом послали Ярославичи за Всеславом, призывая его прийти в Киев и миром решить все дела. При этом принесли братья крестное целование в том, что не сотворят Всеславу, если он придет, никакого зла.

Крестное целование — клятва из клятв! Явился Всеслав в Киев. Но был он там не с почетом принят, а немедленно схвачен и «всажен» в крепкий «поруб»-темницу. Обычным делом на Руси становилось вероломство и клятвопреступление среди феодалов.

Внутренние столкновения побудили к действиям внешних врагов. Едва справившись с Всеславом, Ярославичи были вынуждены защищать Киевскую землю от половцев, которые вторглись на Русь весной 1068 года. В ночной битве на реке Альте русские дружины под командой Ярославичей и киевско-

го воеводы Коснячка потерпели тяжелое поражение. Остатки войска, рассеявшись по степи, небольшими группами пробирались в родной город. Сюда же прибежали и двое Ярославичей — Изяслав и Всеволод, а третий, Святослав, ускакал от греха подальше в свой Чернигов, опасаясь дальнейшего продвижения половецких отрядов.

С этим жестоким поражением связано появление былины о походе на Русь половецкого хана Шарукана:

А закрыло луну до солнышка красного,
А не видно ведь злата-светла месяца.
От того же ведь от духу половецкого,
От того же от пару лошадиного...
Ко святой Руси Шурк-великан
Широку дорожку прокладывает,
Жгучим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает...

Известие о поражении взорвало и без того беспокойный из-за притеснений «сильных» людей Киев. Толпы черного люда явились на великокняжеский двор и послали сказать князю: «Вот половцы рассеялись по всей земле! Дай нам, княже, оружие и коней и еще будем биться с ними!»

Простой народ Киева понимал опасность нашествия и выступил за сбор народного ополчения для борьбы с врагом.

А в княжеском дворце царила растерянность, близкая к отчаянию. Не давать оружия простому люду? Тогда кто защитит землю от половцев? Но как дать оружие народу, если совсем недавно случились в Киеве волнения и участники их, схваченные дружиной, еще сидели в холодных погребах — ждали княжеского суда?! Не обернутся ли розданные смердам топоры и копья, после того как будет разгромлен враг, против бояр-притеснителей, душивших ремесленный и торговый люд вирами да продажами и обиравших крестьян до последнего снопа?

«Нет, — решил Изяслав, посоветовавшись с боярством, — не получит «чернь» оружия! Лучше уж половцам предаться, чем вооружить народ!»

Ни с чем ушли возмущенные люди с княжеского двора. В гневе бросились они к терему бездарного воеводы Коснячка — и вмиг разнесли его двор. После этого часть восставших пошла вызволять томившихся в холодных погребах участников

предыдущих киевских волнений, а вторая половина вернулась на княжеский двор.

Изяслав с ближней дружиной сидел на сенях — в легкой поднятой на столбы летней постройке, предназначенной для пиров и совещаний. Вел бесконечный совет, решал, что делать. К внешним напастям добавились внутренние — все сплелось в единый клубок! Не мог князь ума приложить, как его распутать. А тут еще вспомнилось, что сидит в дальней тюрьме-«порубе» обманутый Всеслав Полоцкий. А ну как вырвется на свободу! Славен он среди простонародья — вещая душа в отважном теле!

Люд киевский, став у сеней, начал кричать и пререкаться с князем, требовать оружия и наказания виновных в поражении. Князь стоял у окошка, слушал крики и совсем уже не знал, что делать, — так разгулялся буйный смерч восстания.

«Видишь, князь, людье взвыло, — сказал один из бояр. — Пошли слуг, пусть крепче стерегут Всеслава».

Другой возразил: «Пусть лучше, призвав лестью к оконцу, пронзят его мечом!»

Значит, не только преступить крестное целование, но и кровь пролить? На такое не решился Изяслав, не отдал приказа.

А народ, кинув новый клич, пошел к темнице, где уже много месяцев томился Всеслав. Разогнав сторожей и сломав запоры, черный люд освободил полоцкого князя.

Восстание достигло высшего накала, и Изяслав, не выдержав, второй раз за последние дни бежал с поля боя — на этот раз от своей взбунтовавшейся столицы. Освобожденный Всеслав был приведен на княжеский двор и здесь в день 15 сентября 1068 года провозглашен князем Киевским.

Но правил он недолго. Через 7 месяцев, приведя с собой войска польского короля Болеслава Смелого, Изяслав сверг полоцкого князя и снова занял киевский стол. Своих сентябрьских страхов он не забыл: 70 активных участников вызволения Всеслава были казнены, многих — и виноватых, и безвинных— ослепили.

С этого времени стал Киев яблоком раздора, из-за которого то и дело вспыхивали феодальные споры. Обладание Киевом соединялось с понятием «старейшинства» среди всех князей. Кто в Киеве правит, тот и глава всем князьям русским! Изнурительная борьба за киевский стол то и дело выливалась в

кровавые столкновения, оплетенные сетью заговоров и обильно сдобренные вероломством. Все это стало тяжким бременем для простых жителей многих русских княжеств — крестьян и ремесленников. Ведь это их жилища горели в огне яростных штурмов, их поля вытаптывались конницей, их дворы грабились «удалыми» воями то одного, то другого правителя.

Иногда, если вконец истощались силы соперников или занимал киевский престол сильный и авторитетный князь, как было, например, при Владимире Мономахе, эта борьба затихала. Но проходило несколько лет — и распря вспыхивала с новой неостановимой силой. Коль не хватало своих войск, князья призывали на помощь то степняков, то варягов, то поляков, то литовцев, и тогда страдания народа от внутренних усобиц умножались на насилие внешних врагов.

А противники Руси не теряли времени, видя разброд и несогласие среди русских княжеств. Одна местность за другой подвергались опустошительным набегам, а то и вовсе отторгались от Русской земли и включались в состав других государств. К концу XIV века, например, граница Великого княжества Литовского проходила всего в сотне верст от Москвы!

Порознь их хоругви развеваются...

В 1093 году в связи со смертью Всеволода Киевского половцы направили в Киев посольство, чтобы установить отношения с только что пришедшим сюда князем Святополком, потребовать от него покорности.

Святополк поступил с послами крайне неразумно. Не посоветовавшись с отцовской «старшею» дружиной, послов приказал схватить и запереть в темную избу.

Мгновенно вспыхнула война. Степняки вторглись на Русь и осадили город Торческ, прикрывавший подходы к Киеву. Тут одумался Святополк, отпустил послов, да поздно. Отказались половцы от мира. Кинулся новый князь формировать войско, набрал в обедневшей Киевской земле всего несколько сот воинов, но все равно намерился выступить в поход. Киевские мужи, хорошо знавшие Степь, отговаривали князя: «Не пытайся идти против них, потому что мало у тебя воинов!» —

«У меня своих семьсот отроков, — хвалился Святополк, — которые могут им противостать!» — «Если бы ты выставил их и восемь тысяч, — возражали ему, — и то не слишком много. Наша земля оскудела от войны и от продаж. Обратись к брату своему Владимиру Мономаху, чтоб он тебе помог».

Владимир сразу откликнулся на призыв Святополка Киевского и явился с войском к столице. Князья встретились в монастыре под Киевом, но, вместо того чтобы думать об организации отпора, затеяли шумную ссору, обвиняя друг друга в различных грехах.

Насилу уговорили их заняться главным — отражением половецкого натиска. Выступили князья в поход. Тут как раз и третий брат, Ростислав Переяславский, подоспел. Согласованного плана действий не было. Святополк рвался в бой, а Владимир, учитывая силу половцев и явный недостаток войск у русских, предлагал кончить дело миром.

Пришли к полноводной Стугне-реке, к городу Треполю.

«Пока стоим здесь под прикрытием реки перед лицом этой грозы, заключим мир с ними», — предложил Владимир Мономах.

Святополк не соглашался: «Хочу биться! Перейдем на ту сторону реки!»

И настоял на своем.

С трудом переправившись, русские выстроились в боевой порядок и двинулись навстречу подходившей орде.

Противники сначала затеяли лучной бой-перестрелку, а потом сошлись в рукопашной схватке. Главный удар степняки направили против Святополковой дружины. Святополк, хоть сам-то и держался стойко, выдержать натиска не смог — побежали киевляне, сломав ряды русского войска. Это и решило все: недолго сопротивлялись Владимир и Ростислав, тоже кинулись назад — к Стугне. Половцы столкнули русские дружины в реку, которую те лишь несколько часов назад перешли. В беспорядочной давке погибла на берегу или потонула в полноводной реке большая часть войска.

Владимир и Ростислав вместе бросились в реку, поплыли рядом. Быстрое течение сильно мешало им, и вскоре тяжело вооруженный Ростислав стал тонуть прямо на глазах Владимира. Тот пытался помочь брату, подхватил его, да сам стал захлебываться.

Отпустил Ростислава!

И утонул Ростислав сын Всеволодов!

Потеряв половину войска и любимого брата, которого не кто другой, а сам он уговорил идти в поход, Владимир Мономах бросил опостылевшего ему своей политической и военной неразумностью Святополка и с остатком дружины, не задерживаясь, ушел к себе в Чернигов.

Святополк же Киевский, перебравшись кое-как через Стугну, сутки просидел за стенами маленького Треполя — сушился, а потом поспешил в Киев.

Сокрушительно разгромив русских, главные силы половцев вернулись к осажденному Торческу. Теперь фактически брошенный киевским князем на произвол судьбы город мог рассчитывать только на собственные силы, а их было немного.

И может быть, впервые за 30 лет борьбы Русь ощутила, какой грозный враг скопил силу в степях. Попытка Святополка помочь голодному городу продовольствием была легко пресечена половцами. После этого 23 июля 1093 года они совершили разбойный рейд прямо под стены Киева. Святополк вновь вывел против них свои поредевшие полки. Битву проиграл, причем потери были больше, чем на Стугне.

24 июля в Торческе узнали о новом поражении киевского князя. И спустя 9 недель после начала осады город сдался врагу. Горькая участь постигла горожан. «Половцы же, взяв город, подожгли его огнем, — горестно повествует летопись. — А людей поделили. И увели в вежи свои к семьям своим и сродникам своим много крещенного народа. Страдающие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и несчастиях, с осунувшимися лицами, почерневшие телом, в чуждой стране, с языком воспаленным, голые и босые, с ногами израненными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я жил в этом городе», а другой: «Я — из того села». Так вопрошали они друг друга со слезами, называя свое происхождение, вздыхая и взоры обращая на небо...»

Наиболее дальновидным русским князьям — и первым среди них следует назвать Владимира Мономаха — ясно было, что бороться с воинственными степняками можно только объединенными силами. Ни одно русское княжество в одиночку не могло им противостоять.

А опасность росла год от года. В 1096 году половцы разграбили и сожгли окрестности стольного Киева, в том числе три

богатейших и хорошо укрепленных монастыря. Этот разгром явственно показал всю политическую и военную ущербность непрестанных княжеских распрей, ослаблявших каждое княжество в отдельности и Русскую землю в целом.

В следующем, 1097 году после долгих переговоров и переписки съехались многие князья на «устроенье мира» в город Любеч, расположенный в Черниговской земле. Каждый из них в отдельности как будто бы понимал губительность постоянной вражды.

«Зачем губим Русскую землю, поднимая сами на себя вражду?! — словно изумляясь собственной политике, говорили они друг другу. — А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут усобицы! Станем с этих пор жить в одно сердце и блюсти Русскую землю!»

И чтобы хоть как-то прекратить распри из-за земель, решили: «Каждый да держит отчину свою!»

За Святополком оставался Киев, за Владимиром Мономахом — Переяславль, за Олегом Святославичем — Чернигов, силой захваченный им в 1078 году. И те, кому в прежнее время были розданы города, также сохранили их: Давыд оставался по уговору князем города Владимира-Волынского, Василько, приходившийся племянником старшим князьям — Святополку, Владимиру Мономаху, Давыду и прочим, — сохранил за собой небольшой город Теребовль, располагавшийся на одной из малых рек в бассейне Днестра. Никто теперь не должен был вступать во владение соседа.

Переговоры, по христианскому обычаю, закончились торжественным принесением клятвы — крестным целованием. «Если отныне кто на кого пойдет, — уставили князья, — против того и мы будем, и крест честной!»

Но слова, произнесенные на манер пожизненной клятвы, не стали делом. Едва отпировав и разъехавшись, князья стали подозревать один другого в заговорах и подвохах. Трагической жертвой этого нового клубка княжеско-боярских распрей стал молодой князь Василько Теребовльский.

История эта, получившая широкую огласку и поставившая Русь на грань всеобщей междоусобной войны, в отличие от других событий известна нам в подробностях. Вполне вероятно, что она попала на страницы летописи со слов самого Василька, который был современником создания общерусского летописного свода.

Итак, уставив мир, князья пошли восвояси — каждый в свое владение. Святополк Киевский вместе с двоюродным братом Давыдом со съезда направились в свою вотчину — могущественный Киев. Встретили их торжественно, и, как водилось, устроен был пир в честь возвращения князя и успешного завершения трудного дела. И здесь в ходе долгих обсуждений нового княжеского договора раздались сначала тихие и вкрадчивые, но быстро ставшие настойчивыми голоса тех, кто в постоянных столкновениях, истощавших силы Руси, искал свою грабительскую выгоду.

Особенно усердствовало окружение Давыда Игоревича. «Владимир Мономах, — наговаривали ему, — соединился с Васильком против Святополка и тебя!»

Доводы подозрительному Давыду приводились разные, повторялись-нашептывались сведения, полученные от «верных» людей. Скоро все это сделало свое дело: Давыд стал всячески чернить Василька Теребовльского перед Святополком. Тот сомневался: можно ли, едва закончив переговоры, замышлять недоброе? Но Давыд действовал напористо — дня не проходило без новых наветов.

«Если не схватим Василька, — угрожающе предостерегал он, — ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире-Волынском!»

В конце концов убедил Святополка! Тому и впрямь казаться стало, что нет иного выбора, кроме как нарушить только что принесенную клятву.

Послушался Святополк!

А тут и случай для осуществления задуманного Давыдом подвернулся, словно нарочно. Видимо, знал Давыд о ближайших планах Василька, поэтому и старался действовать столь цепко и быстро.

Василько как раз явился в Михайло-Выдубицкий монастырь, расположенный совсем рядом с Киевом, — поклониться святым. Шел он, как и подобает князю, пусть и не из самых именитых, с дружиной и обозом. Рядом с монастырем был раскинут походный лагерь, и Василько сначала отправился отужинать с монастырской братией, а затем уже, поздно вечером, вернулся к своим.

На другое утро ни свет ни заря прискакали гонцы от Святополка Киевского. Святополк приглашал племянника на именины. Почетное было предложение — старший из русских

князей просил пожаловать! Да вот беда: дел неотложных у Василька было много — неспокойно было в родном княжестве, а до именин нужно было ждать еще несколько дней.

«Не могу медлить, — отвечает Василько. — Как бы дома войны не случилось».

С тем и отбыли гонцы.

«Видишь! — возмутился перед Святополком Давыд Игоревич. Для него отказ явился веским свидетельством недобрых намерений Василька. — Василько не помнит о тебе, находясь в твоем городе! А когда к себе уйдет, займет все твои города — Туров, Пинск и другие! Тогда вспомнишь меня!.. Лучше призови его теперь, схвати и отдай мне».

Поддался Святополк на Давыдов обман, снова послал к Васильку и велел передать: «Если не хочешь остаться до именин моих, приди сейчас, поприветствуешь меня, посидим вместе с Давыдом».

Не откликнуться на такое приглашение уже даже не одного, а двух родственников было нельзя. Тут же сел Василько на коня и двинулся в сторону Киева. Кто-то из отроков пытался его удержать, предупредил: «Не езди, княже, хотят тебя схватить!»

Не прислушался Василько к предостережению. Как же могут его схватить? Только что крест целовали да говорили: если кто на кого пойдет, то на того будет и крест, и вся Русская земля! С такими мыслями и отправился он на княжий двор.

Сам князь киевский Святополк вышел встречать его и проводил в хоромы. Потом явился Давыд, сели вместе. Святополк снова принялся уговаривать Василька: «Останься на праздник!» — «Не могу остаться, брат: уже и обозу приказал идти вперед», — отказывался Василько. «Ну, хоть позавтракай», — не отступался Святополк.

Василько согласился. Давыд же, как отмечает летописец, все время сидел как немой, слова не сказал. Получив согласие, Святополк заспешил: «Посидите вы тут, а я пойду распоряжусь».

Когда он вышел, Василько пробовал заговорить с Давыдом, но тот оглох и онемел — и язык не ворочался, и уши не слышали Васильковых речей. Готовился к задуманному, волновался особенно. Наконец немного совладал с собой Давыд и спросил одного из слуг: «Где брат?» — «Стоит на сенях», — отвечали ему. На сенях устраивались в теплое время княже-

ские пиры. Но сейчас уже стояла глубокая осень, и неясно было, почему Святополк именно там хотел устраивать завтрак. Скорее всего забрался туда киевский князь, чтобы не участвовать в готовящейся расправе.

И Давыд тоже испугался приближающегося мига, который сам и уготовил Васильку. «Я пойду за Святополком, — сказал он. — А ты посиди».

И быстро вышел вон.

Едва двери за ним затворились, как Давыдовы слуги бросились на Василька. Сначала просто связали, после сковали двойными оковами, заперли в крепкой дворовой постройке, а на ночь приставили сторожей.

Закованный Василько сидел в темной избе, а вокруг его дальнейшей судьбы кипели споры. Вроде бы одумавшийся и отошедший от утреннего умопомрачения Святополк хотел отпустить племянника. Но Давыд настойчиво возражал, понимая, что зашли они с братом уже слишком далеко, чтобы можно было просто вернуться к исходному положению. Основательно теперь боялся Давыд за себя.

Но против убийства Святополк, видимо, возражал со всей решительностью и ни за что на него не соглашался. Тогда Давыд стал подбивать его на ослепление Василька. Лишенный зрения человек не воин и постоять за себя, встать во главе дружины, отомстить жестоко не способен.

«Если не сделаешь этого, а отпустишь его, — наступал Давыд на Святополка, — ни тебе не княжить, ни мне!»

Долго думал-мучился Святополк и согласился. Откладывать дело не стали. Тут же, ночью, повезли Василька в Белгород, городок в 10 верстах от Киева. Святополк, представив, какие чувства вызовет содеянное у Владимира Мономаха, других князей, решительно не захотел, чтобы свершилось задуманное на его княжеском дворе или в его княжеском городе.

Повели Василька в избу малую, втолкнули. Вскоре пришел туда овчарь Святополка, угрюмый и жестокий Берендий.

Потом вошли княжеские конюхи Сновид и Дмитр, молча расстелили ковер на полу. Взялись за Василька и хотели повалить. Он сопротивлялся изо всех сил, на шум подоспели другие. Бросили князя на пол и ослепили.

Взявшись за углы ковра, конюхи вынесли лежавшего бездыханно князя на улицу, бросили в приготовленную повозку

и под стражей, как пленника, повезли в отчину Давыда — Владимир-Волынский.

Новая волна многолетних воинственных судорог прокатилась по Руси. Мир, установленный было русскими князьями, рассыпался как карточный домик. Старательно возводили его правители земель, но каждый при этом норовил свою карту так поставить, чтоб, когда упадет строение, она б сверху легла!

Рассуждая о мире, думали князья, как назавтра больнее досадить соседу, обезвредить его, пока он сам зла какого не удумал. Слушали наветы — и внимали им скорее, чем собственному разуму. Врагу-степняку верили больше, нежели брату родному...

А враг не терял времени. Пользуясь ослаблением Руси, половцы только за первые 10 лет XII века совершили в ее пределы шесть крупных нашествий!

Русские ответили на них лишь тремя походами в глубь половецкой степи. Самым успешным из них был предпринятый, как и большинство других, по инициативе Владимира Мономаха поход 1103 года.

Лицом к урагану

Весной 1103 года Святополк Киевский и Владимир Мономах, уговорившись наконец, привели свои дружины в маленький город Долобск. Но хотя и были между князьями предварительные переговоры, здесь, в Долобске, долго не могли решить, идти в степь или нет.

«Негодно ныне, по весне идти—погубим и смердов и пашню их», — опасались воеводы Святополка. Их опасения строились на том, что для похода пришлось бы отобрать лошадей у многих крестьян, а это сорвет полевые весенние работы и загубит будущий урожай. Забота Святополковых воевод о крестьянах была настолько лицемерной, что Мономах, зная, как они обходились с простым людом в другие времена, рассердился: «Дивно мне, дружино! Лошадей жалеете, на которых смерды пашут! А почему не помыслите о том, что начнет пахать смерд, а приехав, половчин ударит его стрелою — и лошадь его

поимет, и жену, и детей, и все именье... Лошадь жаль, а самого не жаль ли?!»

Возразить против гневных Мономаховых речей было нечего, и Святополк, отбросив колебания, в конце концов ответил коротко: «Я готов!»

Договорившись окончательно, стали срочно посылать за другими князьями, призывая их присоединиться к походу.

Олег Святославич уклонился — сказался больным. Но пять правителей откликнулись на призыв старейших князей и скоро пришли в Долобск. Соединенные дружины двинулись вниз по Днепру, кто берегом — на конях, кто водой — в ладьях. Скоро достигло русское войско острова Хортица. Островок этот днепровский был издавна известен мореходам, купцам, воинам. Здесь останавливались на отдых варяжские дружины, отправлявшиеся на службу к императорам Византии, укрывались от непогоды торговые суда.

Отдохнув на знакомом месте, дружины повернули от Днепра в глубь степи.

4 дня углублялось войско в степь. Вести о его продвижении достигли степняков, и половецкие ханы быстро съехались на совет — решать, что делать перед лицом невиданного русского наступления. Опытный Урусоба, половецкий хан, не раз сражавшийся с русскими и, видимо, правильно оценивший масштабы и мощь ответного вторжения, предлагал срочно просить мира. Однако большинство ханов — летописец, подчеркивая их неопытность, именует их «молодыми» — отвергли это предложение.

Решено было сражаться с русскими дружинами. Навстречу им выслали крепкий сторожевой отряд во главе со знатным, одержавшим немало побед Алтунопой. Однако, почти сразу попав в засаду, отряд был полностью разбит.

4 апреля 1103 года в полевом сражении сошлись главные силы половцев и русских.

«Пошли полки половецкие, как густой лес, и нельзя было охватить их взглядом. И русь вышла против них... Половцы же, увидев русское устремленье на себя, побежали, не соступившись с русскими полками...»

Паническое бегство половецкого войска быстро привело к полному разгрому. В битве пало двадцать половецких ханов, а еще один, двадцать первый, по имени Белдюзь был взят в плен. Его привезли к Святополку, и хан стал сразу предлагать

за себя богатый выкуп — золото и серебро. Святополк передал пленника Мономаху, а тот, отказавшись от всяких разговоров о выкупе, приказал казнить хана за постоянные вероломные нарушения мира.

Добыча русским досталась столь большая, что летописец счел нужным подробно обрисовать ее: «...взяли тогда и скот, и овцы, и коней, и верблюдов, и вежи с добытком и челядью... И пришла русь с полоном великим и с победою великою».

Успешный поход 1103 года окончательно убедил Владимира Мономаха в правильности политики, направленной на организацию общего отпора степнякам. Поэтому, когда в 1107 году вторглись на Русь Шарукан Старый, Боняк и еще десяток половецких ханов, Владимир снова взялся за организацию объединенного войска. Включив в свою рать дружины трех сыновей и племянника, он затем соединился со Святополком Киевским и другими князьями. Войско быстро вышло в поход, в боевом порядке форсировало реку Сулу, за которой располагался стан половцев, и без остановки и перестроения с боевым кличем ударило на врага. Столь быстрого отпора ханы половецкие, уже привыкшие к разладу и усобицам среди русских, никак не ожидали. Растерявшиеся половцы не смогли даже построиться в боевой порядок — «поставить стяг» — и побежали, кто схватив коня, а кто и просто так. Русские гнали врага почти полсотни верст — до реки Хорол, взяли стан половецкий и весь обоз.

Очередной поход в Степь был совершен по приказу Мономаха в декабре 1109 года, когда воевода Дмитрий Иворович взял у Дона 1000 половецких веж. Такие походы, упреждавшие набеги кочевников, стали новым стратегическим элементом в борьбе со Степью. Нанося постоянные удары в сердце половецкой Степи, Владимир Мономах добился заметного уменьшения числа вторжений в русские пределы.

Настойчивая борьба со Степью создала Мономаху славу защитника Русской земли. Поэтому, когда в 1113 году умер Святополк Киевский, киевляне, собравшись на вече, решили послать Владимиру приглашение «на стол отень и дедень», то есть на престол отца и деда. Но Владимир, следуя феодальным правилам и меркам и боясь нарушить и без того хрупкое замирение князей, отказался от такого предложения в пользу имевших больше династических прав Святославичей.

20-летнее правление Святополка принесло простым киевлянам много лишений. «В дни княжения своего Святополк створил много насилия... имущество у многих отнял... И были рати многие от половцев, к тому же и усобица, и был в то время большой голод и великая скудость в Русской земле во всем».

Известия летописи о скудости и неурожаях в последние годы правления Святополка подтверждаются современными учеными. Исследовав многие тысячи спилов бревен из древних построек, они установили, что в 1110—1112 годах годичные кольца у деревьев, выросших в разных местах Руси, были гораздо тоньше нормальных. А это — верное свидетельство неблагоприятных погодных условий. Неурожаи, вызванные холодом и дождями, продолжались, видимо, 2—3 года, что и вызвало жестокий голод по всей стране. Ели крестьяне и лист липовый, и кору березовую, и мох.

Мало этого: из-за начатой Святополком как раз в такое тяжелое время войны с галицкими князьями прекратился подвоз соли в Киев. «И можно было видеть тогда людей в великой беде, — печально отметил летописец, — изнемогали от войны, голода, без хлеба и без соли».

Но что плохо для народа — хорошо для богачей и князя с приспешниками. Мало хлеба — увеличивай цену! Нет денег на хлеб у ремесленника — одолжи ему, пускай вернет вдвойне! Соль пропала — наживайся на ее продаже, смешивай пополам с пеплом, а продавай по тройной цене!

Такое неправедное лихоимство княжеских людей, монастырей и купцов привело к взрыву народного негодования. Святополк Киевский умер 16 апреля 1113 года, и в тот же день вспыхнуло восстание против киевских богатеев. Был разгромлен двор тысяцкого Путяты, кварталы менял и ростовщиков. Именно в этот момент и обратились киевляне — в первую очередь, конечно, те, кому угрожала та же участь, — с призывом к Мономаху. Но Владимир, взвесив обстоятельства, отказался от княжения.

Восстание набирало силу, и киевская верхушка вновь обратилась к нему с посланием: «Пойди, князь, в Киев! Если же не пойдешь, то знай, что великое зло воздвигнется... из-за тебя пойдут на невестку твою и на бояр, и на монастыри, и будешь ответ иметь, если из-за тебя разграбят монастыри!»

Столь единодушное выступление светских и церковных феодалов, поддержанное значительной частью посада, склонило

Владимира к мысли принять киевский стол. 20 апреля он торжественно въехал в Киев. «Встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великою, сел на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж прекратился».

Конечно, восстание стихло не по мановению волшебной палочки и не из-за вызвавшего всеобщее умиление появления Владимира в Киеве. Были вполне реальные причины его прекращения. Во-первых, вошла в город и начала активно действовать дружина Мономаха. А во-вторых — и это главное, — Мономах срочно, в течение 3 дней, предшествовавших его въезду в Киев, составил вместе с ближайшим окружением новые законы — дополнение к знаменитой «Русской правде». В этом дополнении, получившем название «Устав Владимира Всеволодича Мономаха», ограничивалось взимание процентов за долги и несколько облегчалось незавидное положение простых горожан. Это и сыграло свою роль в угасании вспышки народного недовольства.

Став киевским князем, Мономах продолжал свою политику отражения степной угрозы. Половцы, узнав о смерти Святополка и ожидая новых распрей на Руси, появились было на границах Киевской земли, но Мономах, объединив силы нескольких князей, дал им достойный отпор.

В 1116 году он направил в глубь степи войско одного из своих сыновей. Тот взял на Дону три города, но кочевников не нашел: они отошли в прикаспийские степи. Новый поход — в 1120 году — подтвердил: половцы отошли от русских границ к Кавказу, за Железные врата, как называли тогда крепость Дербент. Так планомерные, решительные действия Владимира ослабили половецкую опасность, и «отдохнули христиане от великой истомы».

С помощью решительных мер сумел Владимир погасить раздоры, уже во всю силу дававшие себя знать на Руси. Последовательно пресекая все попытки усобиц, захвата вотчин, неправедного с точки зрения феодальных правил дележа владений, он добился уменьшения числа братоубийственных споров, хотя, конечно, не мог их совсем прекратить.

Рьяно заботился он о строительстве Киева, надеясь вернуть ему убывающее величие. При нем построены были новые здания и храмы, наведен мост через Днепр. Мономах не жалел денег на украшение церквей, щедро одаривал чернецов и попов,

помня, какую роль сыграли церковники во время его прихода к власти.

Умер Владимир Мономах в 1125 году, уже глубоким стариком — было ему 73 года. В старости стал он слезлив и богобоязнен, ничто в нем не напоминало страстного, совершившего сотни походов охотника и воина, каким был он в молодые годы. Но политическая мудрость Мономаха надолго осталась примером для русских князей, — правда, далеко не всегда они ему следовали. Сильно жалели русские об этом князе, «украшенном добрыми нравами, прославленном в победах, известном во всех землях». Со всей возможной пышностью похоронили его в Софийском соборе.

Миновало несколько лет после смерти Мономаха, и все вернулось на круги своя — с новой силой вспыхнули княжеские раздоры да боярская строптивость.

В 1136 году был изгнан с новгородского княжения внук Мономаха Всеволод Мстиславич. В следующем году его пригласили к себе князем псковичи, а это вызвало гнев новгородского боярства. Собрали бояре войско и пошли на Псков. Едва утихомирились в конце концов. К счастью, остудили их воинственный пыл устроенные псковичами на лесных дорогах завалы. Иначе не миновать бы Пскову осады.

Прошел год — затеяли спор — «котору» сыновья черниговского князя Олега Святославича, двоюродного брата Владимира Мономаха. Захватили принадлежавшие киевскому князю земли по реке Суле, притоку Днепра. Киевский князь, собрав огромное войско — не только киевлян, но и суздальцев, ростовцев, полочан, смолян, — двинулся на обидчиков. Те испугались — запросили мира.

Дядя и племянник

Несколько лет после этого было тихо, пока не заспорили из-за киевского княжения сын Владимира Мономаха суздальский князь Юрий Долгорукий и внук Мономаха Изяслав, приходившийся Долгорукому родным племянником.

В 1151 году, соединившись с половцами, Юрий двинулся на Киев, чтобы изгнать с престола Изяслава. Изяслав решил

не подпускать противника к Киеву и не давать ему перейти Днепр, блокировав все ближние броды. Сделано это было с помощью «насад» — ладей с высокими надставленными (насаженными) бортами. Гребцы скрывались за щитами, только весла торчали из узких отверстий. Кормчих на таких ладьях было по двое — один на корме, как обычно, а второй на носу, и суда без всяких сложных разворотов двигались взад-вперед по Днепру, пересекая броды, а скрытые за насадами воины осыпали подступавших к берегу противников градом стрел.

Долго ничего не получалось у Юрия Долгорукого с переправой. Наконец, нащупав слабину обороняющихся на одном из бродов, Юрий однажды бросил через него половецкую конницу — в полном вооружении, готовую к бою. Киевляне растерялись в первый момент, натиска не выдержали и отступили. Брод был захвачен. Следом за половцами спокойно переправились и суздальские полки.

Путь на Киев был открыт. Изяслав, собрав всех, кто мог держать оружие, встретил Юрия прямо у киевских стен и первым ринулся на боевые порядки врага. В бою он сломал копье, был рублен вражеской саблею — руку рассекли — и колот копьем в ногу. Затем, сбитый кем-то с коня, киевский князь быстро затерялся в битве.

Исход сражения решили половцы, точнее, их неожиданное позорное бегство с поля боя. Не выпустив ни одной стрелы, горе-союзники Юрия Долгорукого побежали и увлекли за собой сначала один из суздальских полков, потом второй, третий, а в конце концов и самого князя. Так бесславно закончилась первая попытка Юрия завладеть киевским столом.

Однако умер он все-таки князем Киевским, получив этот титул в 1155 году, за 2 года до смерти.

Битва правнуков

Шло время. Лет через десять—пятнадцать подросли сыновья враждовавших князей. Новое поколение правителей быстро усвоило кодекс феодальной «чести», следование которому то и дело оборачивалось бесчестьем и страданием для родной земли.

В Суздале с 1157 года стал княжить сын Юрия Долгорукого Анрей Боголюбский. Киева и киевского князя он не любил еще с тех пор, как вместе с отцом пытался взять его в 1150 году. В той бесславной битве Андрей уцелел, хотя и был в самом пекле: прежде всех бросился в бой, конь под ним был ранен в ноздри, шлем сшибли, вырвали щит... Чудом остался суздальский наследник невредим, хотя и натерпелся!

Спустя ровно 20 лет задумал Андрей свой поход на Киев против нового киевского князя Мстислава, правнука Владимира Мономаха и сына того самого Изяслава, что разгромил их с отцом под Киевом.

Помня о могуществе Киевской земли и жестоком уроке, полученном в молодости у стен древней столицы, Андрей тщательно сколачивал союз против Киева. И это удалось: 11 князей присоединились к нему! Переяславские, смоленские, новгород-северские, дорогобужские, ростовские, суздальские и другие дружины объединились под Киевом, став огромным лагерем в Вышгороде, в 10 километрах от киевской твердыни. Командовал войском сын Андрея Боголюбского именем, как киевский, Мстислав.

Два правнука Владимира Мономаха, два Мстислава, сошлись в братоубийственной схватке, подняв друг на друга по пол-Руси.

Киевский князь с дружиной и союзниками укрылся в городе — вся надежда у него была на крепкие стены. 3 дня сдерживал натиск. Первыми не выдержали союзники Мстислава Киевского — берендеи и торки, изменили князю и ушли из города.

8 марта 1169 года древняя столица пала. Два дня завоеватели грабили город, горевший во многих местах. «Церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен вели в плен, разлучая силою с мужьями, младенцы рыдали, смотря на матерей своих...»

Радостно совершалось в Киеве победителями ставшее обыденным военное зло. В опустошенной столице на престол был посажен брат Андрея Боголюбского Глеб. Истощенный непрерывными войнами Киев уже утратил былой блеск и перестал быть символом общерусской власти — потому Андрей и не взял киевского стола себе.

2 года правил Глеб, а после его смерти престол вновь захватила противная Андрею Боголюбскому сторона. Снова, сгово-

рив два десятка князей и собрав огромное — 50 тысяч! — войско, Андрей двинулся на Киев. Но на этот раз удача отвернулась от него — не взял Киева. Планы Андрея были расстроены вмешательством могущественного волынского князя. Киевляне изрядно потрепали в боях владимиро-суздальские дружины. «Пришли они с высокомыслием, а домой отошли со смирением», — язвительно отметил киевский летописец.

Но хоть Киев на этот раз и не был взят, земля Киевская вновь пострадала. Сельская округа была ограблена и разорена огромной ратью Боголюбского. Все беды, будь то военный разор или природная стихия, сначала били по крестьянскому двору, и только потом их ощущали на господской усадьбе. То голодный год, то военный, не половцы нагрянут, так свои, русские разорят. Изнемогал народ.

Заговор Кучковичей

Скоро пламя феодальных распрей вдруг прорвалось на севере — во Владимиро-Суздальской земле. Жертвой их пал сам Андрей Боголюбский, убитый в результате ловко задуманного и молниеносно осуществленного заговора. Обстановка в княжестве давно была напряженной — не жаловал Андрей строптивых бояр, и вот кто-то, улучив момент, сообщил одному из Андреевых слуг, знатному Якиму Кучковичу, что князь будто бы собирается казнить за какую-то провинность его брата.

Могучий клан бояр Кучковичей давно не ладил с княжеским домом. Отец их, боярин Стефан Кучка, владел в Суздальской земле многими «слободами красными». Принадлежали ему и благодатные земли в месте слияния Москвы-реки с Неглинной. Очень любил боярин сей кусок своих владений, плодородный, населенный крестьянским людом.

Но земля эта, занимавшая ключевое положение с точки зрения защиты всего княжества, приглянулась Юрию Долгорукому. И как ни цеплялся Кучка за берега Москвы-реки, изгнал его князь и основал на берегу реки крепость Москву.

Отсюда и началась у Кучковичей вражда с князьями. Андрей же пошел еще дальше отца. Опираясь на горожан да

дворян — дружинников, которых притесняло боярство, он с непокорными «боярами брюхатыми» разговаривал коротко. Чуть ослушался князя — поезжай вон из Владимиро-Суздальской земли! А вотчины изгнанных присоединялись к княжеским владениям. Сильно не нравилась такая решительная политика боярам. И уж совсем оскорбленными почувствовали они себя, когда столица княжества из древнего Ростова Великого, густо уставленного красивыми, как пряники, боярскими теремами, была перенесена в молодой город Владимир-на-Клязьме.

Привыкшее жить в столице и вершить государственные дела боярство оказалось не у дел.

За такие крутые меры и смелые решения прозвали Андрея Боголюбского самовластцем. Глухое тайное недовольство ниточками тянулось от одного боярского дома к другому, и из этих нитей постепенно был сплетен заговор против крутовластного князя.

Известие, ловко подброшенное Якиму Кучковичу, подтолкнуло этого слугу к активным действиям. Давно вызревавший заговор составился в одночасье, словно искра попала в стог сухого сена.

Уговорившись с недовольными, Яким решил действовать немедленно. И едва дождавшись ночи — лучшего времени для разбойных дел, заговорщики во главе с зятем боярина Кучки Петром Кучковичем вломились в княжеские хоромы.

Подойдя к спальне княжеской, обнаружили, что дверь заперта изнутри. Тогда один из заговорщиков позвал, приникнув к дверям: «Господин, господин!» — «Кто это?» — спросил из спальни проснувшийся Андрей. «Прокопий», — отвечал заговорщик, назвав имя княжеского любимца. Однако Андрей, распознав голос, сказал: «Нет, паробче, это не Прокопий!»

Хитрость не удалась. Испугавшись, что князь поднимет тревогу, заговорщики стали ломиться в спальню и, сокрушив двери, ворвались туда. Бросился Андрей к верному мечу, который полтора века — еще от святого князя-мученика Бориса! — переходил по наследству от одного русского правителя к другому. Нет меча! Ключник Анбал — один из тех, кто сейчас пролезал сквозь сломанную дверь в княжеские покои, — еще днем вынул его — только ножны, прикрытые одеждой, были на месте.

Двоих, вбежавших первыми в темную спальню, князь сумел, изловчившись, откинуть от себя. Один из них упал, а ввалившийся следом пьяный заговорщик, решив, что это Андрея бросили наземь, с размаху всадил копье в своего.

Отчаянная схватка завязалась в темноте княжеской спальни. Безоружный Андрей сопротивлялся как мог, но его рубили мечами и саблями, тыкали копьями. Всех ударов избежать было невозможно.

«Какое зло я вам сделал? — кричал окровавленный князь. — Прольете мою кровь — бог отомстит вам за мой хлеб!»

Наконец израненный Андрей перестал сопротивляться, упал у ложа и затих. Думая, что дело сделано, заговорщики, подхватив раненного в начале схватки товарища, ушли прочь.

Однако князь, как оказалось, лишь ненадолго потерял сознание. Очнувшись тотчас после ухода нападавших, он выбрался из спальни и, сдерживая стоны, пошел звать верных слуг. К несчастью Андрея, голос его первыми услыхали заговорщики, искавшие, чем поживиться в княжеском дворце.

Бросились они обратно в спальню. Нет князя!

«Мы погибли! — крикнул кто-то. — Скорее ищите его!»

Зажгли оказавшиеся под рукой свечи — увидели тянувшийся из спальни кровавый след и кинулись по нему. Раненый Андрей, конечно, не смог уйти далеко, его быстро нашли в одном из дворцовых помещений. Он сидел, обессиленный, у винтовой лестницы, ведущей в верхние покои.

Петр Кучкович, подскочив первым, взмахнул мечом. Андрей пытался прикрыться правой рукой — меч отсек руку. Подбежали остальные — и все было кончено.

Затем убийцы поспешно занялись грабежом дворца. Оружие и золото, каменья дорогие и искусно сделанную утварь, жемчуг и княжеские одежды — все погрузили на коней и увезли еще до рассвета.

Похоронили Андрея во владимирской церкви Богородицы Златоверхой, которую сам он приказал построить.

Так перевернулась еще одна страница кровавой истории феодальных усобиц. 2 года после убийства длилось боярское размирье на Владимирской земле, пока в 1176 году не занял престол брат Андрея Всеволод Большое Гнездо. Сурово расправился он с мятежным боярством за смерть брата, за смуты и несогласие.

Снова — поиски союза

Владимиру Мономаху удалось на время замедлить закономерный и поэтому неостановимый процесс феодальной раздробленности. Его политическая мудрость, военный талант, сопряженный с неукротимой энергией — сотни больших и малых походов совершил он за свою жизнь, — помогли сплотить вокруг Киева многих, хотя, конечно, не всех, русских князей. А это, в свою очередь, позволило активно противостоять внешней опасности, нанося удары в глубину половецких степей.

Но со смертью Мономаха усобицы и споры между князьями вспыхнули с новой силой. Наследники Владимира Мономаха — многочисленный клан Мономаховичей, — пытаясь сохранить его политические завоевания, вступили в длительную борьбу с Ольговичами, потомками главного Владимирова противника Олега Святославича. Это соперничество вылилось в цепь бесчисленных столкновений между княжествами. Походы и сражения быстро истощали собственные силы князей. Они начинают все чаще и чаще прибегать к военной помощи половцев, призывая их в свои походы на соседей.

Особенно усердствовали в этом отношении черниговские Ольговичи. Такая половецкая «помощь» русским князьям, перемежавшаяся самостоятельными набегами кочевников на русские земли, стала к середине XII века жесточайшим бичом для русского народа. Удар следовал за ударом, поход за походом. Интенсивность вторжений непрерывно нарастала, и к 70-м годам началась, по свидетельству летописи, «рать без перерыва». Редкий год проходил теперь без половецких набегов.

Особенно тяжкими стали они, после того как половцы объединились под властью хана Кончака. Силы их удесятерились: в войске кочевников появились баллисты и катапульты, таинственный «греческий огонь», гигантские укрепленные на высоких возах самострелы — тетиву их натягивали полсотни человек. Уже и стены крепостей не спасали русских от кочевников. Пришла пора вкушать горькие плоды неразумной и близорукой княжеской политики. Сиюминутные выгоды от сговоров с половецкими ордами получали в свое время князья, а расплачиваться за скудоумие феодальных правителей теперь приходилось народной кровью.

Раздираемая внутренними распрями Русь оказалась перед хорошо вооруженным, единым, а потому неимоверно сильным противником.

Только после мощных ударов Кончака и других половецких ханов по многим южным княжествам к русским князьям пришло понимание необходимости объединения сил. Иного пути для отражения грозной опасности не было. И вновь, как в начале XII века, в политической жизни начинают пробиваться слабые, поскольку не созрели еще экономические условия для слияния отдельных земель, ростки объединительных тенденций.

В 80-х годах XII века русские князья, в первую очередь Ольговичи, разрывают свой союз со Степью, принесший столько бедствий Русской земле. В истории этого резкого перелома особенно примечательна роль новгород-северского князя Игоря Святославича. Он принадлежал к семейству Ольговичей и долгое время верно следовал их политике. В 1180 году Игорь вместе с половцами выступил против Рюрика Киевского, но был разбит в битве и, по преданию, едва спасся с поля боя, в последний момент прыгнув в одну ладью вместе со своим кровожадным союзником ханом Кончаком.

Победа дорого далась Рюрику Киевскому. У этого князя, потомка Мономаха, и до битвы-то едва хватало сил, чтобы удержать Киев. Теперь же стало совсем трудно. Поэтому, во-первых понимая, что вряд ли хватит сил на неизбежные грядущие битвы с Ольговичами, а главное, видимо, чувствуя настоятельную необходимость поиска путей к объединению русских земель, Рюрик добровольно уступил стольный город Киев сильнейшему из Ольговичей — князю Святославу Всеволодичу. Главным из условий, выдвинутых Рюриком при этой передаче, был союз Ольговичей и Мономаховичей для отпора нарастающему натиску кочевников.

Скоро союз русских князей принес первые плоды. В 1184 году объединенное русское войско под командованием Святослава наголову разбило половцев.

Половецкий поход в тот раз готовился чрезвычайно тщательно. «Окаянный Кончак», сильнейший половецкий хан, не только собрал огромную армию, но и сумел первоклассно по тем временам оснастить ее. «Ибо нашел он мужа такого — басурманина, который стрелял живым огнем. Были у половцев и луки тугие самострельные, едва 50 человек могли натянуть

их». Боевое снаряжение половецкой орды на этот раз позволяло, как видно, не только вести полевые сражения, но и успешно штурмовать крепости.

Войско степняков достигло реки Хорол, где и произошла его встреча с дружинами нескольких русских князей. Внезапный набег русской рати решил исход войны в один день: половцы рассеялись по степи. А незадачливый «басурманин» вместе со всеми приспособлениями и снарядами для стрельбы таинственным «живым огнем» попал в плен. Его привели к Святославу. С большой неохотой он вынужден был раскрыть свои секреты.

Победа еще раз показала русским, каков бывает результат, если действовать совместно и согласованно.

Крестоносные вторжения

В то время как на южные границы один за другим набегали грозные половецкие смерчи, все более тревожной становилась обстановка на другом краю Русской земли, на северных новгородских рубежах. В середине XII столетия, словно вспомнив о былых походах своих неукротимых предков — викингов, шведские феодалы вновь обратили взоры на Восток. Начинается настойчивое продвижение шведов через Финляндию на Русь, в Приладожье.

В 1142 году прилетело в Новгород известие о том, что флотилия из 60 боевых судов-шнек короля Сверкера Старшего напала на шедшие в Новгород торговые корабли. За первым грабежом последовали другие. Через 15—20 лет, основательно закрепившись в Финляндии, шведские феодалы-крестоносцы, получив одобрение самого папы римского, решили, что пришло время активных действий против Руси. В середине мая 1164 года новая огромная флотилия из 55 боевых шнек вошла из Финского залива в Неву, поднялась по ней в Ладожское озеро и дальше — в реку Волхов.

Целью шведского похода была Ладога — первая русская крепость на 1000-верстном торговом пути, который с древних времен называли путем «из варяг в греки». Ладога имела для Руси особое значение: она была в то время единственной пре-

градой, защищавшей Новгород с моря, — ни Орешек, ни Копорье еще не существовали. Поэтому сил на укрепление Ладоги русские не жалели. Уже в IX—X веках здесь воздвигается, как установил советский археолог А. Н. Кирпичников, каменная крепость — первая на Руси! К середине XII века одних каменных храмов в городе было шесть, а в большом Пскове — лишь четыре. При ладожском посаднике Павле отстраиваются мощные военные укрепления из «дикого камня» — гигантских валунов, собранных в окрестностях города.

Поэтому шведы, вышедшие 23 мая 1164 года на берег у ладожской крепости, сквозь дым горевшего посада увидели укрепления, каких им не доводилось встречать в Скандинавии. А посад, расположенный за крепостными стенами, зажгли сами ладожане, когда увидели приближающуюся вражескую флотилию.

Первый штурм был организованно отражен осажденными с большим уроном для рыцарей. А затем решительная вылазка обороняющихся, видимо, отбила у них охоту идти на новый приступ. Каменный орех ладожской крепости оказался явно не по силам самоуверенному крестоносному воинству, и оно отошло от города.

5 дней интервенты обдумывали, как взять крепость, готовились к новой попытке. А вечером 28 мая всей своей тяжелой силой вдруг обрушилось на шведский стан новгородское войско! В беспорядочном сражении большинство захватчиков погибло или попало в плен. Разгром был полным. 43 шнеки достались новгородцам, и лишь 12, отбиваясь от наседавших новгородских удальцов, сумели отойти от берега и со всей возможной скоростью — через Ладогу в Неву — бежать на запад.

Широко задуманное крестоносное предприятие — захватить Ладогу, закрыть Новгороду выход на Балтику, лишить его возможности вести морскую торговлю, отрезать от финских земель, на которые жадно зарилась шведская корона, а может быть, если повезет, даже сокрушить северорусский Господин-город — полностью и бесславно провалилось. Поражение на полтора века отбило у шведских конунгов охоту даже приближаться к Ладоге — так впечатлила их быстрота и мощь новгородского ответа на иноземное вторжение.

Наступление шведов на дружественные Новгороду, а частично подвластные ему в то время земли финских племен и попытки прямых вторжений в русские пределы побудили

новгородцев к активным наступательным действиям. В 1187 году новгородцы и входившие в состав феодальной республики карелы нанесли молниеносный удар по крупнейшему городу Швеции — ее политическому центру Сигтуне, известной во всем средневековом мире.

Сигтуна была хорошо защищена. С севера ее окружали непроходимые болота, с юга — от моря — извилистые шхеры и гавань, запиравшаяся к ночи цепями, через которые не могли пройти корабли. С востока подступы к городу прикрывали два мощных замка. Весь город был обнесен стеной.

Но тем не менее, как горестно сообщала одна из шведских хроник, «они сожгли Сигтуну! И жгли ее настолько до основания, что город больше не поднялся. Ион архиепископ был там убит, этому многие язычники радовались, что христианам так плохо, это радовало земли карел и русов».

Удар, нанесенный силами подвластных Новгороду карел, потряс Швецию. Сигтуна никогда не возродилась, а новая столица государства Стокгольм была предусмотрительно построена подальше от моря.

Переход Новгорода к активным действиям, хотя и привел к прекращению русско-шведской торговли на целых 13 лет, имел немаловажное значение: он резко затормозил шведское наступление на Финляндию и Русь. Но обострившаяся внутрирусская борьба, а также начало пресловутого немецкого «натиска на Восток» отвлекли Новгород от северных дел и заставили его главное внимание направить на внутренние дела и борьбу с немецкой агрессией.

Черное солнце

Успешные действия против половцев в 1184 году одним русским князьям показали эффективность объединенных действий, а у других разожгли желание добиться победы «в особь» — для собственной славы и добычи. В конце апреля 1185 года новгород-северский князь Игорь Святославич выступил в поход на половцев. Он готовился к войне всю зиму, решив в тайне от киевского князя и других русских правителей, что нынешний год станет временем его, Игоревой, славы.

Поэтому он взял с собой только дружину сына — Владимира Путивльского, войско правившего в Рыльске племянника Святослава да полк черниговских ковуев.

Игорь понимал: силы его не очень велики, но крепко надеялся, во-первых, на внезапность своего появления в степи, а во-вторых (это было главное), на то, что разгромленные в минувшем году объединенным русским войском половцы еще не только не залечили ран, но и в себя-то не успели прийти. Княжеская дружина, обрастая по пути подходившими конными и пешими отрядами, двигалась медленно: только-только закончилась весенняя распутица да и кони, застоявшиеся за долгую зиму, шли неторопливо.

Минула первая неделя пути. 1 мая войско достигло Донца и стало готовиться к переправе. Солнце уже склонилось к горизонту, когда русских вдруг накрыла ночь среди дня: наступило солнечное затмение. Редкое явление природы, оно считалось во всем средневековом мире знаком несчастья. Застигнутый им должен был немедленно прекратить начатое дело.

«Ведаете ли, что есть знамение сие?» — спросил Игорь ближних бояр и дружинников, указывая на помраченное, ставшее похожим на узкий серп месяца солнце. «Княже! Не к добру оно!» — суеверно отвечали ехавшие с ним.

Игорь и сам, видимо, был смущен недобрым предзнаменованием. Но слишком много сил было положено на сбор и вооружение войска. Жгло князя желание единоличной победы, томила жажда громкой славы, манила легкая добыча, которую можно было взять в разрозненных и слабых половецких кочевьях. Неодолимое желание «испить шеломом Дону» пересилило предупреждение небес.

«Братья и дружина! — воскликнул князь. — Тайны божьей никто не ведает! И что створит нам бог — на добро ли, на зло наше, — то и будет, то и увидим мы!»

И, решившись, Игорь отбросил сомнения — приказал переправляться через Донец, от которого войско зашагало в глубь степей — к Осколу. Здесь дружина простояла 2 дня, поджидая подходившее другим путем войско Игорева брата — знаменитого буй-тура Всеволода.

Соединившись, братья двинулись дальше — к реке Сальнице. Здесь, в сердце половецких владений, войско шло осторожно, во все стороны высылали военачальники конные дозоры. Не потому, что боялись внезапного нападения, — сами

хотели напасть внезапно! Важно было не выдать себя до срока. Но для половцев горький урок прошлогоднего поражения не прошел даром. Русские дружины были обнаружены дозорами степняков, и половцы, быстро собрав войско, приготовились к отпору. Главный козырь князя — внезапность — уже был утрачен, а он даже не подозревал об этом.

В один из майских дней русские разъезды вместо беспечно кочующих племен обнаружили в степи готовые к столкновению половецкие полки.

Снова сомнения и разные толки пошли в Игоревом стане.

«Не наше есть время!» — говорили осторожные, вспоминали небесное знамение и советовали вернуться, пока не поздно. А горячие головы предлагали ринуться вперед со всей возможной скоростью, ошарашить врага неожиданным нападением. Игорь думал об ускользнувшей славе, которая теперь могла обернуться позором трусливого бегства. Представил себе, какие толки пойдут по Руси после такого возвращения...

От одной мысли о них краска ударяла в лицо.

«Если не бившиеся возвратимся, срам нам будет пуще смерти! — сказал князь сподвижникам. — Как бог даст!» — решил он во второй уже раз за время похода.

И приказал выступать. На ночлег в этот раз не останавливались, а, проскакав ночь и утро, к середине дня встретили половецкое войско на берегу маленькой степной речки Сюурлия.

Половцы «от мала до велика», сообщает летопись, выстроились в степи, изготовились к бою, прикрыв боевыми порядками многочисленные вежи-жилища на телегах. Видимо, они рассчитывали в случае неудачи применить испытанный веками прием. Когда сражение не удавалось, кочевники устраивали из веж подвижные укрепления: ставили телеги в круг, покрывали их бычьими шкурами и отбивали приступы. Взять такую степную крепость было необычайно трудно, стоило противнику больших потерь.

Игорь выстроил войско в шесть полков. В центре поставил свой, справа — полк буй-тура Всеволода, слева стал племянник Святослав. Передовым полком, куда вошли и черниговские ковуи, командовал сын — Владимир. Перед боевым строем рассеялись, выйдя вперед, лучшие Игоревы лучники.

И степняки своих стрелков выдвинули вперед. Скоро обрушился на княжескую дружину первый залп половецких стрел. Но русские стрелки ответили им таким плотным и смертель-

ным дождем, что половецкие передовые отряды, не выдержав, побежали. Паника перекинулась на основные полки, и те, сломав боевой порядок, тоже стали отходить.

Владимир Игоревич бросился на дрогнувшего врага и быстро обратил его в безоглядное бегство. Половцы промчались через свои вежи и кинулись в степь, видимо не сумев организовать задуманной обороны. Дружинники Игоря хватали добычу, вязали пленных, а часть войска ринулась за отступавшим противником и только к ночи вернулась.

Несмотря на небесные знаки, удача не оставила Игоря! Воины хвастались у костров дневными подвигами, делили захваченное добро. В темной ночи кричали и плакали пленные... Всей Руси доказал новгород-северский князь свою силу, военную мудрость, самостоятельность и смелость! Многим князьям теперь придется вдвойне считаться с ним при решении споров, организации походов, разделе земель. Сила его умножилась без больших потерь, а слава удесятерилась и уже летела по степи к русским пределам. Игорь ушел в поход рядовым князем, а вернется — прославленным!

С такими мыслями, справив недолгий победный пир, усталый князь лег в походном шатре. Медленно затихало разгоряченное битвой воинство. Наконец устроилось на ночлег, заснуло.

А проснулась Игорева дружина в кольце половецких копий! Беспощадный их лес за ночь обступил русский стан. Вся степь поднялась против Игоря, вся половецкая земля! Спать ложились с победой, а на заре встали в смертельном кругу.

Все, что оставалось Игорю — он старался действовать быстро и разумно, — сбить свое воинство в крепкий кулак и, держа круговую оборону, пробиваться через степь в сторону Донца, к русским границам. Князь приказал конникам спешиться, чтобы не возникло у всадников желания разбежаться — рассеяться по степи, бросив раненых и пеших. В этом случае и конных по одному настигнут, и пеших перебьют.

Сбившись в плотный клубок, отражая непрерывные атаки, дружина пробивалась в сторону Руси. Трое суток день и ночь продолжались большие и малые сшибки. В одной из них ранили Игоря в правую руку. Днем войско изнемогало от набиравшей силу степной жары, мучилось жаждой. С горечью и страхом теперь вспоминали воины небесный знак — черное солнце, так смутившее многих в начале похода. Ночами стоны раненых

не давали уснуть уцелевшим. Усталость одолевала всех — больных и здоровых, опытных и молодых.

На рассвете третьего дня, когда едва возобновились половецкие атаки и только первая волна конницы накатилась на русский стан, не выдержали и кинулись в безоглядное бегство черниговские ковуи. Сразу поняв, чем это грозит, Игорь покинул боевой порядок своего полка и бросился им наперерез. На скаку сорвал с себя боевой шелом, чтобы отступавшие узнали его, кричал и останавливал бегущих...

Тщетно! Ужас, обуявший ковуев, рассеивал полк по степи, и он уже становился добычей окружавших его степняков. Свистели арканы, сабли рассекали воздух, и победно пели жуткую песнь половецкие стрелы...

Осознав бесплодность своей попытки, Игорь бросился назад, к дружине и почти доскакал до нее — один полет стрелы отделял его от родного войска, — когда был настигнут врагами, сбит наземь и пленен. Схваченный половцами, он видел, как совсем рядом — в полуверсте, а то и меньше — бьется-изнемогает войско Всеволода. Только одно желание осталось у русского князя в этот час. И добыча, и полон, и слава — все отошло, уменьшилось до размеров песчинки и теперь не интересовало его. Одно было желание: не видеть смерти брата, вовлеченного им в губительный поход, а умереть раньше.

Связанный по рукам и ногам князь о многом успел вспомнить и задуматься за то короткое время, пока видел битву. Словно покрывало спадало с глаз: позднее прозрение вдруг заставило увидеть свои прошлые поступки в новом беспощадном свете.

Не от княжеских ли распрей, сопровождавшихся непрерывными стычками, не от неутолимого ли желания каждого из них быть первым, урвать побольше, ограбить слабого соседа, унести что можно, а что нельзя — сжечь, не от этой ли безумной братоубийственной злобы проистекало, как из отравленного источника, все, что происходило теперь в далекой южной степи?!

Битва скоро кончилась полной победой половцев. Теперь, совсем как русские несколько дней назад, ликующие недруги хватали добычу — лошадей, оружие, одежду, походную утварь. Ханы делили меж собой плененных русских князей. Игоря взял себе Кончак. Начинался долгий, иссушающий душу плен...

А дружина Игорева вся погибла. Кто в реке потонул, кто под саблей лег, кого стрела настигла. В живых осталось полтора десятка русских, а пытавшихся разбежаться и того меньше.

Половецкий плен был для русского князя почетным позором. Никто, конечно, не заставлял его гнуть спину на господина, загонять зверя на охоте, ухаживать за лошадьми и прислуживать на пирах. Напротив, Игорю выказывались все знаки почета и внимания. К нему приставили 20 сторожей, одновременно бывших и его слугами. Они не мешали князю ездить по степи куда заблагорассудится, но — только по половецкой степи! Они выполняли все его приказания, но, понятно, это не должны были быть приказы о приготовлениях к бегству.

Игорь проводил дни на ястребиных охотах, коротал время в утомительных разъездах, чтоб крепче засыпать ночью и не видеть снов, в которых часто являлась родная земля, княжеский город, близкие... Желая хоть как-то приблизиться ко всему этому, он попросил, чтобы послали кого-нибудь на Русь за священником. Просьба была исполнена. Присутствуя теперь на службах, которые устраивал немолодой уже поп, князь стал еще ярче и острее вспоминать Русь — богатые праздничные службы в многокупольных храмах, колокольный звон, весело скачущий по утренним улицам или торжественно плывущий в вечернем воздухе, поездки по монастырям, рассказы и книжные чтения монахов... Много вспоминалось такого, от чего душа начинала изнывать.

В конце концов князь решил бежать из плена. Долго размышлял Игорь, стоит ли идти князю «неславным», как тогда считалось, путем тайного бегства. Но, прослышав, что возвращающиеся из неудачного похода половцы намерены в отместку перебить всех русских пленных, Игорь решился.

В один из вечеров он послал своего конюшего к половцу Овлуру, который за время плена привязался к князю, полюбил его за открытый и прямой характер и уже не раз предлагал Игорю бежать на родину. Взяв трех коней, слуги перебрались на другой берег маленькой степной реки и затаились, поджидая князя. Сторожа, проводив Игоря на отдых в шатер-вежу, пили терпкий кумыс и веселились у костра. Выждав некоторое время, князь взял крест и походную икону-складень, поднял край половецкой вежи и выбрался в ночь. Быстро достиг реки, переправился и вскочил на приготовленного коня.

Долог оказался путь из плена. Первые двое суток, нахлестывая коней, убегали стремительно — в два дня доскакали до знаменитого Русского брода через Северский Донец. Но, безудержно спеша к русской границе, не рассчитали сил — загнали борзых коней. Горевать времени не было — до Донца, выдвинутой в степь русской крепости, было еще далеко. Без малого две недели, стороной обходя встречающиеся кочевья, убегая от погонь, хоронясь в балках от половецких разъездов, добирались пленники до русских пределов. Лишь на одиннадцатый день пути добрались до города Донца.

Едва отдохнув, Игорь вновь тронулся в путь — в родной Новгород-Северский. А оттуда вскоре пустился в объезд по русским землям, посетил многие города, многих русских князей. Везде, зная о несчастьях Игоревой рати, его встречали приветливо и радостно. Князья устраивали пиры в честь Игоря.

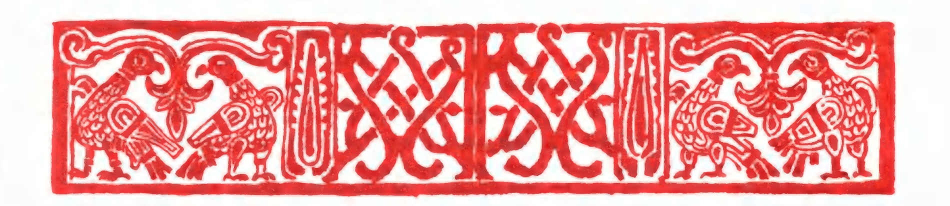
Трудно заканчивался для Руси сложный XII век. Его открыли половецкие вторжения, мощное киевское восстание и кровавые клятвопреступления князей. На какое-то время дальновидная политика Владимира Мономаха приостановила раздоры, что сразу помогло в борьбе со Степью. Но эти проблески исчезли в феодальных шквалах-усобицах и волнах внешних вторжений. Столетие заканчивалось новыми противоречиями, трагическим походом Игоря.

Но самое печальное было в том, что ослабление русских земель происходило на фоне усиления внешних врагов. На северо-западе злобно зарились на русские владения крестоносные ордена. На западе набравшие силу Литва, Польша и Венгрия то и дело объединялись для совместных вторжений в пределы Руси. На юге бесчинствовали половцы. А в далеких восточных степях вызревала чудовищная сила, с которой Руси придется сражаться целые века...

Глава IV.
ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Древнее былинное время Руси...

Оно было не только эпохой суровой борьбы за существование, упорного земледельческого и ремесленного труда, тяжелой борьбы, размирья и ежечасных потерь. Именно в эти века с потрясающей быстротой развивается древнерусская культура, стремительно, на одном дыхании достигшая византийских высот и свободно воспарившая дальше — к невиданным миром вершинам гениальных откровений.

В основе этого взлета лежало упорство и трудолюбие народа. Там и здесь, продвигаясь по большим и малым рекам, отвоевывая пашни у леса, поднимая нетронутую целину степей, русский народ создавал основы, без которых вообще не могло быть величественной архитектуры и искусного ремесла, былин, летописей и даже простой грамоты. В улицах больших и малых городов дымили кузницы — несмолкаемый стук молотов разносился во все стороны. Монотонно скрипели круги в гончарных мастерских, а в художественных подмастерья старательно растирали краски. Напряженно работали золотых дел мастера, ткачи, вышивальщицы... Целые улицы получали названия по ремесленным специальностям: Гончарный конец, Плотницкий конец, Кузнецкие ворота...

Русское ремесло, начав со скромного ученичества, быстро обрело самостоятельную силу, все чаще заставляло удивляться многое видавших иноземных купцов и путешественников. Хорезмиец аль-Бируни оставил восхищенное свидетельство о

мечах русской работы, украшенных «удивительными и редкостными узорами». Итальянец Плано Карпини поразился трону русской работы, который увидел во дворце ордынского правителя Гуюк-хана: «Трон был из слоновой кости изумительно вырезанный...» Педантичный немецкий монах Теофил, задавшийся целью определить, какие страны «в тщательности эмали и разнообразии черни преуспели», поставил Русь на второе место — после Византии, но впереди арабов, немцев, итальянцев, французов...

Особо ценили на Руси оружейников. Золоченые шлемы, удобные, тщательно изукрашенные седла, тугие, не слабевшие с годами луки, кованые, блиставшие на солнце доспехи, надежные копья, легкие и прочные кольчуги, крепкие палицы — сложное, постоянно обновлявшееся воинское снаряжение изготовлялось в русских мастерских. Слава о нем скоро пошла по всей Европе, проникла на Восток. По сей день ищут и опознают специалисты эти исторические реликвии, рассеянные от Франции до азиатских степей.

Быстрая кристаллизация на просторах Восточно-Европейской равнины обширного и могучего Древнерусского государства не могла не вызвать столь же масштабного духовного взлета. Словно по волшебству, где-то в середине X века возникла, явившись отразить непростую духовную жизнь, древнерусская литература.

Ныне ей уже 1000 лет, она старше французской, английской, немецкой литератур...

И если окинуть древнерусскую литературу единым мысленным взором, то, пожалуй, придешь к заключению, что более всего она похожа на мощный хор, в котором голоса творцов слиты в единое песнопение. Авторы многих творений неизвестны нам, сохранились лишь имена некоторых писателей: Илларион, Нестор, Кирилл Туровский, Владимир Мономах, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, Даниил Заточник...

Древнерусская литература возвышается в истории «как единое грандиозное целое, — пишет академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, — как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания».

А ведь далеко не все сохранилось и дошло до наших времен! Бесчисленные вторжения внешних врагов, яростные междоусобицы, буйные средневековые пожары, небрежное хранение и,

наконец, даже экономная скупость монастырских переписчиков, смывавших с пергамента старые тексты, чтобы написать другие, — все это во много раз уменьшило содержание древнерусской литературной сокровищницы.

Но и сохранившееся ясно говорит о высочайшей культуре, о множестве подчас неповторимых, нигде в мире не известных жанров, о разных школах-направлениях.

Чуть ли не при каждом княжеском дворе и крупном монастыре создавались летописи, а это требовало большого числа грамотных составителей и предполагало достаточно обширный круг читателей. Летописные своды были не только хронологической сводкой событий, но часто включали в себя литературные произведения и документы — исторические повести, рассказы о жизни святых, договоры, послания, воспоминания. Они должны были не только давать читателю информацию о былом, сообщать ему факты, но освещать минувшее определенным идейным светом, формировать настроения и взгляды.

Главным средоточием культуры были города — центры торговли, ремесла, архитектуры, живописи, письменности. Здесь, на невзрачных подворьях, ковались булатные мечи, шились сафьяновые сапоги, создавались изумлявшие заморских купцов ювелирные изделия, плелись тончайшие кружева, выстраивалось невиданным узором золотое шитье, писались раскрашенные киноварью книги.

В узких кривых улочках звучали хлесткие скоморошьи песни — от них с дребезжащим звоном захлопывались разноцветные стекольчатые окна богатых каменных теремов. Бесстрашно, не боясь поповской хулы, выходили на древние вечевые площади свободолюбивые русские еретики, противостоявшие церковным идеям. В городах жила книжная мудрость и широкая народная грамотность.

Каменные рукописания

Долгое время (целые века!) считалось, что грамотность на Руси была привилегией знати, а на долю простого человека оставалось якобы «примитивное» и «второсортное» устное народное творчество — былины, сказки да преследовавшиеся

церковью и властью скоморошьи песни. Мысль о том, что письменная культура развивалась в полной изоляции от народа, который о ней, собственно, и не подозревал, усердно поддерживалась попами. Средоточием письменности слыли церкви и монастыри, царский двор, княжеские и боярские терема.

Где хранились летописи, изборники, списки церковных книг, несметное количество разнообразных актов и грамот, духовных завещаний, поучений, челобитных, наставительных, утешительных и прочих посланий, поминальных списков? В церквях, княжеских, а позднее приказных архивах, в темных, скрытых от глаз монастырских хранилищах...

Кто мог дать доказательства того, что простой народ во времена седой русской старины знал грамоту, любил книгу?

Таких доказательств не было, и многим казалось, что, чем больше — год за годом — мы удаляемся от этих времен, тем ничтожнее и фантастичнее становится возможность опровержения этого косного, восходящего к феодальным временам взгляда.

Поэтому то, что сделали в последние десятилетия советские ученые, можно по праву и достоинству назвать переворотом в науке и сознании современников.

Были, конечно, кое-какие свидетельства народной грамотности. Не зря же, например, ополчались древние церковники на тех, кто «крест посекают и на стенах режут»! Что могли «резать на стенах»? Рисунки? А может, какие-то надписи? Но тогда где они? И широко ли были такие надписи распространены, широка ли была грамотность?

Первые из надписей на стенах древних храмов были обнаружены еще в XIX веке, но лишь очень узкий круг ученых обратил на них внимание. Должной оценки этим свидетельствам дано не было. Поэтому даже ученые мужи из императорской Археологической комиссии сошлись во мнении, что при ремонте собора Софии Новгородской можно «обнаруженные на стенах надписи, не представляющие особенного интереса, закрыть штукатуркой», а оставить лишь несколько надписей, каковые были признаны комиссией «интересными».

Но при реставрации собора даже это робкое пожелание ученых было забыто: церковники всячески торопили ремонт Софии, так как на этом настаивал архиепископ, «страшно утомляющийся при богослужениях» в соседней «неудобной» церкви.

И найденные надписи были закрыты свежей штукатуркой. Многие — навсегда.

И только в наше время такие надписи-граффити были найдены — в Новгороде, Киеве, Смоленске, Ладоге, Владимире,— тщательно систематизированы, опубликованы, изучены... Главный вывод из многих трудов вытекает один: грамотность в Древней Руси не была княжеской да боярской забавой, уделом ученых монахов, а встречалась повсеместно, была обычным явлением. Это потом, в течение долгих веков крепостного права, дикие русские помещики, онемеченная царская знать, бюрократы-переписчики, наживавшиеся на составлении бумаг, да попы-мракобесы пытались вытравить из народа не только саму грамотность, но даже и память о ней. Из таких темных стремлений, дворянского ханжества и поповского фарисейства рождались злобные легенды и напыщенные «ученые» мнения о безграмотном от века русском мужике.

«Иван писал».

«Стефан писал, когда расписывали святую Софию».

«Радко писал в лето 6620». (Это 1112 год.)

«Хотец писал в беде тот. О, святая София, избави мя от беды!»

«Олисей, раб Христов, писал».

«Вячеслав писал».

«Микула писал».

«Ох, тошно Геребену, грешнику!»

Вот лишь несколько кратких автографов древних новгородцев на стенах храма святой Софии. А ведь их многие сотни! Среди авторов надписей — Федор, Кулотка, Местята, Побратослав, Гереша, Борька, Глеб, Белько, Петр, Мина, Михаил, Лавр, Гюрьга, Павел, Остромир, Далята... Ряд этот можно продолжать долго. Иногда надписи бывали коллективными: «Ярополча дружина писали: Радочен, Андрей, Петр, Радигост».

Инструмент для письма почти у всех был под рукой. Во время археологических раскопок ученые часто находили костяные, металлические или деревянные стержни с острием на одном конце и маленькой лопаточкой на другом. В них имелось отверстие, видимо, для шнурка, с помощью которого стержни крепились к поясу.

Назначение этих предметов почти 100 лет было загадкой. Их находили в Киеве и Пскове, Новгороде и Чернигове,

Смоленске, Рязани и еще в двух десятках древнерусских городов. Чему они служили? Сначала назвали стержни «булавками». После появилось другое объяснение—«ложечки для церковного причастия». Потом третье — «инструмент для обработки кожи». Кто-то объявил их «обломками браслетов»... Ясно было, что это обыденные, повседневно нужные древнему человеку вещи, потому и встречаются они повсюду в большом количестве. Но для чего и кому они бывали нужны, оставалось непонятным, пока не произошло одно из крупнейших открытий отечественной археологии — находка берестяных грамот. Оказалось, что стержни — это «писала», с помощью которых чертили буквы по бересте. Привешенные к поясу, они и в церкви были под рукой. Поэтому столь часты надписи-граффити на стенах древних храмов. Обычай этот угасает, как точно подметил советский археолог Валентин Лаврентьевич Янин, только в XVI веке, когда дешевая бумага и чернила вытесняют из употребления бересту, а вместе с ней и ставшие ненужными «писала». Их исчезновение обусловило и исчезновение граффити на стенах соборов — теперь под рукой не было нужного инструмента.

Иногда авторы надписей не ограничивались краткими автографами, которые должны были запечатлеть их присутствие в святом храме. И тогда буйный веселый нрав новгородского удалого молодца вдруг проглянет из надписи, нацарапанной на стене 1000 лет назад.

«Якиме стоя усне, — написал один из них про заснувшего на долгой службе друга, — а рта и о камень не ростепе [не откроет. — *Авт.*]». То-то, наверно, посмеялся написавший, разбудив приятеля в конце службы!

А какие-то друзья — не разлей вода, — по обычаю, восходящему к языческим верованиям, на лестнице внутри храма устроили настоящий пир-братчину да еще оставили на центральном столбе лестничной башни свидетельство о своем веселье: «Радко, Хотко, Сновид, Витомир испили лаговицу [сосуд вина. — *Авт.*] здесь повелением Угрина. Да благослови бог то, что нам дал! А ему [щедрому Угрину] дай спасение! Аминь!» Вот так новгородское веселье, рядясь в благообразную церковную одежду, проникало даже в святой храм.

Кто не осмеливался на такую дерзость, искал себе развлечений потише и поскромнее, чтобы хоть чем-то заняться во время службы. Разговаривать в храме поп не велит, так кто-то

приятелю на стене загадку нацарапал — пусть отгадает! «Гололе железный, камяны перси, медяная голова, липова челюсть, в золоте...» Что такое? «Гадай, гадай, приятель! А выйдем из церкви — отгадку скажу! Это же храм божий! Голос-звон железный у него, грудь каменная, голова — медный купол, золотом крытый, а липовая челюсть — легкое крыльцо!..»

Скрупулезно, шаг за шагом были обследованы учеными стены многих древних зданий, открыты тысячи надписей, свидетельствующих о широком распространении грамотности на Руси. Большинство авторов надписей в церквях — безвестные простые люди, но найдены и автографы знаменитых людей древности. В киевском храме святой Софии академик Борис Александрович Рыбаков нашел автограф самого Владимира Мономаха!

Тысячи надписей, многие сотни имен открылись на каменных стенах древних построек, стали неопровержимыми доказательствами широкой грамотности древнерусского люда. И если еще оставались сомневающиеся в этом, то судьба уготовила им незавидную роль людей, окончательно посрамленных в своем упрямстве. Произошло это в последние 30 лет, а началось в обычный день 26 июля 1951 года.

«Я этой находки ждал двадцать лет!»

Есть странная закономерность в том, что большие открытия совершаются в будничной, начисто лишенной не только какого-то величия, но даже и малой торжественности обстановке. Архимед сидел в ванне, когда его осенило понимание закономерностей взаимодействия жидкости и помещенного в нее твердого тела. Ньютон обязан открытием закона всемирного тяготения падению переспелого яблока. Великая периодическая система элементов явилась Д. И. Менделееву во сне, и он записал ее, поднявшись с постели, едва одетый...

День 26 июля 1951 года был обычным в длинной череде рабочих будней Новгородской археологической экспедиции. Продолжалась тяжелая, не первый год ведущаяся работа. Она приносила много находок, но эти следы материальной

культуры древности, при всей неожиданности каждой конкретной находки, все же были... ожидаемы. Они лишь дополняли картину известного новыми штрихами, являлись камешками в огромной мозаике, общие контуры которой были известны ученым.

Но 26 июля 1951 года сместились многие традиционные представления.

Все началось, как рассказывает советский археолог Валентин Лаврентьевич Янин, со спора начальников двух участков, на которые делился большой археологический раскоп: кому срывать лопатами земельную бровку-границу, разделявшую участки. Поспорили, и один, ловкий и говорливый, доказал, что это не его дело. Знай он, что покоится под невзрачной узкой грядкой сухой земли, конечно сам бы схватил лопату, а не будь ее — руками раскопал бы и просеял землю. Под этой бровкой 500 лет лежала, ждала своего часа берестяная грамота, навсегда получившая в науке порядковый номер 1. Ее нашла молодая работница Нина Федоровна Акулова. Когда через несколько минут грамоту передали руководителю экспедиции Артемию Владимировичу Арциховскому, он от волнения слова не мог сказать, а совладав с собой, крикнул, как свидетельствуют очевидцы, «не своим голосом»: «Премия — сто рублей! Я этой находки ждал двадцать лет!»

Так совершилось одно из самых значительных открытий отечественной археологии. Не золотые маски, не усыпанные драгоценными камнями саркофаги, не курганы, набитые сокровищами... Невзрачные рваные куски свернутой бересты... Но нет цены этим свидетельствам древней жизни нашего народа.

В первой грамоте, точнее, в сохранившихся фрагментах был прочитан перечень повинностей, которые шли с нескольких сел в пользу какого-то Фомы. Потом появилась вторая, третья, десятая, сотая...

Через берестяные грамоты ученым открылся внутренний мир древнего Новгорода. Перечни повинностей, памятные записки о долгах, распоряжения по хозяйству, предложения о вступлении в брак, угрозы, жалобы, обращения в суд, завещания, просьбы, молитвы, приказы, договоры, детские упражнения в письме и счете, распоряжения Совета новгородских господ, письма-донесения о борьбе с иноземцами... Жизнь во всех проявлениях, полная разнозвучащих голосов.

В новом свете предстают теперь и давно известные былинные запевы. Учеба грамоте была широко распространена, потому и в сказаниях о ней упоминается как о деле обычном:

Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Учить его грамоте.
А грамота ему в наук пошла.
Присадили пером его писать —
Письмо Василью в наук пошло...

Так учился грамоте былинный удалец новгородец Василий Буслаев. И учение даром не пропало — пригодилось, когда Василий задумал собирать дружину. Он начал дело с составления многочисленных «ярлыков скоропищатых», которые разослал во все улицы и переулочки Новгорода. Прочитав их, пришли на широкий двор Буслаева его сподвижники — и крепкоголовый Костя Новоторженин, и братья-боярченки Лука да Мосей, и семь «братов Сбродовичей» — всего тридцать человек без единого...

Число найденных берестяных грамот (а именно такими были скорее всего и «ярлыки» Василия Буслаева) увеличивается непрерывно, сейчас их уже более шести сотен — таков итог 30 лет непрерывных работ Новгородской экспедиции. Растет число упомянутых в них людей — их уже тысячи, — деревень, рек, событий, дел. «И можно искренне позавидовать будущим историкам, — считает В. Л. Янин. — Они, сосредоточив в своих руках тысячи берестяных писем, будут знакомы с доброй половиной средневековых новгородцев и услышат от них ответ на любой вопрос, встающий в процессе исследования. Для них стена столетий рухнет и взору предстанет живая картина средневекового города, сверкающего сотнями красок и наполненного шумом тысячи голосов». Все разнообразнее становится этот слышимый внимательному исследователю гомон древнего новгородского люда, навсегда запечатленный грамотами. Многое в истории Новгорода и всей Древней Руси благодаря им проясняется, видится четче и рельефнее. Но вместе с тем грамоты ставят новые вопросы. Ведь каждая из них — уникальный человеческий документ и почти каждая — загадка, требующая для истолкования широких знаний, настой-

чивости, остроумия. О решении таких задач, связанных с расшифровкой, толкованием и объяснением грамот, ярко рассказал в своей замечательной книге «Я послал тебе бересту» руководитель Новгородской археологической экспедиции Валентин Лаврентьевич Янин, давший объяснения сотням грамот. Но загадок осталось немало — хватит многим пытливым умам. Когда листаешь 7-томное академическое издание «Новгородские грамоты на бересте» и внимательно вчитываешься в древние, чаще всего отрывочные (только четверть найденных грамот сохранилась целиком, остальное — фрагменты) тексты, вопросы возникают один за другим. На какие-то ответ уже дан, а другие загадки еще только ждут его...

Вот, например, грамота № 311, найденная в 1957 году возле мостовой Великой улицы.

По начертанию букв и месту залегания она уверенно датируется рубежом XIV и XV веков. Перевод ее не представил большого труда: «Господину своему Михаилу Юрьевичу крестьяне твои Черенщане челом бьют, те что ты отдал деревеньку Климецу Опарину. А мы его не хотим. Не суседний человек. Своевольно поступает».

Кто такой Михаил Юрьевич, определилось сразу: так звали сына знаменитого новгородского посадника Юрия Онцифоровича. Было знакомо и название местности Черенщани: оно уже встречалось в другой грамоте, адресованной, кстати, тому же Михаилу Юрьевичу.

А вот кто такой по своему социальному положению Климец Опарин? В каких отношениях находился он с крестьянами-черенщанами? А. В. Арциховский предположил, что Климец — мелкий вассал могущественного посадничьего сына, получивший от своего хозяина деревню во временное владение. Почему временное? Потому что в случае полной и окончательной передачи, считал ученый, крестьяне уже не могли бы жаловаться Михаилу Юрьевичу. А доводы, выдвинутые черенщанами, А. В. Арциховский объяснил следующим образом. «Не суседний человек», — очевидно, Климец слишком далеко живет. И к тому же «своевольно поступает». Но отдаленность местожительства феодала вряд ли могла служить причиной такой резкой отрицательной реакции крестьян (к слову сказать, далеко от черенщан жил и Михаил Юрьевич). Эта отдаленность часто бывала даже выгодна крестьянам, так как при этом ослабевал контроль со стороны феодала, что увеличивало

возможности утайки части выращенного урожая от владельца и уменьшало поборы.

Через 10 лет после находки грамота привлекла внимание крупнейшего знатока русского средневековья, академика Льва Владимировича Черепнина. Он дал фразе «не суседний человек» другое толкование. Челобитчики, по его мнению, «считают, что Климец Опарин не имеет права владеть деревней, так как он не является совладельцем земли, принадлежащей Михаилу Юрьевичу». Но и такое прочтение сразу вызывает сомнение: можно ли поставить знак равенства между понятиями «не суседний человек» и «не совладелец»?

Третий исследователь грамоты, В. Л. Янин, склонился к объяснению Л. В. Черепнина, считая, что крестьяне-черенщане соглашаются подчиниться лишь «суседнему» человеку, то есть компаньону Михаила Юрьевича, и потому отвергают Климеца, который как-то завладел деревней.

Таким образом, историками высказаны два мнения о том, кто такой Климец Опарин: мелкий вассал Михаила Юрьевича или мелкий самостоятельный владелец, купивший деревеньку. Однако ключевая фраза грамоты — «не суседний человек» — осталась при этом не вполне понятной. А полное и непротиворечивое истолкование грамоты можно дать, если признать Климеца не мелким феодалом, а... крестьянином-новоприходцем, который, договорившись с Михаилом Юрьевичем, обосновался в пустовавшей деревеньке по соседству с черенщанами! Тогда недовольство крестьян и их доводы выступят как взаимосвязанные части одного целого. Климец Опарин — «не суседний человек» — оказался плохим соседом, то есть членом крестьянской общины, поскольку выступил своевольным, не считающимся с интересами других хозяином. Вероятнее всего это своеволие касалось пользования какими-то общинными угодьями — охотничьими, рыболовными, лесными или луговыми.

Неизвестно, пошел ли Михаил Юрьевич навстречу требованиям крестьян, отказавшихся принять в свой круг своевольного хозяйчика. Не исключено, что он вынужден был согласиться: в противном случае, воспользовавшись существовавшим тогда правом крестьянского выхода, от него могли уйти другие земледельцы.

А вот другой пример. В 1954 году там же, у мостовой на Великой улице, на глубине в 5 метров 58 сантиметров были найдены несколько кусков разорванной грамоты, относя-

щейся к XII веку. Когда их сложили, получились обрывки письма, в котором можно прочесть лишь несколько слов: «От Прокши к Нестеру. Не ходь ко Шедре...». Прокша и Нестер уже были известны ученым. В одной из ранее найденных грамот Прокша не советовал Нестеру платить виру — судебный штраф за убийство: «От Прокши к Нестеру. Шесть гривен плати, а виры не плати...». Этот совет-указание Нестеру, который то ли сам является убийцей, то ли, может быть, представляет в суде интересы совершившего преступление Прокши, тоже сохранился не целиком, далее на обрывке можно разобрать лишь слова «на плот» да начало двух имен: «Домит...» (Домитрей?) и «Жиро...» (Жирослав?). Скорее всего в грамоте после указания не платить виры и не сознаваться, таким образом, в убийстве разъяснялись подробности схватки, случившейся, возможно, на плоту. Но это только предположение.

И вот следующая грамота: «От Прокши к Нестеру. Не ходь ко Шедре...». А дальше вновь неясно, о чем речь, несвязанные обрывки.

Все ученые увидели в Шедре женщину. Других объяснений не было. «Имя Шедра (по-видимому, женское), — писал А. В. Арциховский, — встречено впервые». Но дальше мнения разошлись. Некоторые усмотрели в короткой фразе драматическую любовную историю и решили, что влюбленный Прокша угрожает Нестеру из ревности: «Не ходи к Шедре!» А может быть, полагали другие, стоит рассудить иначе, помня о предыдущей грамоте. Вдруг убийце Нестеру подготовлена у Шедры западня мстительными родственниками убитого? Тогда мы имеем дело не с угрозой, а с заботливым предупреждением друга-сообщника.

Есть и третье толкование. Может, Шедра вовсе и не женское имя, а... географическое название — река, деревня, местность. Была ведь в древней Новгородчине речка Шидрова! А может, это видоизмененное название Жедрицкого погоста, известного по писцовым книгам XVI века? И тогда Прокша вовсе не влюбленный в Шедру новгородец, пославший Нестеру письмо с угрозой-предупреждением, а верный сообщник Нестера, предостерегающий его от поездки в место, где затаилась опасность...

А сколько грамот еще лежит в Новгородской земле! Валентин Лаврентьевич Янин приблизительно определил число неоткрытых свитков, сопоставив территорию, охваченную

сегодня раскопками (на ней найдено около 600 грамот), со всей площадью древнего Новгорода. Цифра получилась фантастическая! Примерно 20 тысяч свитков еще покоятся в земле, ждут того, кто откроет их, прочтет и объяснит! Не тебя ли, читатель?

«Города, величеством сияющие...»

Родная земля сохранила для нас не только небольшие свитки бересты или совсем маленькие ювелирные украшения — перстни, подвески, бусины... Она заботливо укрыла и сберегла целые древние города — основания и отдельные части крепостных стен, валов и рвов, фундаменты громадных соборов, остатки деревянных усадеб, мощеные улицы и площади...

Городов на Руси было много.

Еще в первой половине IX века, когда в землях восточных славян появились знавшие почти весь тогдашний мир викинги, Русь, поразившая их богатством, навсегда вошла в скандинавские саги под именем Гардарик — «страны городов». Главнейшими среди них были Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Рязань, Суздаль...

Много легенд и сказаний связано с основанием старейшего русского города Киева — «матери градов русских». История его возникновения уже в летописные времена — в XI—XII столетиях — терялась в глубине веков, и потому в «Повесть временных лет» попали не точные известия, а рассказ, сплетенный из противоречивых преданий.

«И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь, — записал летописец услышанное от кого-то предание. — Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами...

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком, — продолжает дальше, возражая каким-то противникам,

летописец. — Был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царь-граду! А между тем Кий этот княжил в роде своем и ходил он к царю — не знаем только к какому царю, — сожалел ученый монах, понимая, что в этом большая слабость его рассуждений, — но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, царь, при котором он приходил».

Первоначально Киев занимал небольшую площадь, но со временем она расширилась. К концу X века он уже вошел в число богатейших городов Европы и ему стало тесно в границах старых укреплений. Князь Владимир Святославич решил соорудить вокруг Киева новую оборонительную стену. Прорезанные в ней южные ворота получили название Софийских. Перед ними был сооружен глубокий ров, наполненный водой. А для проезда в город был сооружен основательный каменный мост.

Центральным сооружением «города Владимира» стала прекрасная Десятинная церковь, богато украшенная мраморными колоннами и плитами. Для строительства ее были выписаны на Русь византийские мастера.

В первой половине следующего, XI века вновь начинаются в Киеве грандиозные строительные работы. «Заложил Ярослав город велик, у него же града суть Золотые врата, заложил и церковь святой Софии, митрополию, а затем церковь святой Богородицы, а затем монастырь святого Георгия и святой Ирины...» Такое сообщение помещено в «Повести временных лет» под 1037 годом. Оборонительные валы «города Ярослава» непосредственно примыкали к укреплениям «города Владимира» — так создавалась единая в своей преемственности система оборонительных сооружений Киева.

Трое ворот вели в «город Ярослава». Главными являлись Золотые ворота, окруженные валами высотой в 14 метров! Золотые ворота и законченный вскоре Софийский собор стали новыми символами русской столицы. Величественная — «о тринадцати верхах» (куполах)! — София Киевская была богато украшена на щедрые пожертвования Ярослава Мудрого «золотом, серебром и сосудами церковными».

«Ум человеческий не в силах ее обнять!» — воскликнул путешественник-иностранец, пораженный великолепием храма.

13 куполов Софии, могучая ступенчатая пирамидальность огромных и словно перетекающих друг в друга архитектурных объемов — все это поражало и действовало на душу средневекового человека, по точному определению Карла Маркса, «как нечто материальное».

Киев гордился Софией, «дивной всем окружным странам», а София увеличила безмерно славу Киева, в котором было в период расцвета 400 церквей!

Размах каменного строительства в русской столице был невиданным. Во второй половине XI — начале XII века идет интенсивная застройка восточной части «города Ярослава» — Михайловской горы. Расположенный здесь Михайловский монастырь был окружен земляными укреплениями. Эта часть Киева получила название «города Святополка».

Центральная укрепленная часть Киева — «гора» — занимала большое пространство и не знала себе равных во всей Европе. Жили здесь самые богатые киевляне — князь с ближними дружинниками, духовенство, бояре, купцы. «Гора» со всех сторон была окружена посадами, крупнейшим из них был знаменитый Подол, где обитали ремесленники да мелкий торговый люд. На Подоле находилось торговище — самая древняя и большая торговая площадь Киева. А всего в городе насчитывалось 8 рынков — таков был размах торговли в древнерусской столице.

Со всех сторон Киев был окружен кольцом монастырей и укрепленных поселков — охранять подступы к столице понуждала суровая внешняя опасность.

Строилась не только столица — работа мастерам древоделам и каменотесам была практически во всех русских городах. Растущее величие Руси явственно проглядывает и в могучей Софии Новгородской, построенной в северном Господине-городе сыном Ярослава Мудрого Владимиром. Она словно стала образом растущего Новгорода — могучая, увенчанная шлемовидными куполами, белая, как северный снег, сложная и просторная, как необозримая Новгородская земля...

А в другом конце Руси — в Чернигове строг и торжествен стоит построенный (еще за год до Софии Киевской!) Ярославовым братом-соперником Мстиславом собор Спаса. Купола его, устремляясь ввысь с могучего и устойчивого основания, олицетворяли силу поднимающейся Черниговской земли.

Но затем, к XII столетию, каменное строительство на Руси замирает почти на полвека, приостановленное непрерывными распрями правителей. Оно оживает только во второй половине столетия в белокаменном зодчестве Владимиро-Суздальской Руси. В этих краях, где только-только возникла завязь будущего централизованного государства, в суздальских, владимирских, переяславских храмах-богатырях получает новую жизнь древняя традиция.

Все они широко и прочно поставлены на родную землю, навечно утверждая свою принадлежность и приверженность к ней. Строгие, увенчанные, как правило, одним куполом-шеломом, они стоят на высоких местах, как чуткие недремлющие стражи родной земли. Видимые отовсюду храмы как бы все время напоминали о себе человеку, не давая ему забыть о церкви, о боге.

Внешние украшения этих соборов скромны, а узкие окна подчас напоминают крепостные бойницы... Пройдет полвека, и во многих местах они действительно станут последними оплотами в ожесточенной битве с татаро-монгольскими завоевателями. Так будет в Киеве, Владимире, Рязани и во многих других местах.

Северо-Восточная Русь менее чем за один век превратилась из далекого захолустного угла распавшейся киевской державы в семью независимых и сильных, соперничающих со всеми другими землями княжеств. И, принимая от Киева эстафету общерусского первенства, новый стольный град Владимир не мог не украситься величественными соборами, о которых во всех землях говорили бы целые века.

Первым из них стал воздвигнутый при Андрее Боголюбском Успенский собор. Встав на береговой круче в центре города, он словно воцарился над округой, подобно тому как владимирский князь властвовал теперь над многими землями — даже великий Киев склонил перед ним гордую древнюю голову. В новый собор, щедро украшенный золотом, серебром, «многоразличными иконами, дорогим каменьем без числа и сосудами церковными», поместили главную русскую святыню — икону Владимирской богоматери, некогда привезенную на Русь из Византии. Окруженная церковным великолепием богоматерь, как тогда верили, охраняла и берегла княжество.

Преемник Андрея Боголюбского Всеволод распорядился построить во Владимире еще один собор — Дмитриевский. Он

был воздвигнут всего за 4 года. Царственная внешность белокаменной громады, сплошь изукрашенной фантастической скульптурной резьбой по камню, никого не могла и до сих пор не может оставить равнодушным.

Мощное четырехстолпное тело собора символизировало силу растущего год от года Владимирского княжества, правитель которого мог «Волгу веслами расплескать и Дон шеломами вычерпать». А вознесенный ввысь круглый барабан главы собора, увенчанный шлемовидным куполом, явственно говорил каждому, кто бросал взгляд на храм, о единовластии, столь необходимом Руси перед лицом многочисленных врагов.

Строили Дмитриевский собор русские мастера да несколько греков. Когда задумывали строительство, то сначала намеревались пригласить мастеров «из немец». Но скоро отказались от этой мысли, зная тяжеловесность многих западных соборов, их несоответствие русским представлениям о красоте.

Мастера, призванные из ближних и дальних мест, не подкачали. Строить решили не из плоского темного кирпича-плинфы, как в Киеве или Царьграде, а из неповторимо-белого камня, кубы которого с изумительной точностью пригоняли один к другому. Потому и получился храм невиданно красивым.

Но мало этого! Все четыре стороны собора и мощный барабан, стоящий на его могучих плечах, были покрыты искусной резьбой, мерцающей издалека, словно богатая парчовая одежда. Резала камень большая артель в 40 человек. Были среди камнерезов, как угадывается по манере и технике работы, несколько греков и болгар, но большинство составляли русские мастера, ибо во многих скульптурах, каменных узорах, изображениях зверей и птиц проглядывают многовековые традиции русского прикладного искусства, не имеющие подобий в других странах.

Строители знали, как строят храмы в иных землях, и применили эти знания, когда воздвигали Дмитриевский собор. Но и византийские, и западно-европейские влияния, хотя и угадываются подчас в его линиях и объемах, были переплавлены мастерами в самобытное русское зодчество.

А в промежутке между строительством Успенского и Дмитриевского соборов, соперничающих в величавом мужестве и высказывающих своей архитектурой редкую силу и

уверенность, была построена на излучине реки Нерли церковь Покрова.

По преданию, Андрей Боголюбский указал воздвигнуть ее после смерти любимого сына, чтобы утешиться в своей печали.

Храм этот сохранился до наших дней благодаря счастливой случайности. В конце XVIII века игумен соседнего Боголюбова монастыря добился у владимирского епископа разрешения на... разрушение малодоходной церкви. Из ее кирпича предполагалось быстренько построить собор где-нибудь на бойком месте — там доход попам будет побольше. К нашему счастью, не сошлись в цене заказчик и подрядчик: скупость заспорила с алчностью, и дело зашло в тупик. Храм сохранился!

На всей Руси нет строения поэтичнее и светлее!

Можно ли в холодном камне выразить и слить воедино нежность и печаль, светлую грусть и спокойные глубокие мысли о человеческом бытии? Можно ли облечь их сдержанным величием и сказочной невероятной простотой архитектурной формы, легко преодолевающей тяжесть камня?

Тот, кто видел храм Покрова на Нерли, ответит утвердительно.

Собор этот, нерасторжимо слитый с окружающей природой, как бы являет нам собрание лучших человеческих чувств, гениально выраженных великим архитектором русской древности. Они застыли в его загадочно-простых пропорциях, но пробуждаются в душе каждого, кто смотрит на устремленные ввысь летучие — и в то же время спокойные — линии...

Постройка величественного храма, затейливо украшенного княжеского дворца или мощного детинца были событиями в жизни княжества, а то и всей Русской земли. Потому упоминания об этом и попадали на пергаментные страницы летописей. А то, что было обыденно и привычно, из чего сплеталась канва каждодневной жизни людей в сотнях городов и тысячах сел, мало интересовало летописца. Понятна и объяснима запись о закладке «города Ярослава»—какое событие свершилось! Но кому придет в голову подробно описывать на дорогом пергаменте долговечными чернилами устройство дома, в котором живет простой горожанин или сельский смерд? Кривые улицы городов были тесно уставлены тысячами таких жилищ — какой же интерес сообщать о них читателю, который сам ежеднев-

но видел их? Лишь иногда мелькнет в летописи упоминание о «избе» или «истобке», в которой томился герой какого-нибудь рассказа или свершилось черное злодеяние, но объяснять ее устройство и в голову не приходило: кто ж этого не знает?

Но прошли века, и то, что было привычным бытовым окружением древнего человека, исчезло, истлело, сменилось новыми формами и... стало тайной! Открывать ее пришлось долгой упорной работой многих ученых — археологов, этнографов, историков архитектуры...

Где жил простой человек — землепашец, ремесленник? Как устраивал жилище тот, кто был побогаче, — хитрый торговец или мелкий феодал, княжий слуга или поп-грамотей?

Как выглядел древний дом?

Как он строился и менялся со временем?

Теперь благодаря усилиям ученых многое стало известным.

На юге, в Киевской земле и вокруг нее, во времена Древнерусского государства главным видом жилища была полуземлянка. Строить ее начинали с того, что рыли большую квадратную яму-котлован глубиной примерно в метр. Потом вдоль стенок котлована начинали сооружать сруб, или стенки из толстых плах, укрепленных врытыми в землю столбами. Сруб возвышался из земли тоже на метр, а общая высота будущего жилища с надземной и подземной частью достигала, таким образом, 2—2,5 метра.

С южной стороны в срубе устраивали вход с земляными ступенями или лесенкой, ведущей в глубину жилища.

Поставив сруб, принимались за крышу. Ее делали двухскатной, как и у современных изб. Плотно покрывали досками, сверху накладывали слой соломы, а потом толстый слой земли. Стены, возвышавшиеся над землей, тоже присыпали вынутым из котлована грунтом, так что снаружи и не видно было деревянных конструкций. Земляная засыпка помогала удержать в доме тепло, задерживала воду, предохраняла от пожаров.

Пол в полуземлянке делали из хорошо притоптанной глины, досок же обычно не настилали.

Покончив со стройкой, принимались за другую важную работу — сооружали печь. Устраивали ее в глубине, в дальнем от входа углу. Делали печи каменными, если водился какой

камень в окрестностях города, или глиняными. Обычно они были прямоугольными, размером примерно метр на метр, или круглыми, постепенно сужающимися кверху. Чаще всего в такой печи было только одно отверстие — топка, через которую закладывались дрова и выходил прямо в помещение, согревая его, дым. Сверху на печке устраивали иногда глиняную жаровню, похожую на громадную, намертво соединенную с самой печью глиняную сковороду, — на ней готовили пищу. А иногда вместо жаровни делали отверстие на вершине печи — туда вставляли горшки, в которых варили похлебку.

Вдоль стен полуземлянки устраивались лавки, сколачивались дощатые лежанки.

Жизнь в таком жилище была непростой. Размеры полуземлянок невелики — 12—15 квадратных метров, в непогоду сочилась внутрь вода, постоянно разъедал глаза жестокий дым, а дневной свёт попадал в помещение, только когда открывалась маленькая входная дверь. Поэтому русские умельцы древоделы настойчиво искали пути улучшения жилища. Пробовали разные способы, десятки хитроумных вариантов и постепенно, шаг за шагом добились своего.

На юге Руси упорно работали над совершенствованием полуземлянок. Уже в X—XI веках они стали более высокими и просторными, словно подросли из земли. Но главная находка была в другом. Перед входом в полуземлянку стали сооружать легкие тамбуры-сени, плетеные или дощатые. Теперь холодный воздух с улицы уже не попадал прямо в жилище, а прежде немного согревался в сенях. А печь-каменку перенесли от задней стенки к противоположной, той, где был вход. Горячий воздух и дым из нее выходили теперь через дверь, попутно согревая помещение, в глубине которого стало чище и уютнее. А кое-где появились уже и глиняные трубы-дымоходы.

Но самый решительный шаг древнерусское народное зодчество сделало на севере — в новгородских, псковских, тверских, полесских и иных землях.

Здесь жилище уже в IX—X веках становится наземным и срубные избы быстро вытесняют полуземлянки. Объяснялось это не только изобилием сосновых лесов — доступного всем строительного материала, но и другими условиями, например близким залеганием грунтовых вод, от которых в полуземлянках господствовала постоянная сырость, что и вынудило отказаться от них.

Срубные постройки были, во-первых, гораздо просторнее полуземлянок: 4—5 метров в длину и 5—6 в ширину. А встречались и просто громадные: 8 метров в длину и 7 в ширину. Хоромы! Размер сруба ограничивался только длиной бревен, которые можно было найти в лесу, а сосны росли высоченные!

Перекрывались срубы, как и полуземлянки, крышей с земляной засыпкой, а каких-либо потолков в домах тогда не устраивали. К избам часто примыкали с двух, а то и с трех сторон легкие галереи, соединяющие две, а то и три отдельно стоящие жилые постройки, мастерские, кладовые. Таким образом, можно было, не выходя на улицу, пройти из одного помещения в другое.

В углу избы помещалась печь — почти такая, как в полуземлянке. Топили ее, как и прежде, по-черному: дым от топки шел прямо в избу, поднимался вверх, отдавая тепло стенам и потолку, и выходил через дымовое отверстие в крыше и высоко расположенные узкие оконца наружу. Натопив избу, отверстие-дымоволок и маленькие оконца закрывали дощечками-задвижками. Лишь в богатых домах оконца бывали слюдяные или — совсем редко — стекольчатые.

Много неудобств доставляла обитателям домов сажа, сначала оседавшая на стены и потолок, а потом падавшая оттуда большими хлопьями. Чтобы хоть как-то бороться с черной «сыпухой», над лавками, стоявшими вдоль стен, устраивались на 2-метровой высоте широкие полки. На них-то и падала, не мешая сидящим на лавках, сажа, которую регулярно убирали.

Но дым! Вот главная беда. «Горести дымные не терпев, — восклицал Даниил Заточник, — тепла не видати!» Как бороться с этой всепроникающей напастью? Умельцы строители нашли выход, облегчивший положение. Стали делать избы очень высокими — 3—4 метра от пола до крыши, гораздо выше, чем те старые избы, что сохранились еще в наших деревнях. При умелом пользовании печью дым в таких высоких хоромах поднимался под крышу, а внизу воздух оставался мало задымленным. Главное — хорошо протопить избу к ночи. Толстая земляная засыпка не давала теплу уйти через крышу, верхняя часть сруба хорошо прогревалась за день. Поэтому именно там, на 2-метровой высоте, стали устраивать просторные полати, на которых спали всей семьей. Днем, когда топилась печь и дым заполнял верхнюю половину избы, на

полатях никого не было — жизнь шла внизу, куда все время поступал свежий воздух с улицы. А вечером, когда дым выходил, полати оказывались самым теплым и удобным местом...

Так жил простой человек.

А кто побогаче, строил избу посложнее, нанимал лучших мастеров. В просторном и очень высоком срубе — деревья для него выбирали в окрестных лесах самые длинные — делали еще одну бревенчатую стену, делившую избу на две неравные части. В большей все было как и в простом доме — слуги топили черную печь, едкий дым поднимался вверх и согревал стены. Согревал он и ту стенку, которая разделяла избу. А эта стена отдавала тепло в соседний отсек, где на втором этаже устраивалась спальня. Пусть было здесь не так жарко, как в задымленном соседнем помещении, но зато «горести дымной» не было вообще. Ровное спокойное тепло текло от бревенчатой стены-перегородки, источавшей к тому же приятный смолистый запах. Чистые и уютные получались покои! Украшали их, как и весь дом снаружи, деревянной резьбой. А самые богатые не скупились и на росписи цветные, приглашали умельцев краснописцев. Веселая и яркая сверкала на стенах сказочная красота!

Дом за домом вставал на городских улицах, один другого затейливее. Быстро множилось и число русских городов, но об одном стоит сказать особо.

Еще в XI веке возникло укрепленное поселение на 20-метровом Боровицком холме, который венчал остроконечный мыс в месте впадения речки Неглинной в Москву-реку. Холм, разбитый естественными складками на отдельные участки, был удобен и для заселения, и для обороны. Супесчаные и суглинистые почвы способствовали тому, что дождевые воды с обширной вершины холма сразу скатывались в реки, земля была сухой и пригодной для разного строительства.

Крутые 15-метровые обрывы защищали поселок с севера и юга — со стороны Неглинной и Москвы-реки, а на востоке его отгораживали от прилегающих пространств вал и ров. Первая крепость Москвы была деревянной и много веков назад исчезла с лица земли. Археологам удалось найти ее остатки — бревенчатые укрепления, рвы, валы с частоколом на гребнях. Занимал первый детинец лишь небольшой кусочек современного московского Кремля.

Место, выбранное древними строителями, было исключительно удачным не только с военной и строительной точек зрения.

На юго-востоке прямо от городских укреплений к Москве-реке спускался широкий Подол, где располагались торговые ряды, а на берегу — постоянно расширявшиеся причалы. Издалека видимый шедшим по Москве-реке ладьям городок быстро стал излюбленным местом торговли для многих купцов. Оседали в нем ремесленники, обзаводились мастерскими — кузнечными, ткацкими, красильными, сапожными, ювелирными.

Увеличивалось число строителей-древоделов: и крепость надо устраивать, и тын городить, причалы сооружать, улицы мостить деревянными плахами, дома, торговые ряды и храмы божьи отстраивать...

Раннемосковское поселение быстро росло, и первая линия земляных укреплений, сооруженная в XI веке, скоро оказалась внутри расширявшегося города. Поэтому, когда город занял уже большую часть холма, были воздвигнуты новые, более мощные и обширные укрепления.

К середине XII столетия город, уже вполне отстроенный, стал играть важную роль в обороне растущей Владимиро-Суздальской земли. Все чаще появляются в пограничной крепости князья и воеводы с дружинами, останавливаются полки перед походами.

В 1147 году крепость впервые упомянута в летописи. Князь Юрий Долгорукий устроил здесь военный совет с союзными князьями. «Приди ко мне, брате, в Московь», — написал он своему родственнику Святославу Олеговичу. К этому времени город стараниями Юрия был уже очень хорошо укреплен, иначе князь не решился бы собирать здесь своих соратников: время было неспокойное.

Тогда никто не знал, конечно, великой судьбы этого скромного города.

В XIII веке он будет дважды стерт с лица земли татаро-монголами, но возродится и начнет сначала медленно, а потом все быстрее и энергичнее набирать силу.

Никто не ведал, что маленький пограничный поселок Владимирского княжества станет сердцем возрожденной после ордынского нашествия Руси.

Никто не знал, что он станет великим городом земли и к нему обратятся взоры человечества!..

Кузнецы злату-серебру

Древняя Русь в средневековом мире широко славилась своими умельцами. Поначалу у древних славян ремесло носило домашний характер — каждый выделывал для себя шкуры, дубил кожи, ткал полотно, лепил глиняную посуду, изготовлял оружие и орудия труда. Затем ремесленники стали заниматься только определенным промыслом, готовили продукты своего труда для всей общины, а остальные ее члены обеспечивали их продуктами сельского хозяйства, мехами, рыбой, зверем. И уже в период раннего средневековья начался выпуск продукции на рынок. Сначала он носил заказной характер, а затем товары стали поступать в свободную продажу.

В русских городах и больших селах жили и трудились талантливые и умелые металлурги, кузнецы, ювелиры, гончары, ткачи, камнерезы, сапожники, портные, представители десятков других профессий. Эти простые люди внесли неоценимый вклад в создание экономического могущества Руси, ее высокой материальной и духовной культуры.

Имена древних ремесленников, за малым исключением, нам неизвестны. За них говорят предметы, сохранившиеся от тех далеких времен. Это и редкие шедевры, и повседневные вещи, в которые вложен талант и опыт, умение и смекалка.

Первыми древнерусскими ремесленниками-профессионалами были кузнецы. Кузнец в былинах, преданиях и сказках является олицетворением силы и мужества, добра и непобедимости. Железо тогда выплавляли из болотных руд. Добыча руды производилась осенью и весной. Ее сушили, обжигали и везли в металлоплавильные мастерские, где в специальных печах получали металл. При раскопках древнерусских поселений часто находят шлаки — отходы металлоплавильного процесса — и куски железистой крицы, которые после энергичной проковки становились железными массами. Обнаружены и остатки кузнечных мастерских, где встречены части горнов. Известны погребения древних кузнецов, которым в могилы положили их орудия производства — наковальни, молотки, клещи, зубила.

Древнерусские кузнецы снабжали землепашцев сошниками, серпами, косами, а воинов — мечами, копьями, стрелами, боевыми топорами. Все, что необходимо было для хозяйства —

ножи, иглы, долота, шилья, скобели, рыболовные крючки, замки, ключи и многие другие орудия труда и бытовые вещи, — изготавливали талантливые умельцы.

Особого искусства достигли древнерусские кузнецы в производстве оружия. Уникальными образцами древнерусского ремесла X века являются предметы, обнаруженные в погребениях Черной Могилы в Чернигове, некрополей в Киеве и других городах. Неподалеку от города Юрьева-Польского, где в 1216 году произошла известная Липицкая битва, был найден шлем древнерусского князя Ярослава Всеволодича. Этот шлем — выдающееся произведение оружейного искусства. Весь он покрыт серебром и украшен позолоченными серебряными накладками, на которых изображены святые Георгий, Василий, Федор. На лобной части помещен образ архангела Михаила с надписью: «Великий архистратиг Михаил помоги рабу своему Федору». По краю шлема выгравированы грифоны, птицы, барсы, между которыми размещены лилии и листья. К шлему прикреплялась железная полумаска, прикрывавшая лицо воина, и бармица из железных колечек, которая защищала шею.

Серебро и золото использованы и в отделке другого оружейного шедевра древнерусского искусства — топорика князя Андрея Боголюбского. На его лезвии изображены два голубя и древо жизни, под ним — дракон, пронзенный мечом. Кроме этого, на топорике вырезана буква «А» — инициал владельца грозного оружия.

Несомненна перекличка орнаментов и сцен, изображенных на топорике, с русским народным эпосом. Так, повергнутый змей изображен на нем с восемью головами, а в былине «Добрыня и Змей» рассказывается о том, как русский богатырь победил восьмиглавого змея и спас от верной гибели много людей.

Необходимой частью костюма и убора древнерусского человека, как женщины, так и мужчины, были различные украшения и амулеты, сделанные ювелирами из серебра и бронзы. Именно поэтому частой находкой в древнерусских постройках являются глиняные тигельки, в которых плавили серебро, медь, олово. Затем расплавленный металл разливали по известняковым, глиняным или каменным формочкам, где был вырезан рельеф будущего украшения. После этого на готовое изделие наносился орнамент в виде точек, зубчиков, кружочков. Различные привески, поясные бляшки, браслеты, цепочки,

височные кольца, перстни, шейные гривны — вот основные виды продукции древнерусских ювелиров.

Для украшений ювелиры использовали различную технику — чернь, зернь, скань-филигрань, тиснение, эмаль.

Техника чернения была довольно сложной. Сначала готовилась «черневая» масса из смеси серебра, свинца, меди, серы и других минералов. Затем этим составом наносился рисунок на браслеты, кресты, кольца и другие ювелирные изделия. Чаще всего изображали грифонов, львов, птиц с человеческими головами, различных фантастических зверей.

Совсем других методов работы требовала зернь: маленькие серебряные зернышки, каждое из которых в 5—6 раз меньше булавочной головки, припаивались к ровной поверхности изделия. Какого труда и терпения, например, стоило напаять 5 тысяч таких зернышек на каждый из колтов, что найдены при раскопках в Киеве! Чаще всего зернь встречается на типично русском украшении — лунницах, которые представляли собой подвески в виде полумесяца.

Если вместо зернышек серебра на изделие напаивались узоры из тончайших серебряных, золотых проволочек или полосок, то получалась скань. Из таких нитей-проволочек создавался подчас невероятно затейливый рисунок.

Применялась и техника тиснения на тонких золотых или серебряных листах. Их сильно прижимали к бронзовой матрице с нужным изображением, и оно переходило на металлический лист. Тиснением выполняли изображения зверей на колтах. Обычно это лев или барс с поднятой лапой и цветком в пасти.

Вершиной древнерусского ювелирного мастерства стала перегородчатая эмаль.

Эмалевой массой служило стекло со свинцом и другими добавками. Эмали были разных цветов, но особенно любили на Руси красный, голубой и зеленый. Украшения с эмалью проходили сложный путь, прежде чем стать достоянием средневековой модницы или знатного человека. Сначала на будущее украшение наносили весь рисунок. Потом на него накладывали тончайший лист золота. Из золота же нарезали перегородки, которые припаивали к основе по контурам рисунка, а пространства между ними заливали расплавленной эмалью. Получался изумительный набор красок, игравший и блиставший под солнечными лучами разными цветами и оттенками. Центрами произ-

водства украшений из перегородчатой эмали были Киев, Рязань, Владимир...

Если мы начнем листать толстые тома описей находок из археологических раскопок городов, поселков и могильников Древней Руси, то увидим, что основная часть материалов — это обломки глиняных сосудов. В них хранили запасы продовольствия, воду, готовили пищу. Незатейливые глиняные горшки сопровождали умерших, их разбивали на тризнах. Гончарное дело на Руси прошло большой и сложный путь развития. В IX—X столетиях наши предки пользовались керамикой, изготовленной вручную. Поначалу производством ее занимались только женщины. К глине примешивали песок, мелкие раковины, кусочки гранита, кварца, иногда в качестве добавки использовали осколки битой керамики, растения. Примеси делали глиняное тесто крепким и вязким, что позволяло изготавливать сосуды самых разнообразных форм.

Но уже в IX веке на Юге Руси появляется важное техническое усовершенствование — гончарный круг. Его распространение привело к обособлению новой ремесленной специальности от другого труда. Гончарство из рук женщин переходит к мужчинам-ремесленникам. Простейший гончарный круг укреплялся на грубой деревянной скамье с отверстием. В отверстие вставлялась ось, державшая большой деревянный круг. На него и клали кусок глины, предварительно подсыпав на круг золу или песок, чтобы глина легко отделялась от дерева. Гончар садился на скамью, вращал круг левой рукой, а правой формировал глину. Таков был ручной гончарный круг, а позднее появился и другой, который вращали с помощью ног. Это освободило для работы с глиной вторую руку, что значительно улучшило качество изготавливаемой посуды, повысило производительность труда.

В различных областях Руси готовили разную по форме посуду, изменялась она и во времени. Это позволяет археологам достаточно точно определить, в каком славянском племени изготовлен тот или иной горшок, выяснить время его изготовления. На днищах горшков часто ставились клейма — кресты, треугольники, квадраты, круги, другие геометрические фигуры. Иногда встречаются изображения цветков, ключей. Готовая посуда обжигалась в специальных печах-горнах. Они состояли из двух ярусов — в нижнем размещались дрова, а в верхний закладывались готовые сосуды. Между ярусами

устраивалась глиняная перегородка с отверстиями, через которые горячий воздух поступал наверх. Температура внутри горна превышала 1200 градусов.

Разнообразны сосуды, изготавливавшиеся древнерусскими гончарами, — это огромные горшки для хранения зерна и других припасов, толстые горшки для варки пищи на огне, сковородки, миски, кринки, кружечки, миниатюрная ритуальная посуда и даже игрушки для детей. Сосуды украшались орнаментом. Наиболее распространенным был линейно-волнистый рисунок, известны украшения в виде кружочков, ямочек, зубчиков.

Веками вырабатывалось искусство и умение древнерусских гончаров, потому и достигло высокого совершенства.

Металлообработка и гончарство были, пожалуй, самыми важными из ремесел. Кроме них широко процветали ткачество, кожевенное и портняжное дело, обработка дерева, кости, камня, строительное производство, стеклоделие, хорошо известные нам по археологическим и историческим данным.

Особо славились русские косторезы. Кость хорошо сохраняется, и поэтому находки костяных изделий в изобилии обнаружены во время археологических раскопок. Из кости изготовлялось множество бытовых предметов — ручки ножей и мечей, проколки, иглы, крючки для плетения, наконечники стрел, гребни, пуговицы, остроги, шахматные фигурки, ложки, лощила и многое другое. Украшением любой археологической коллекции являются составные костяные гребни. Их делали из трех пластин — к основной, на которой нарезаны зубчики, прикреплялись железными или бронзовыми заклепками две боковые. Эти пластины и украшались затейливым орнаментом в виде плетенки, узоров из кружков, вертикальных и горизонтальных полос. Иногда концы гребня завершались стилизованными изображениями конских или звериных голов. Гребни вкладывались в орнаментированные костяные футляры, которые защищали их от поломки и предохраняли от грязи.

Из кости чаще всего делали и шахматные фигуры. Шахматы на Руси известны с X века. О большой популярности мудрой игры рассказывают русские былины. За шахматной доской мирно решаются спорные вопросы, состязаются в мудрости князья, воеводы и богатыри, вышедшие из простого народа.

Дорогой-то гость, да грозен посол,
А сыграем-да в шашки-шахматы.
А пошел до князя Владимира,
Садились к столу они дубовому,
Приносили им доску шахматну...

Шахматы пришли на Русь с Востока по Волжскому торговому пути. Первоначально они имели очень простые формы в виде полых цилиндров. Такие находки известны в Белой Веже, на Таманском городище, в Киеве, в Тимереве под Ярославлем, в других городах и селениях. На Тимеревском поселении обнаружены две шахматные фигурки. Сами по себе они простые — те же цилиндры, но украшены рисунками. На одной фигурке процарапаны наконечник стрелы, плетенка и полумесяц, а на другой нарисован настоящий меч — точное изображение подлинного меча X века. Лишь позднее шахматы приобретают формы близкие к современным, но более предметные. Если ладья — так копия настоящей ладьи с гребцами и воинами. Ферзь, пешка — человеческие фигуры. Конь — как настоящий, с точно прорезанными деталями и даже с седлом и стременами. Особенно много таких фигурок найдено при раскопках древнего города в Белоруссии — Волковыска. Среди них есть даже пешка-барабанщик — настоящий воин-пехотинец, одетый в длинную, до пола, рубаху с поясом.

На рубеже X и XI веков на Руси начинает развиваться стеклоделие. Из разноцветного стекла мастера изготовляют бусы, перстни, браслеты, стеклянную посуду и оконное стекло. Последнее было очень дорого и использовалось лишь для храмов и княжеских теремов. Даже очень богатые люди подчас не могли себе позволить остеклить окна жилищ. Сначала стеклоделие было развито лишь в Киеве, а затем мастера появляются в Новгороде, Смоленске, Полоцке и других городах Руси.

«Стефан писал», «Братило делал» — из таких автографов на изделиях узнаем мы немногие имена древнерусских мастеров. Далеко за пределами Руси шла слава об умельцах, работавших в ее городах и весях. На Арабском Востоке, в Волжской Булгарии, Византии, Чехии, Северной Европе, Скандинавии и многих других землях изделия русских ремесленников пользовались большим спросом.

Непоправимый урон древнерусскому ремеслу нанесло татаро-монгольское нашествие, когда не просто погибли мастера и мастерские, но были утрачены традиции, которые пришлось затем возрождать вновь.

«Реки, напояющие вселенную...»

Великие перемены конца первого тысячелетия — экономический рост Руси, складывание раннефеодальной монархии, объединение многих земель под властью Киева, принятие христианства, нарастающая напряженность борьбы со Степью — сразу находят отклик в сердце русских людей: безвестные сказители облекали рассказы о героических подвигах в самобытную форму былин — благородных и чистых песен о том, что навсегда осталось в памяти народа.

Молодое Русское государство, внутри которого один за другим рассыпались косные барьеры племенного строя, остро нуждалось в самоотверженных героях. В строительстве нового, прогрессивного для своего времени общественного порядка нельзя было опираться на чужеземцев, будь то варяги, степняки или ляхи. Все они смотрели на Русь как на поле, куда можно явиться в любое время и увезти к себе готовый, связанный в снопы урожай.

Строить Русь — на века! — с ними было невозможно. Потому и летописи, и особенно ярко былины повествуют о выдвижении многих героев богатырей из глубин простого народа.

Киев, осажденный печенегами, спасает неизвестный отрок с уздечкой. Непобедимого печенежина повергает в поединке призванный князем Владимиром из далекого края юноша кожемяка. Осажденный степняками Белгород освобождают не знатные «старейшины градские», а безвестный старик, перехитривший врага... Стольный Киев выручает из бед худородный Илья Иванович Муромец. Вольге Святославичу верно служит Микула Селянинович со своей крестьянской дружинушкой...

Микула Селянинович — самый древний из былинных героев, вставших на службу молодому Древнерусскому госу-

дарству. Его крестьянское происхождение нарочито подчеркнуто отчеством — Селянинович, а занятие у Микулы самое простое и тяжелое, хоть и справляется он с ним играючи:

Как пашет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают...
А пенье-коренье вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит...

Только такие вот неистощимые силы русского народа могли создать сотни белокаменных городов и многие тысячи скромных сел и деревень, давать отпор вторжениям, распахивать новые и новые участки дикого леса, совершенствовать ремесло, трудиться и воевать.

Упорный труд — основа всему. Эта истина глубоко осознавалась русским народом. Отсюда шли уважение и любовь не только к самой работе и трудовому человеку, но и к орудиям труда, домашним животным — верным помощникам крестьянина в любом деле.

У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота!

Так рисует древнейшая русская былина главное трудовое орудие русского крестьянина — соху. Ни серебра, ни золота не пожалел Микула Селянинович, чтобы сделать сошку надежной и совершенной помощницей. Как разительно отличается его взгляд на жизнь и ее главные ценности от устремлений феодалов! То, что для князей и бояр было самоцелью, предметом алчных споров, вызывавших постоянное немирье и нещадное кровопролитие, — красно золото да серебро, — для Микулы Селяниновича оказалось лишь подходящим рабочим материалом, а главная ценность «мужичка да деревенщины» — сама сошка. Без нее нельзя вершить великий крестьянский труд, требующий недюжинных сил, природного таланта, упорства и трудолюбия.

Красива прочная и надежная сошка Микулы! Но еще более красив для былинных сказителей и для многих поколений слушателей человек в работе:

А у оратая кудри качаются,
Что нескачен жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя!

А какая очевидная богатырская сила жила в русском крестьянстве! Отправившись с упросившим его князем Вольгой Святославичем на сбор дани, Микула Селянинович вспомнил, что забыл укрыть свою сошку за ракитовым кустом. Уже проникшийся уважением к могучей силе крестьянского сына Вольга Святославич отрядил для исправления Микулиной оплошности пятерых дружинников.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучих,
К той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обори вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Удвоил Вольга силы — десятерых послал. Тот же результат! Тогда, чтобы в грязь лицом не ударить, вся княжеская дружина кинулась выполнять оказавшееся таким сложным задание. И вновь ничего не вышло! Пришлось Микуле поворачивать свою соловую кобылу.

Приехал ко сошке кленовенькой,
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст!

Таково было простое крестьянское дело, оказавшееся не под силу могучей дружине!

А к концу X века крайне напряженной и уже тоже непосильной для княжеских дружин стала неутихающая борьба

с внешними врагами на южных рубежах. И здесь решающее слово сказали отряды, набранные по городам и весям необъятной страны. Поэтому героев былин русские люди помнят вот уже 1000 лет. Богатыри живут в эпических сказаниях целые столетия! Илья Муромец совершает подвиги при Владимире Святославиче — в X веке, затем крушит половцев во времена правления хана Кончака — в конце XII века, а спустя еще полстолетия борется с «собакой-царем» Батыем!

И такое бессмертие глубоко закономерно, в нем нет ничего фантастического и надуманного, ибо в героях былин живет сам народ, его лучшие черты и самые честные устремления.

Рождение богатырского образа Ильи Муромца происходит в конце X века, как раз во время всколыхнувшего Русь самоотверженного строительства цепочки богатырских застав на юге. Для создания пограничных крепостей из далеких северных краев переселялись тысячи людей, многие из них, оставшись здесь навсегда, стали дружинниками Владимира, а иные даже его «великими мужами».

Илья Иванович, в 30 лет исцеленный от болезни волшебными странниками, проделал путь, по которому шли многие. Едва почувствовав в себе богатырскую силу, он устремляется «постоять за Киев». Благословленный на подвиги родителями, взяв в ладанку горсть родной земли, богатырь пускается в дальний путь, навсегда отрывается от родного края. Отныне его удел — тяжелая служба в порубежных областях, непрестанная борьба с «силушкой поганой». То в чистом поле, то под городскими стенами, то в синем море...

При помощи гигантских народных усилий искали и находили славу первые русские князья — от Олега до Ярослава Мудрого и дальше. Что бы сделали киевские правители, не будь всенародного движения в защиту родной земли? Былины ясно отвечают на этот вопрос, когда, например, рассказывают о том, как изумленный первым подвигом Ильи Муромца — пленением Соловья-разбойника — князь Владимир спешит из терема взглянуть на приторoченное к седлу коня страшилище:

Он скорешенько вставал на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника...

Ничего бы не осилил киевский князь, прикрывшийся куньей шубонькой от посвиста Соловья, без взращенных народом богатырей! И былина подчеркивает это, повествуя о резвых ножках разодетого в меха правителя. Где ему сражаться за освобождение городов, заново торить заколодевшие от разбойных набегов прямоезжие дороги! Только простой народ, послав на рубежи лучших сынов, мог решить эти тяжелые задачи.

Былины стали ярким отражением сложных исторических судеб русского народа, его самоотверженных порывов и великой любви к родине. Необычайны и подчас фантастичны силы былинных героев — палицы у богатырей по 100 пудов, скачут они на верных конях выше дерева стоячего, чуть ниже облака ходячего, а первый скок — на 30 верст! Коль махнет богатырь в бою направо, — улица во вражьем войске, налево махнет — переулочек!.. В этих образах запечатлена не сила отдельного человека, а мощь всего народа.

Но и враги, выходившие на богатырей, были чудовищно могучи. Войска вражьего, растянувшегося в степях, серому волку в три дня не обрыскать, черному ворону не облететь. От разбойного посвиста Соловья люди замертво падали! У Идолища поганого голова была что пивной котел, глазища будто чашищи, рот как лохань, а руки будто граблищи! Вот каким врагам приходилось противостоять! В сравнении с ними богатыри выглядели обычными людьми, которых делала сильными и возвышала до подвига неистребимая любовь к родной земле. От этой любви разгорались богатырские сердца, она делала для героев смерть в бою «неписаной», а жизнь — невероятно долгой.

О подвигах народа складывали в неразличимой уже глубине веков былины гениальные творцы, а поколения сказителей передали нам эти песни «о гневе и о нежности, о неутолимых печалях матерей и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь», как писал Максим Горький.

В конце X века рядом с творчеством былинных сказителей появляется письменная литература, составляются основанные на устных преданиях, легендах и былинах летописи — самые первые русские книги, не дошедшие до наших дней.

С момента возникновения письменности и до нынешних времен книги особо почитаются в русском народе. В крестьянских семьях они сохранялись столетиями, передавались из по-

колeния в поколение как самая большая, ничем неизмеримая ценность.

Такое отношение к книгам сложилось изначально. Мы находим его уже в самой древней нашей летописи.

«Велика ведь бывает польза от учения книжного! Книги наставляют и научают нас... ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина. Ими мы в печали утешаемся...

Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей!»

Так выразил летописец чувства, порождаемые книгой, книжным словом, учением.

Летописание особенно расцвело при Ярославе Мудром. При нем в 30—40-е годы XI века был составлен из нескольких летописей большой свод, который получил в науке название Древнейшего. Он не сохранился, но был восстановлен русскими учеными по фрагментам, вошедшим в другие, более поздние летописи. Этот свод вобрал некоторые ранние записи, дружинные и народные сказания, свидетельства о Ярославовом правлении. А открывался он легендой о Кие — основателе Киева. Такое начало было естественно и понятно — ведь летопись составлялась при киевском храме святой Софии, украсившем город при Ярославе.

Но вскоре центром летописания стал Печорский монастырь под Киевом, где был создан следующий за Древнейшим свод. Автором его был печорский монах Никон, прозванный за ум, истовость и твердую волю Великим. Никон не был сторонним наблюдателем бурной политической жизни Киевской Руси, а напротив — активно вмешивался в нее. Он настойчиво спорил с киевским митрополитом-греком, присланным из Константинополя, выступая за то, чтоб русская церковь служила интересам Руси, а не далекой Византии. Такая строптивость дорого обошлась иноку — в 1061 году пришлось укрыться от княжеского гнева Никону в далекой Тмутаракани, русском городе на берегу Керченского пролива. Он и там быстро освоился, деятельно участвовал в городских делах — даже ездил послом от города в Чернигов, просить князя для Тмутаракани.

Через 7 лет, в 1068 году, Никон вернулся в родной Киев. 5 лет, пока правил Изяслав Киевский, он провел в монасты-

ре. Но когда Изяслав был незаконно изгнан с престола младшим братом, Никон отказался признать вероломно и неправедно захваченную власть и снова уехал в Тмутаракань.

Полная решительных переломов жизнь, переезды и поездки по делам обогатили Никона знанием многих преданий, неизвестных составителю Древнейшего свода. Он тщательно собирал их, слушал и записывал рассказы очевидцев о разных исторических разностях. Внимательно читал книги, собранные в печорской библиотеке, много «поучал братию от книг».

Книги Никон любил страстно и не только овладел искусством их написания, но и стал непревзойденным мастером-делателем книг. «Неустанно сидяща и делающа книги», — вспоминали о нем печорские монахи.

Терпеливое непрекращавшееся собирательство фактов русской истории, чтение и толкование древних книг, хорошее знание тогдашних политических течений помогли Никону создать новый летописный свод, объявший уже не только киевские дела и то, что происходило в киевской округе, но всю Русь.

Начинавшееся дробление Руси вызывало в Никоне ярый и неукротимый протест, поэтому он сделал главной идеей своего повествования идею единства Руси. Она, как точный камертон, звучит в талантливых рассказах этого летописца.

Свод Никона тоже не сохранился. Как и Древнейший, он частично восстановлен учеными по кускам, вошедшим в более поздние летописи.

Прошло время, и в конце XI века после смерти Никона летописанием занялся печорский игумен Иван.

Как осколки разбитого сосуда, рассыпалась страна на отдельные земли-княжества, братоубийственные усобицы возгорались в разных ее концах, поощряя степняков к непрестанным вторжениям. Ивана изумляла близорукая политика князей, неспособных ни навести порядок в своей земле, куда все чаще приходили «глад крепок и скудость великая», ни защитить ее от врагов.

Он говорил и писал резкие, волновавшие сердца речи, прямо обвинял киевского князя в алчности и корыстолюбии. Люто разгневался на него за такую хулу Святополк Киевский! По его приказу игумена схватили и заточили в далеком Турове. И если б не заступничество Владимира Мономаха, сгноил бы киевский князь Ивана в сырой полуземлянке. Вы-

ручил его Владимир, спас от пожизненного заключения и гибели.

Иван незадолго до смерти закончил свою работу, вставив в летопись рассказ о половецком нашествии 1093 года — о похвальбе Святополка, трагическом разгроме русского войска, осаде Торческа, разграблении киевской округи, гибели множества русских людей.

Суровые испытания шли одно за другим, как тяжелые штормовые волны на южном море. Страстно желал Иван усиления родной земли, искоренения усобиц и объединения во имя защиты отечества. Но дожить до такого времени ему не суждено было. Не сохранился и созданный им летописный свод...

Самая старая из сохранившихся летописей — «Повесть временных лет». Эта летопись была создана в начале XII века и являет собой плод последовательных усилий целой плеяды древнерусских авторов, в том числе и Никона, и Ивана.

Каждый летописец записывал то, чему был свидетелем сам, что слышал от других, о чем читал в более древних книгах. Записывал и распределял по годам, сообразуясь со своими представлениями о тех или иных событиях, их причинах и следствиях.

А спустя 10, 15, 20 лет созданная им летопись попадала в руки другого автора. Он дополнял ее новыми сведениями, делал вставки в более ранние рассказы, изменял оценки событий...

Следующий автор продолжал такую же работу, и подчас этот медленный, но неостановимый процесс продолжался целые столетия. Летописный свод, словно живое древо, разрастался, у него появлялись новые мощные ветви, а какие-то, ставшие неинтересными для нового поколения читателей, засыхали и отмирали. Все пышнее становилась буйная крона исторических фактов и сведений. Своды становились многотомными, изукрашивались сотнями миниатюр, одевались в дорогие кожаные переплеты, окладывались золотом и серебром, узорочьем и драгоценными камнями — столь дорогим представлялся людям сокровенный смысл заключенного в них знания!

«Повесть временных лет» начинается со слов: «Повесть временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерского...». Этот безымянный черноризец — знаменитый Нестор! Он при-

шел в Печорский монастырь в 1073 году и тогда же — 17-летним юношей! — был пострижен в монахи. Всю жизнь Нестор провел в монастыре, десятки лет посвятив одному великому делу — составлению летописи, которая сегодня является главным кладезем сведений о русской старине.

«Повесть временных лет» начинается с событий мировой истории, со «всемирного потопа» и последующего разделения всех земель между сыновьями спасшегося на своем ковчеге библейского Ноя. После этого в летописи изложены средневековые представления о происхождении разных народов, приведена знаменитая легенда о Вавилонском столпотворении, когда бог, желая наказать людей за дерзость, разделил их на множество языков и строители Вавилонской башни перестали понимать друг друга.

От библейских сюжетов нить повествования скользит уже к восточным славянам, которые первоначально, как считал Нестор, жили по Дунаю. В этом рассказе четко отложились племенные воспоминания об одном из этапов долгой исторической миграции славянских племен, подтверждаемой ныне археологическими исследованиями. Затем идет рассказ о расселении многочисленных славянских племен по Восточно-Европейской равнине, ее географическое описание.

И только потом Нестор вступает в область истории Руси, изложив легенду об основании тремя братьями будущей древнерусской столицы Киева. Нестор писал о нравах отдельных славянских племен. Более всего ему нравились обитавшие в районе Киева поляне. Нахваливая их, он не пожалел слов и красок: «Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают».

Другие племена — радимичи, вятичи, древляне, кривичи,— по мнению Нестора, нравы имели куда как хуже.

«А древляне жили звериным обычаем, — осуждающе сообщает он, — жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища

между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены».

Столь сочувственное отношение к полянам и резкое неприятие древлянских обычаев объясняются тем, что Нестор пользовался, видимо, устными родовыми преданиями племени полян, обитавших в Киевской земле. Возможно, и сам он являлся их потомком.

Вполне естественно, в этих преданиях всячески превозносились сами поляне, а о соседях, с которыми поляне то и дело враждовали, говорилось неодобрительно.

Питала летопись и живая жизнь, горячая, подчас кровавая и жестокая феодальная повседневность. Печорская монастырская братия знала устремления киевских князей, ведала о происках врагов Руси, следила за борьбой правителей. Русские князья тщательно блюли установившийся обычай гостить у монахов. То один, то другой русский правитель раскидывал походный шатер у монастырских стен. Опальные бояре и дружинники, уходя от полной страсти и борьбы светской жизни, постригались в монахи, вливались в братию черноризцев и рассказывали летописцам о своих прежних делах, подвигах и нынешних горьких обидах.

Одним из таких людей был близкий Нестору-летописцу человек по имени Янь Вышатич.

Янь, дружинник князя Святослава Черниговского, усмирявший восстание в Суздальской земле, о чем мы уже рассказывали, был сыном Вышаты.

Отцом Вышаты был новгородский посадник Остромир, знаменитый не столько своими делами, сколько созданным по его заказу Остромировым евангелием — изумительным памятником древнерусской книжности.

Остромир же был сыном новгородского посадника Константина.

А отцом Константина был посадник Добрыня. Знакомое имя? Кто же не знает сильного, рассудительного, честного Добрыню Никитича, одного из главных героев русских былин! Посадник Добрыня — реальный прототип былинного героя, его дела, сказочно преображенные и расцвеченные сказителями, лежат в основе подвигов богатыря.

Все перечисленные люди — несколько поколений одной семьи — кто однажды, а кто много раз появляются на страни-

цах «Повести временных лет». Рассказы о них встречаются на протяжении полутора веков, причем каждый из этих персонажей совершает выдающиеся поступки, действует решительно, смело, мудро...

По совету Добрыни, например, князь Владимир в 985 году заключил мир с болгарами, скрепив его торжественной клятвой: «Тогда не будет между нами мира, когда камень будет плавать, а хмель тонуть!»

Добрыня же добился для Владимира руки Рогнеды, дочери полоцкого князя.

Проходит время, и уже сын Добрыни Константин проявляет решительную дальновидность. В 1018 году Ярослав Мудрый, едва начав княжить в Киеве, был разбит польским королем Болеславом, бежал в Новгород и оттуда уже собирался навсегда податься в далекие заморские края. Посадник Константин, приказав разрубить приготовленные для бегства ладьи, заявил князю: «Хотим еще биться с Болеславом!» Ярослав внял совету и, приняв помощь новгородцев, победил. Так, судя по летописи, он был обязан тем, что сохранил княжение, прадеду Яня Вышатича.

Прошла четверть века, и внук Константина воевода Вышата отличился в неудачном походе 1043 года на Царьград. Страшная буря разметала русский флот и выбросила почти все корабли на берег. Предстояло возвращаться по суше, долгим кружным путем, и никто из княжеского окружения не хотел возглавить этот опасный и бесславный поход. Тогда и вызвался Вышата: «Я пойду с ними. Если останусь жив, то с ними, если погибну, то с дружиною!»

Отряд ждала тяжелая участь. Скоро он был окружен войсками византийского императора, и Вышата попал в плен, где провел почти 3 года. Трудная ему досталась доля, и летописец рисует его главным героем похода, самоотверженным, преданным киевскому князю.

А еще через 20 лет наступает черед активных действий для нового отпрыска этого рода — Яня Вышатича. В конце 60-х годов XI века, когда по всей Руси прокатывается волна восстаний, он усмиряет большое восстание в Белоозере (он собирал там дань для своего князя). В это время Янь был уже зрелым мужем: если верить летописи, он родился в 1016 году, то есть ко времени борьбы с восставшими ему перевалило за 50 лет. На его стороне был военный и политический опыт, авто-

ритет одного из главных советников князя. Позднее, к 70-м годам, Янь стал киевским тысяцким — главой столичного войска. Это была вершина его карьеры. Скоро состарившийся дружинник был оттеснен молодыми и напористыми слугами киевского князя.

Новые времена, наступавшие на Руси, требовали иных способов добывания славы и даней, чем те, к которым привык Янь Вышатич. Недовольный, обиженный на князя, Янь удалился в Печорский монастырь...

Великие, совершавшиеся на протяжении полутора веков дела героического дружинного рода! Какая же счастливая случайность позволила рассказам о них уцелеть на страницах летописного свода, который переделывался много раз? Почему деяния нескольких поколений одной семьи представлены в летописи столь подробно, а о других, даже более именитых, мы почти ничего не знаем? Здесь снова встает перед нами вопрос об источниках первой русской летописи, о тех ручьях, из которых сложилась величественная летопись-река — «Повесть временных лет».

Причину своей осведомленности о делах дружинного рода Яня Вышатича Нестор-летописец открыл сам, обронив одну малозначительную на первый взгляд фразу. Под 1106 годом он сообщил о смерти последнего выдающегося представителя славного рода: «В тот же год скончался Янь, старец добрый, прожив 90 лет, в старости маститой. Жил он по закону божию, не хуже был он первых праведников. От него и я много рассказов слышал, которые и записал в летописанье этом, от него услышав. Был он муж благой и кроткий и смиренный, избегал всяких тяжб. Гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное 24 июня».

Янь, «старец добрый», доживал свой долгий век в монастыре, где провел лет десять—пятнадцать и много рассказывал монахам о своих подвигах и делах предков. Предания этого рода передавались из поколения в поколение, и в них оставалось только то, что представлялось самым значительным, да и оно приукрашивалось, выдвигалось на первый план. Так в конце концов и вышло, что все русские князья обязаны роду Яня Вышатича важными услугами и советами.

Добрыня был главным советчиком князя Владимира Красное Солнышко. Константин сохранил Ярославу киевский стол. Вышата в самое трудное время взял на себя руководство

войском. Янь Вышатич усмирил большое восстание, верно служил Святополку Киевскому...

Рассказы Яня, не раз выслушанные Нестором, были вставлены в летопись и дошли до нас.

Таким был лишь один из путей, какими те или иные сведения попадали в летопись. Что-то летописцы видели сами и вносили в рукопись. Подробности сражений и стихийных бедствий им рассказывали очевидцы и «калики перехожие» — странники, ходившие из города в город.

Сплетение многих источников, сплавленных воедино талантом летописцев, привело к тому, что в «Повести» свободно сочетаются гибкая образная устная речь и сухой язык межгосударственных договоров. Угнетающе строгие церковные тексты вдруг прерываются рассказами, которые дышат первозданной живописностью.

Монотонность библейских текстов сменяется взволнованной — то гневной, то радостной — речью летописца. Точные рассуждения соседствуют с естественными для средневековых хроник мистическими толкованиями небесных знамений. Предельно ясные сообщения стоят рядом с загадочными известиями, непроясненными до сих пор.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев сравнил эту древнейшую летопись с гигантской разноцветной мозаикой. Ее смысл, взаимосвязь больших и малых частей, прихотливых рисунков-сюжетов, цветов и оттенков разгаданы еще не до конца, хотя и написаны о ней тысячи и тысячи книг, статей, заметок...

Но, как у всякой мозаики, у летописного разноцветья есть цементирующая, все соединяющая основа. Эта основа — патриотическое отношение к Руси, к русской истории и современной созданию летописи действительности.

Нестор, главный творец «Повести», не был, подобно пушкинскому Пимену, отшельником-монахом, сидящим в каменной келье, куда едва пробивается дневной свет и совсем не проникают звуки живой жизни. Не был он и ловким, держащим ухо востро, а нос по ветру, писакой-угодником, готовым в любой момент заново переделать, коль требует правитель, еще не просохший текст, изъять одни сведения, вставить или приукрасить другие. У него был свой взгляд на историю и современность, подчас расходившийся с тем, что отстаивали сильные люди тогдашнего русского мира.

Теперь с высоты прошедшего тысячелетия мы ясно видим, что именно его позиция — твердые возражения против умножавшихся и разорявших народ «вир и продаж», гневные обличения братоубийства и раскола, призывы к единению в борьбе с внешними врагами — отвечала глубинным потребностям развития страны, подчас неразличимым за шумной и пестрой повседневностью.

В этом и кроется причина, обеспечившая бессмертие творению черноризца Нестора.

Бессмертная песнь

Различна судьба исторических деяний. Одни, подобно Куликовской битве, навсегда врезаются в память народа и живут тысячелетия. Черты других, постепенно затуманиваясь и исчезая, преломляются в сказаниях и былинах. Третьи, такие, как полувымышленные подвиги предков Вышатича, попадают в летописи и становятся известны по случайным причинам, потому что автор этих домыслов-рассказов был близок к тому или иному составителю сводов.

Но пожалуй, самая поразительная судьба была суждена малопримечательному, если измерять события большой исторической мерой, и к тому же неудачному походу новгород-северского князя Игоря против половцев. По известности своей он неизмеримо превзошел десятки и сотни куда более значительных военных и политических событий. Произошло это не потому, что поход Игоря имел какие-то далеко идущие последствия, не потому, что Игорь прославился другими подвигами и они обратили внимание на предыдущие дела этого князя.

Неудачный поход Игоря, разгром и плен, счастливый побег и возвращение — цепь этих событий вовсе не является исключительным для русского средневековья явлением. Все Игоревы беды и несчастья — обычный, а во многом заурядный эпизод из истории феодальной раздробленности. Летописи сохранили нам куда более драматичные рассказы — вспомним хотя бы редкую по своей высокой трагедийности летописную повесть об ослеплении Василька Теребовльского или заговор против Андрея Боголюбского.

Имя «виновника» 1000-летней Игоревой славы неизвестно и вряд ли когда-либо откроется вообще, хотя различные предположения о нем высказывались историками.

Этот «виновник» — автор «Слова о полку Игореве».

Необычайно сложна судьба величайшего произведения древнерусской литературы. Единственный дошедший до нового времени список «Слова» был найден в начале 90-х годов XVIII века страстным собирателем и знатоком русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Он приобрел у бывшего архимандрита закрытого Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского большой сборник древнерусских произведений — в одной книге были переплетены «Сказание об Индийском царстве», повесть об Акире Премудром, «Летописание русских князей и земли Русской»... Среди них и было вшито в книгу «Слово о полку Игореве». Как попала эта рукопись, происходившая, как видно, из Пскова или Новгорода, в Ярославль, неизвестно.

Находка была сразу оценена. С рукописи «Слова» были сняты копии, одна из которых, сохранившаяся до наших дней, предназначалась самой императрице Екатерине II.

Понимая значение «Слова» не только для истории, но и для русской культуры вообще, лучшие знатоки древнерусских рукописей — историк Н. М. Карамзин, которому Пушкин посвятил свою трагедию «Борис Годунов», собиратели-книжники Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский и А. И. Мусин-Пушкин в 1800 году издали «Слово», для того чтобы с ним могли ознакомиться широкие читательские круги.

Благодаря стараниям этих людей — изданной ими книге да письменным копиям, которые были сняты с новооткрытой рукописи, мы и можем сегодня восхищаться этим гениальным произведением. Потому что единственный найденный список «Слова» — рукопись XVI века, которую судьба хранила более двух столетий, — сгорел в огромном московском пожаре 1812 года во время Наполеонова нашествия.

В одном-единственном списке дошли до нас и несколько других великих произведений русской древности — «Поучение» Владимира Мономаха, сохранившееся в составе одной из летописей, «Повесть о Горе-Злосчастии», «Слово о погибели Русской земли»...

Единственный рукописный список! Тонкая нить, все время готовая оборваться! Огонь и вода, небрежность хранителя и не-

вежество завоевателя в любой момент могли бесповоротно лишить нас великих произведений. Прослеживая их судьбы, задумаемся, помня о великих трагедиях, пережитых нашей землей, и о другом. Ведь наверняка неполна россыпь самородков, именуемая древнерусской литературой! Видимо, многие ее жемчужины утрачены навсегда, сияние их, высокий полет мысли и высокое слово никогда не станут известны...

Тончайшей нитью дотянулось «Слово» до наших времен. Будем благодарны тем счастливым случайностям, которые целые века хранили его.

Академик Борис Александрович Рыбаков, скрупулезно изучив сложнейшую, из тысяч осколков составленную мозаику русской жизни середины 80-х годов XII века, сопоставив сотни и тысячи фактов, иногда, казалось бы, совершенно друг с другом не связанных, пришел к интересному выводу. «Слово о полку Игореве», считает он, создано в 1185 году. Оно, видимо, «было сложено и исполнялось в Киеве при дворе великого князя по случаю приема необычного гостя, нуждавшегося во всеобщей поддержке, — князя Игоря, только что вернувшегося из половецкого плена». Ученый даже назвал имя предполагаемого автора «Слова» — киевского летописца Петра Бориславича.

Страстная речь гениального современника князя Игоря, обращенная к собранию русских правителей, не укладывается ни в какой из бытовавших в те времена литературных канонов.

Что являет собой «Слово» по форме? Этим вопросом задавались тысячи ученых, писателей, публицистов. За два века накопились сотни ответов. «Слово о полку Игореве» называли поэмой, песнью, повестью, сагой, думой, поэтическим преданием, собранием священных мифов языческой Руси, исторической повестью, гимном-каноном, былиной, речью гениального оратора.

«Слово» соединило в себе многие черты древнерусских книжных законов с живой традицией устного народного творчества. Именно такой сплав позволил его автору создать творение столь многогранное и яркое. Каждая грань «Слова» сияет столь ослепительно и мощно, что подчас кажется единственной. Обращенное к современникам — людям XII века, «Слово о полку Игореве», как справедливо пишет Б. А. Рыбаков, это «одновременно и поэтическое произведение, и мудрый

политический трактат, и интересное историческое исследование...».

Автор «Слова» понимал не только необходимость единства всех русских земель, но и то, что сейчас — в его время — оно недостижимо. Ища в прошлом Руси его образцы, он звал и торопил будущее. Окидывая взором гигантские просторы русских земель, он вел мысленные беседы с каждым князем и со всеми правителями вместе. Пагубность раздоров была для него настолько ясной, насколько очевидными были и ее плоды для каждого русского: поражения, которые все чаще и чаще несли княжеские рати то на южных и восточных, то на западных границах. Страна дробилась и исчезала под ударами агрессивных соседей, как весенняя льдина, вынесенная в неспокойное море.

Он думал о прикрытом от соседей-врагов Владимиро-Суздальском княжестве, расцветшем во времена Андрея Боголюбского. Ныне, в 1185 году, там правил Всеволод Большое Гнездо, сильный князь, совсем недавно разгромивший волжских булгар.

«Великий князь Всеволод! — обращался к нему автор «Слова». — Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать».

В этом призыве сквозь восхваление могущества и доблестей Всеволода явственно слышится и укор сильному князю, и горечь за обиду родной земли.

Могуч был в это время блистательный Всеволод! Что ни поход — то удача! А где удача, там полон и добыча — хлеб, мед, серебро. Есть на что украшать родной Владимир. Растут каменные терема, палаты и укрепления на клязьминских берегах, превращаются в могучий детинец — одну из крепчайших на Руси твердынь. Прочно сидит на владимирском престоле Всеволод. Покоряет соседей, лелеет родной Владимир, мечтая отстроить его, как далекий Царьград. Подле князя — семейство многочисленное: восемь сыновей-богатырей да четыре дочери-красавицы. Недаром прозван был Большое Гнездо.

От добра добра не ищут — не интересны сейчас Всеволоду южные страсти, половецкие дела. Забыл сын основателя Москвы Юрия Долгорукого, что отец княжил на киевском престоле, над которым простерлась теперь тень половецкой опасности. Не хочет вмешиваться, не хочет помогать...

С северо-востока Руси мысленный взгляд создателя «Слова» скользил на запад — к Смоленску и дальше, на юг — к стольному Киеву. Эти княжества сами страдали от беднашествий.

«Ты, храбрый Рюрик, и Давыд!.. Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!»

Может быть, южные князья откликнутся? И он обращается к отцу Ярославны, жены Игоря, галицкому князю Ярославу Осмомыслу. Галицкое княжество стояло тогда в ряду сильнейших. Связанное дружбой с Византией и западными странами, уставленное неприступными замками-крепостями, удаленное от половецких степей, получавшее огромные выгоды от оживленной торговли, Галицкое княжество, а значит, в первую очередь князь Ярослав да его бояре известны были сказочным богатством, желая выказать которое князь приказал изготовить себе золотой трон.

Дворец его, расположенный рядом с белокаменным собором, занимал вершину высокой горы, на которой раскинулся стольный Галич. Многочисленные покои, украшенные утонченно и изысканно, поражали великолепием. А в центре самого высокого и просторного зала, отделанного со всей мыслимой изощренностью, сиял поднятый на возвышение тот самый Ярославов престол...

Правда, за царственной роскошью и великолепием скрывалась для Ярослава жизнь непраздная, полная ежечасной борьбы со строптивым галицким боярством, которое не раз заставляло его, спасая жизнь, покидать родной город, искать убежища в иных землях.

Но, как считал автор «Слова», внутренние неурядицы должны отступить перед общей опасностью. Тем более что в плену у Кончака томился не только Игорь, зять Ярослава Осмомысла, но и внук — юный Владимир Игоревич. Отсюда высокая страсть призыва: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота... Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского зо-

лотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы!..»

Следом обращается он к волынским князьям: «А ты, храбрый Роман, и Мстислав. Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть... Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы-шестокрыльцы!.. Где же ваши золотые шлемы, и копья польские и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!..»

Не было единства на Руси не только в отношении борьбы с половцами. На западе границы русских земель уже трещали под напором княжества Литовского и крестоносцев. И здесь увидел автор «Слова» то же, что и повсюду: «Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен...»

Автор «Слова» с болью видел, как дымом развеивается Русь, как то одна, то другая земля подвергается опустошительным набегам. Он чувствовал сердцем будущие грозные напасти — взятый немцами Псков, грозно нависшую над новгородскими владениями «свейскую» державу, придвинувшуюся к Москве литовскую границу и, главное, грядущее нашествие Батыевых полчищ — и призывал:

«Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу! В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей!»

Насколько выше мелких политических расчетов, сиюминутных удач, к которым стремились правители, выше розни и бесчестья, мелкой выгоды и копеечных обманов был этот человек, автор «Слова о полку Игореве»! Оставаясь современником происходящего, он так опередил свое время и так решительно

сломал тесные идейно-политические рамки периода феодальной раздробленности, что у некоторых исследователей появлялись сомнения: полно, мог ли человек так подняться над своим временем, взмыть мыслью надо всей Русской землей и, оглядев раздираемое распрями лоскутное одеяло мельчайших княжеств, столь решительно выступить за единство родины? Откуда этот сильный одинокий голос в диком хоре мелкофеодального политического скудоумия?

Но видимо, в этом и есть один из непостижимых секретов человеческого гения, из которого выросло великое призвание всей русской литературы — настойчивое стремление к исправлению общественных недостатков. В хаосе кровавых буден феодальной раздробленности, осложнившихся жестокими поражениями от внешних врагов, создатель «Слова» думал о будущем родины и даже реально видел, каким оно должно быть.

Оглядываясь в прошлое, переплавляя печальный исторический опыт, он видел и звал грядущее, которое не мыслил без единства.

Пройдет век с небольшим, и начнется долгий и непростой процесс собирания Руси вокруг Москвы.

Но до этого было далеко, а до страшных бед и испытаний гораздо ближе. Карл Маркс справедливо увидел в «Слове о полку Игореве» «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».

В год, когда создавалось «Слово», уже содрогались от топота низкорослых косматых коней нукеров 30-летнего Темучина — будущего Чингисхана степи лежавшей за сорока землями Азии. Мелкие татарские и монгольские племена одно за другим покорялись хану-предводителю. Начинал раскручиваться гигантский водоворот, в воронке которого скоро станут исчезать целые народы.

Тангутские скотоводы и китайские земледельцы, индийские брахманы и персидские купцы, русские смерды и половецкие всадники не ведали, конечно, что минуют несколько быстролетных десятилетий и обозримый мир изменится неузнаваемо. И сами могущественные половцы, чьи каленые сабли теперь легко доставали до сердец русских княжеств, окажутся на смертельной черте, переступят ее и, отдав степь новым «находникам», исчезнут навсегда. Имя их и рассказы о грозных деяниях останутся только на страницах восточных хроник, русских

летописей да в гениальном, пронзающем сердце «Слове о полку Игореве».

Такие настанут смерченосные времена...

Трудный путь, полный потерь, лишений и изнурительной борьбы за саму возможность жить, скрывался для Руси в грядущем времени и приближался неумолимо — не миновать!

Пройдет ли Русь эту столетиями измеряемую череду тяжелых испытаний? Осилит ли дорогу, на которой многие народы исчезнут без следа?

Осилит! Залогом тому служили трудолюбие русского народа, его глубинная самобытность, извечное стремление к свободе и готовность на великие жертвы ради Отечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Якимович Дегтярев,
Игорь Васильевич Дубов

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВА

Ответственный редактор Н. Г. Фефелова.
Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. Д. Раткевич.
Корректоры В. Г. Арутюнян и Л. А. Бочкарева

ИБ 6639

Сдано в набор 28.02.83. Подписано к печати 30.08.83. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,69. Уч.-изд. л. 10,59. Усл. кр.-отт. 21,85. Тираж 100 000 экз. М-29948. Заказ № 480. Цена 70 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

70 коп.

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВА